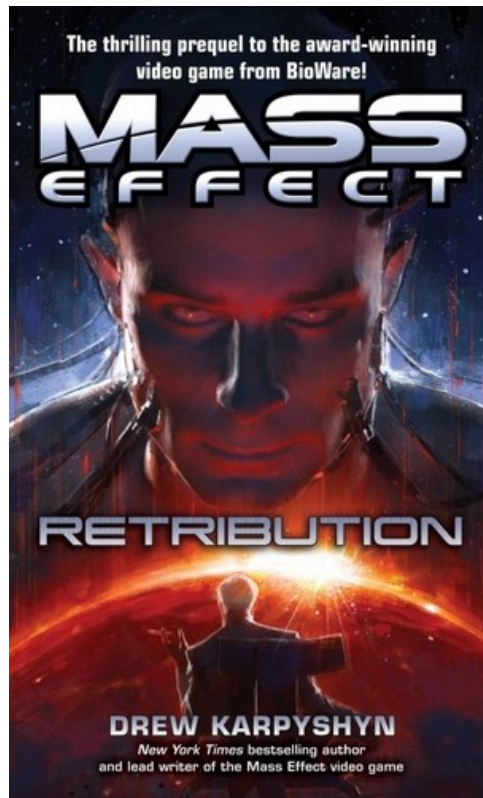

Дрю Карпишин Возмездие

Аннотация

Человечество достигло звезд, и присоединилось к галактическому сообществу. Но где-то глубоко в неизведанном космосе притаились Жнецы, раса разумных космических кораблей, которые «пожинают» разумные расы галактики для одним им ведомых зловещих целей.

Один из немногих, кому известна правда о Жнецах – Призрак, лидер организации «Цербер», борющейся за превосходство человечества в галактике. Ради этого превосходства он и запускает кошмарный эксперимент, который позволит ему изучить силы и слабости Жнецов – имплантирование человеку модифицированных жнецовских технологий. Идеальным кандидатом для его дьявольских изысканий стал бывший оперативник «Цербера» Пол Грейсон, уже знакомый с этими технологиями, – вместе с директором проекта «Восхождение» Кали Сандерс он спасал попавшую под контроль чужого разума дочь.

Но когда Кали узнает об исчезновении Грейсона, она обращается к единственному человеку, которому она доверяет – герою Альянса капитану Андерсону. Вместе они открывают местоположение секретной базы «Цербера», где Призрак проводит свой эксперимент над Грейсоном. Но не они одни охотятся за ним. И время работает против них. эксперимент продолжается и Жнец завладевает сознанием оперативника. Настойчивый шепот в его голове становится громче, постепенно подавляя личность бывшего сотрудника «Цербера», передавая контроль над его разумом Жнецу.

**Дрю Карпишин
Возмездие**

ПРОЛОГ

Призрак сидел в своем кресле, устремив взгляд в огромный иллюминатор, занимавший целую стену в его личном кабинете.

Безымянная станция, которую он сделал своей базой, находилась на орбите красного гиганта М-класса. Полукруглый край пылающего солнца закрывал всю нижнюю часть иллюминатора, подавляя, но не полностью заглушая своим свечением рассыпанные позади него звезды.

Эта звезда перешла на последний этап своего жизненного цикла длиной в шесть миллиардов лет. Грандиозным финальным аккордом ее существования станет коллапс и возникновение на ее месте черной дыры, которая поглотит всю систему. Планеты и спутники, которые звезда породила в момент своего возникновения, будут сожраны неотвратимой гравитационной силой темной, бездонной пасти, оставшейся от погибшего светила.

Эта сцена воплощала собой образ галактики с точки зрения Призрака: прекрасная, величественная и смертельно опасная. Жизнь могла возникнуть в самых маловероятных местах и в самых невероятных формах только лишь для того, чтобы исчезнуть в мгновение космического ока.

Он не собирался допустить, чтобы нечто подобное произошло с человечеством.

— Закрыть иллюминатор, — произнес он, и стена стала непрозрачной, оставив его одного в большой, слабо освещенной комнате. — Включить освещение, — сказал он, и с потолка брызнул поток света.

Он развернул кресло, оказавшись спиной к иллюминатору, лицом к круглой голографической площадке в центре комнаты, использовавшейся для приема вызовов. Во время работы эта площадка проецировала трехмерное изображение собеседника, создавая почти полную иллюзию присутствия.

Говорящие с ним, конечно же, также могли видеть его. Именно поэтому площадка располагалась так, чтобы давать изображение кресла на фоне иллюминатора. Когда иллюминатор работал, Призрак представлял перед собеседником на фоне того астрономического чуда, вокруг которого станция пролетала в данный момент — это был грандиозный и впечатляющий визуальный фон, призванный подчеркнуть тот образ, который он столь тщательно создавал все эти годы.

Ему захотелось выпить. Но не того синтетического инопланетного пойла, которое бармены по всей галактике подсовывали ничего не подозревающим людям. Он хотел чего-то настоящего. Чего-то чистого.

— Бурбон, — громко произнес Призрак. — Неразбавленный.

Через несколько секунд на противоположном конце комнаты отворилась дверь, и одна из его помощниц — высокая роскошная брюнетка — появилась на пороге с пустым стаканом в одной руке и бутылкой в другой. Каблуки остро процокали по мраморному полу кабинета, и ее длинные ноги, несмотря на обтягивающую их черную узкую юбку, в несколько шагов преодолели расстояние комнаты.

Она не улыбнулась и не произнесла ни слова, передавая ему бокал, ее поведение было чисто профессиональным. Затем она поднесла ему бутылку, чтобы он убедился в качестве виски.

«"Джим Бим Блэк", — гласила этикетка, — безупречная очистка из Кентукки».

— На три пальца, — велел ей Призрак в качестве одобрения.

Помощница наполнила бокал чуть выше середины и замерла в ожидании.

Как и всегда, первый глоток унес его к легким временам его молодости. В те дни он был обычным человеком, типичным представителем земной аристократии — богатым,

спокойным, наивным.

Он смаковал вкус, ощущая приступ тоски по тем давно ушедшим безмятежным дням — до того, как он основал «Цербер», до того, как стал Призраком, самопровозглашенным защитником человечества, до того, как Альянс и их инопланетные союзники из Совета Цитадели заклеили его и его последователей террористами.

До того, как появились Жнецы.

Из всех врагов в известной части галактики и за ее пределами, из всех опасностей, что когда-нибудь приведут к уничтожению человечества, ни одна не могла сравниться с той угрозой, что таилась где-то в пустоте темного пространства за краем галактики. Это были Жнецы — огромные разумные боевые корабли, безжалостные машины, полностью лишенные сострадания и эмоций. На протяжении десятков тысяч лет — а может и дольше — они наблюдали, как космические цивилизации развивались и эволюционировали, выжидая идеального момента, чтобы прийти и уничтожить всю органическую жизнь в галактике.

Тем не менее, несмотря на ужасную угрозу, которую они представляли, большинство людей ничего не знали о Жнецах. Совет засекретил все официальные доклады о нападении Жнецов на Цитадель, скрывая улики и отрицая правду в стремлении избежать распространения паники по всей галактике. И, конечно же, Альянс, как верная собачонка своих новых инопланетных хозяев, пошел у них на поводу без малейших возражений.

Ложь проникла столь глубоко, что даже те, кто помогал скрывать правду, были убеждены, что Жнецы это всего лишь миф. Они продолжали жить своей повседневной жизнью, слишком слабые и слишком глупые, чтобы разглядеть ужасную судьбу, ожидающую их.

Но Призрак посвятил всю свою жизнь встречам лицом к лицу с неприятными истинами.

Когда Альянс отвернулся от проблемы исчезновения человеческих колоний в Граничных Системах, «Цербер» взял на себя его обязанности. Им удалось даже привлечь в свои ряды командера Шепарда, величайшего героя Альянса, для помощи в расследовании этой загадки. И то, что выяснил Шепард, потрясло Призрака до глубины души.

Призрак отпустил помощницу легким кивком головы. Женщина изящно повернулась на каблуках и оставила его наедине со своими мыслями.

Сделав еще один глоток, Призрак поставил стакан на подлокотник кресла. Затем он сунул руку во внутренний нагрудный карман пиджака и вытащил тонкий, продолговатый серебряный футляр.

С бессознательным изяществом, выработанным за долгие годы, он открыл крышку, вытащил сигарету и закрыл футляр одним, казалось, непрерывным движением. Футляр исчез в кармане пиджака, а на его месте в руке Призрака появилась тяжелая черная зажигалка. Быстрое движение большого пальца, короткая затяжка сигаретой, и зажигалка исчезла вслед за футляром.

Призрак сделал долгий, медленный вдох, позволяя дыму заполнить легкие. Табак был частью земной культуры на протяжении столетий, а курение — обычным ритуалом почти всех развитых народов на земле. Забавно, что эта вездесущая привычка последовала за человечеством и в космос. Разнообразные сорта табака стали важным предметом экспорта для ряда колоний — человеческих и не только.

Находились даже те, кто имел наглость утверждать, будто некоторые из видов генетически выведенных салиарианцами листьев превосходили все, что когда-либо выращивало человечество. Призрак, однако, предпочитал табак — равно как и виски — только домашнего производства. Эта конкретная сигарета была сделана из урожая, собранного на обширных полях центральных районов Южной Америки — одного из немногих действующих сельскохозяйственных регионов Земли.

Традиционные опасности для здоровья, связанные с курением, более не являлись проблемой для людей XXII столетия — достижения в химии и медицине искоренили такие болезни как эмфизема и рак. И все же, до сих пор еще оставались те, кто питал глубокую

ненависть к этой скромной привычке. Древние законы перекочевали в середину XXII века, и запрет на курение табака все еще действовал на некоторых отдельных национальных территориях Земли. Многие смотрели на сигареты, как на нравственно недопустимую вещь: символ бессердечных и неразборчивых корпораций, стгубивших миллионы жизней в погоне за личной выгодой.

Но для Призрака курение олицетворяло собой нечто совершенно иное. Вкус, обвивающий язык и спускающийся по горлу, щекотание дыма, разливающегося по легким, и теплая волна никотина, распространяющаяся по телу, приносили с собой одновременно и успокоение от любимого процесса, и удовлетворение физического желания — два неотъемлемых элемента состояния человека. Курение нужно было прославлять, как ритуал... особенно теперь, когда само существование человечества поставлено под угрозу.

«Кури, если есть что, — думал он, вспоминая строчку из давно забытой книги, — потому что никому из нас не суждено увидеть завтра».

Призрак затянулся еще несколько раз и раздавил сигарету о дно пепельницы, встроенной в подлокотник кресла, а затем сделал очередной глоток.

Сколь бы жуткими не казались перспективы, он не собирался впадать в меланхолическое отчаяние. Он был человеком, привыкшим встречать проблемы лицом к лицу, и эта не была исключением.

Коммандер Шепард выяснил, что колонистов похищали Коллекционеры — затворническая инопланетная раса, которая, без сомнения, исполняла волю Жнецов. Хотя и пребывая в заточении в темном пространстве, эти огромные разумные корабли каким-то образом могли управлять своими несчастными слугами даже с расстояния в миллионы световых лет.

Действуя по воле механических хозяев, Коллекционеры собирали людей, отправляя их на свою родную базу в центре галактики. Там похищенных ждала новая цель — трансформации, мутации и, наконец, превращение в органическую слизь, как часть жуткого эксперимента по созданию нового Жнеца.

Шепард — с помощью «Цербера» — остановил деятельность Коллекционеров. Но Призрак знал, что Жнецы так просто не сдадутся. Человечеству нужно было лучше понять своего безжалостного и беспощадного врага, чтобы подготовиться к неизбежному возвращению Жнецов. Им предстояло изучить их сильные и слабые стороны, выявить и использовать в своих интересах их уязвимые места.

«Цербер» собрал основные части технологии, оставшиеся от базы Коллекционеров. Уже начались работы по созданию комплекса, где будут проводиться первые осторожные, контролируемые испытания этой странной чужеземной технологии. Однако, в конечном счете, был лишь один способ заполучить нужное им знание — рано или поздно им придется возобновить эксперименты Коллекционеров на живых людях.

Призрак полностью осознавал всю бесчеловечность своего плана. Однако этика и мораль должны быть отброшены в сторону, когда речь идет о выживании всего вида. Вместо миллионов похищенных колонистов, они тщательно отберут небольшое количество подопытных. Страдания нескольких жертв были необходимы ради защиты и сохранения всей человеческой расы.

План по возобновлению экспериментов Коллекционеров будет осуществляться в тайне, без посвящения в него Шепарда или его привлечения. Союз «Цербера» и самого прославленного героя человечества был, по меньшей мере, непростым — ни та, ни другая сторона до конца не доверяли друг другу. Возможно, в будущем им еще предстоит поработать вместе, но сейчас Призрак желал действовать только через своих собственных первоклассных агентов.

Мягкий звонок, раздавшийся сверху, означал входящее сообщение от одного из таких оперативников.

— Включить иллюминатор, — скомандовал Призрак, выпрямляясь в кресле и переводя взгляд на голографическую площадку.

Освещение погасло автоматически, как только стена позади него стала вновь прозрачной. Умиравшее солнце у него за спиной осветило комнату оранжево-красным сиянием.

— Принять, — проговорил Призрак, и образ Кай Ленга материализовался над площадкой.

Как и большинство людей, он был настоящим «сыном всей Земли» — китайское происхождение ясно прослеживалось в его темных волосах и глазах, но строение челюсти и носа неувлочно намекало на наличие славянских или русских предков.

— Мы нашли его, — доложил Кай Ленг.

Призраку не нужно было спрашивать, о ком именно шла речь. Первокласный убийца «Цербера», Кай Ленг вот уже почти три года охотился за одной-единственной целью.

— Где? — спросил Призрак.

— На Омеге.

Жгуты мускулов на шее Кай Ленга на мгновение напряглись от отвращения, когда он произнес это название — это была целиком произвольная, но объяснимая реакция. Эта космическая станция олицетворяла все то, что «Церберы» презирали в культуре инопланетян: беззаконие, варварство и жестокость. От этой рефлекторной реакции голова Кай Ленга повернулась, открыв на миг часть татуировки на задней стороне его шеи — змея, пожирающего собственный хвост.

Уроборос часто использовался как символ вечности, но Призрак знал, что у него есть и более мрачное значение: уничтожение. Что, по-своему, тоже было вечным процессом.

«Цербер» нашел Кай Ленга около 10 лет назад и освободил его из тюремного лагеря Альянса. Призрак пристально изучил его прошлое, прежде чем взять к себе: этот пехотинец Альянса, прошедший особую подготовку по программе N7, был арестован за то, что в баре на Цитадели убил в драке крогана во время своего временного увольнения.

Альянс сурово обошелся со своим бывшим лейтенантом, сделав его случай примером для остальных. Его лишили звания и приговорили к двадцати годам военной тюрьмы. Длинный список зафиксированных случаев жестокого обращения Кай Ленга с инопланетянами, без сомнения, сыграл свою роль в суровости наказания. Для Призрака же его анти-инопланетные наклонности были доказательством характера. Это, в сочетании с тем фактом, что ему удалось убить крогана, имея при себе один лишь штатный боевой нож, сделало его идеальным кандидатом.

За десятилетие, прошедшее с момента его побега, организованного «Цербером», Кай Ленг стал одним из лучших в организации оперативников, специализирующихся на «мокрых» делах. Но он был не просто безжалостным убийцей. Он понимал необходимость соблюдения осторожности и знал, как планировать и приводить в исполнение сложные и изящные операции.

Теперь, когда он отыскал свою цель, первым побуждением Призрака было отдать приказ на уничтожение. Но затем ему в голову пришла одна идея. Ему все еще требовались подопытные для грядущих экспериментов — так почему бы не убить двух зайцев одним выстрелом?

— Верни его, — сказал он. — Живого. Но не забудь замести все следы.

— Об этом я никогда не забываю, — ответил Кай Ленг.

Удовлетворенный разговором, Призрак пробормотал «отключить», и голографическая проекция убийцы мигнула и исчезла.

Он откинулся на спинку кресла, рассеяно поболтав содержимое стакана, прежде чем допить остатки одним долгим глотком.

«Долго же я ждал этого дня, Грейсон, — думал он. Его настроение значительно улучшилось, по сравнению с тем, что было всего пару минут назад. — Но не сомневайся, ожидание того стоило».

ГЛАВА 1

Пол Грейсон знал, что Призрак все еще ищет его. Прошло уже почти три года с тех пор, как он предал «Цербер» ради своей дочери, но даже если бы прошло тридцать лет, они не оставили бы охоту за ним, он знал это.

Он сменил имя, конечно же: Пола Грейсона больше не существовало. Теперь его звали Пол Джонсон. Но создание для себя новой личности было лишь первым рубежом обороны — он недолго бы продержался, если бы кто-то из людей Призрака наткнулся на его документы. А люди Призрака были повсюду.

С самого момента своего возникновения, «Цербер» внедрил своих агентов почти во все структуры правительства Альянса. Внутри Пространства Цитадели не было практически ни одного места, где его не смогли бы рано или поздно выследить. Поэтому он бежал на Омегу.

Призрак никогда не пытался создать свой плацдарм на этой гигантской космической станции, де-факто являвшейся столицей Граничных Систем. «Цербер» был хорошо известен своей радикальной про-человеческой политикой, что делало его агентов чрезвычайно непопулярными среди различных инопланетных военачальников, главарей банд и деспотов, державших в своих руках власть на Омеге. Даже если бы они заподозрили, что Грейсон скрывается здесь, им было бы непросто добраться до него.

Грейсону представлялось некоей иронией то, что навыки, которые он освоил, работая на «Цербер», — навыки шпионажа и убийства — оказались столь полезны для его новой жизни в качестве наемника на Омеге. Его учили убивать инопланетян — теперь же он работал на одного из них.

— Мы впустую тратим время, — проворчал Санак, откладывая в сторону снайперскую винтовку. Он потянул свой боевой скафандр, пытаясь усесться поудобнее за грудой ящиков, которая скрывала его и Грейсона от посторонних глаз.

Грейсон продолжал держать свое оружие наведенным на корабль на противоположной стороне грузового дока. Он очень хорошо знал, сколь осторожно вел себя его напарник батарианец, чтобы не допустить ни малейшего физического контакта с ним, пока изучал обстановку.

— Мы должны ждать доклада Лизелль, — сказал он ровно.

Батарианец повернул голову и взглянул на сидящего на корточках рядом с ним человека всеми своими четырьмя глазами. Он моргнул верхней парой, но нижняя оставалась неподвижной, словно два камня.

— Ты всегда чего-то ждешь, человек, — фыркнул Санак. — Это признак слабости.

— Это признак здравого смысла, — в ответ фыркнул Грейсон. — Именно поэтому я здесь главный.

Санак знал лишь один способ разрешения проблем: бросаться на них очертя голову. Порой это осложняло работу с ним. Его неприязнь к людям вообще — и глубоко укоренившееся недоверие Грейсона к батарианцам — нисколько не упрощали ситуацию.

Две их расы имели сложную историю взаимоотношений. Ворвавшись на галактическую арену, человечество стало стремительно расширять границы своего влияния, выдавливая батарианцев из Скиллианского Предела. Батарианцы ответили насилием, развязав войну между двумя расами — войну, в которой батарианцы потерпели поражение. Они стали изгоями на цивилизованных планетах Пространства Цитадели — редкими гостями, на которых смотрели с подозрением и недоверием.

На улицах Омеги, напротив, их можно было встретить практически на каждом углу. После ухода из «Цербера» Грейсон изо всех сил старался преодолеть ксенофобию, вдолбленную ему Призраком. Но привычка — вторая натура, а бросаться с объятьями к «четыреглазой угрозе» он вовсе не спешил.

По счастью, им с Санакom вовсе не нужно было нравиться друг другу, чтоб работать вместе. Ария не упускала случая напомнить об этом им обоим.

— Семь целей в общей сложности, — прервал его размышления мягкий голос Лизелль в наушнике. — Всем занять позиции и ждать приказа.

Грейсон ощутил знакомый прилив адреналина, в предвкушении убийства циркулирующий по телу. Он почувствовал, как рядом с ним Санак поднимает свое оружие, нацеливая его на корабль, в зеркальном отражении позы Грейсона.

— Начали, — прошептал Грейсон. Это единственное слово вызвало шквал огня с противоположной стороны склада — в бой вступила Лизелль и ее команда.

Секундой позже четверо турианцев появились в поле зрения с противоположной стороны корабля. Их спины смотрели в сторону Грейсона и Санака, а внимание и оружие были направлены на засаду Лизелль.

Грейсон долгим, медленным выдохом выпустил воздух из легких, нажимая на курок. Один из турианцев упал. Кинетические щиты оказались слишком истощены выстрелами Лизелль, чтобы остановить пулю снайперской винтовки, пробившую затылок его костистого черепа.

Мгновением позже еще двое оказались на земле, благодаря паре идеальных выстрелов Санака. «Мне может не нравиться этот ублюдок, — подумал Грейсон, прицеливаясь в последнего противника, — но он знает свое дело».

Последний турианец успел сделать лишь два шага в сторону укрытия у ближайшего ящика, когда пуля Грейсона пробила его спину между лопатками.

Повисло несколько секунд абсолютной тишины, прежде чем Грейсон произнес в свой микрофон:

— Четыре цели нейтрализовано на нашей стороне.

— Еще трое здесь, — ответила Лизелль. — Это все.

— Пошли, — сказал Грейсон Санаку, выпрыгивая из-за укрытия и устремляясь к убитым инопланетянам.

Турианцы были членами банды «Коготь», а этот склад находился глубоко внутри контролируемой «Когтем» территории. Учитывая ночное время и удаленное расположение, вряд ли кто-то мог слышать выстрелы. Но вероятность этого всегда существовала, и чем дольше они здесь оставались, тем выше становились их шансы столкнуться с подкреплением.

К тому времени, как они с Санаком добрались до тел, Лизелль и двое других батарианцев, которые составляли ее команду, уже обыскивали одежду своих жертв.

— Пять килограммов пока что, — сказала Грейсону синекожая азари, держа в руках несколько пластиковых пакетов, туго набитых тонким розовым порошком. — Девяносто, может, девяностопятипроцентной чистоты.

По собственному опыту Грейсон знал, что требовалась лишь малая щепотка красного песка, чтобы хорошо накачать человека. Пяти килограммов хватило бы на то, чтобы целый жилой комплекс летал в облаках на протяжении большей части года. Такая заначка легко могла принести шестикратный доход, если реализовать ее где-нибудь в Пространстве Цитадели. Именно поэтому Ария приказала провести это нападение.

На Омеге не было действующих законов, не было полиции. Порядок поддерживался исключительно силами банд, заправлявших на станции. Но, хотя здесь и не было законов, здесь были правила. Первое правило гласило: не переходи дорогу Арии Т'Лоак.

— У этого еще два килограмма, — сказал Санак, вытаскивая плотно перевязанный сверток из кармана жилета одного из убитых, которых он обыскивал.

— Этот попал под перекрестный огонь, — сказал один из батарианцев, держа пакет перед Грейсоном так, чтобы тот мог видеть крупинки песка, сыплющиеся из крошечного отверстия сбоку.

— Заклей его! — зло прорычал Грейсон, быстро отступая назад.

Красный песок не оказывал воздействия на батарианцев или азари, но стоило ему хорошенько вдохнуть порошка, и он был бы под кайфом до утра.

— Арии нужно все до последней крошки, — напомнил он. — Вся поставка. Она отправляет послание.

Известная под именем Королевы Пиратов, Ария де-факто управляла Омегой уже более

двух столетий. Всякая другая группировка платила ей дань в той или иной форме за право вести свои дела на станции. Те же, кто пытался обойти Арию — скажем, отказываясь отдать ей долю от контрабанды красного песка, — всегда расплачивались за это.

— Все, — заявила Лизелль, поднимаясь на ноги после осмотра последнего тела.

Даже несмотря на то, что ум Грейсона был сосредоточен на выполнении задания, он не мог не восхититься в очередной раз неземной красотой женщины, стоявшей перед ним. Все азари казались людям роскошными: эти однополые существа близко напоминали человеческих женщин, хотя их кожа была преимущественно синего цвета. Волосы им заменяли плотные, изогнутые складки кожи, покрывающие череп, но это обстоятельство мало портило их сексуальную притягательность.

Лизелль считалась особенно привлекательной даже среди своих соплеменниц, а ее облегающий боевой костюм подчеркивал каждый изгиб тела. Частью разума, все еще удерживавшей привнесенное «Цербером» недоверие к инопланетянам, Грейсон задавался вопросом, что делало ее столь обворожительной — один лишь внешний вид или нечто большее?

Помимо склонности к биотике, азари как вид были известны своими тонкими, но мощными эмпатическими — почти телепатическими — способностями. Некоторые верили, что они использовали эти таланты для воздействия на восприятие других, делая самих себя более привлекательными, чем на самом деле. Если причина и в самом деле заключалась в этом, то Лизелль обладала исключительным мастерством в своем искусстве.

— Упакуйте песок и выдвигаемся, — распорядился Грейсон, возвращая мысли к текущей задаче. — Держитесь ближе, смотрите по сторонам. Помните — мы все еще на вражеской территории.

Следуя его инструкциям, Лизелль, Санак и остальные батарианцы спрятали пакеты и двинулись вслед за ним.

С Грейсоном во главе и Санак, замыкающим отряд, они вышли из склада и углубились в темные улицы квартала. Двигаясь быстро, они пробирались через перекрученный лабиринт аллей и переулков, стараясь поскорее добраться до дружественной — или, по крайней мере, нейтральной — территории.

Было уже поздно, далеко за полночь по внутреннему времени станции. На улицах встречались лишь отдельные прохожие. Большинство из них были гражданскими, обычные мужчины и женщины разных рас, которые — по какой-то причине — жили или работали в кварталах, контролируемых «Когтем». Таких было легко заметить: увидев тяжеловооруженный отряд, они разворачивались или ныряли во мрак подъездов, желая избежать столкновения.

Грейсон замечал таких людей с первого взгляда и тут же забывал о них. Он высматривал патрули «Когтя». Любая ответная реакция на нападение на склад должна была быть случайной и неорганизованной — «Коготь» никак не мог ожидать, что Ария нанесет по ним удар здесь, в самом центре их территории. Но эта турианская группировка — одна из немногих — регулярно отправляла вооруженные отряды на улицы своих кварталов, как средство напоминания жителям, кто здесь главный. Грейсон знал, что если они, с их обмундированием и оружием, наткнутся на один из таких патрулей, турианцы откроют огонь, не задумываясь, всего лишь потому, что таковы правила.

Но им повезло. Они прошли через территорию «Когтя» и вышли в один из центральных районов Омеги без происшествий. Просто для верности, Грейсон держал строй еще несколько кварталов, настороженно прислушиваясь, не появятся ли звуки погони.

Лишь только когда Лизелль положила руку ему на плечо и сказала: «Думаю, мы в безопасности», он позволил себе расслабиться.

— Ария ждет нас в «Загробной жизни», — подчеркнуто напомнил ему Санак.

Грейсон прекрасно знал, где была их босс. И в этом заключалась проблема — все знали.

«Загробная жизнь» была сердцем социальной жизни Омеги, клубом, где богатые и

влиятельные смешивались с обычными жителями станции — все в погоне за чисто жизненными наслаждениями. Завсегдатаи приходили сюда в поисках музыки, секса, наркотиков и даже насилия, и немногие уходили отсюда, не найдя хотя бы малой толики того, что искали.

Ария Т'Лоак была неизменной частью клуба, почти каждую ночь восседающая в своем личном кабинете над пульсирующим хаосом толпы. Ее присутствие отчасти сделало этот клуб тем, чем он был: «Загробная жизнь» олицетворяла Омегу, так же как и сама Ария.

— Мы не пойдем в клуб, нагруженные двадцатью фунтами красного песка, — ответил Грейсон. — Надо спрятать его где-нибудь в надежном месте.

Вряд ли «Коготь» мог организовать ответный удар так быстро, но даже если бы и мог, Грейсон сомневался, что им хватило бы храбрости нанести визит Арии в ее собственном клубе. Но «Коготь» был не единственной проблемой, которая волновала его.

Охрана пристально следила за всеми внутри клуба, но стрельба, удары ножом и случайные потасовки считались обычным делом на улицах и переулках вокруг. Наркоманы, отчаянно ищущие дозу, или уличные грабители, слишком глупые, чтобы задумываться о далеко идущих последствиях, без колебаний набросились бы на команду Грейсона, если бы посчитали возможную выгоду достаточно высокой. Риск этого был невелик, честно говоря, но Грейсон не хотел идти даже на малейший риск.

— Спрячем песок в моей квартире, — заявил он. — Затем доложим Арии и назначим передачу на завтра.

Губы Санака скривились в возражающей гримасе, но он ничего не сказал. Лизелль, напротив, одобряюще кивнула.

— Веди нас, Пол, — проворковала она. — Чем скорее избавимся от этого, тем скорее сможем вернуться к танцам.

Чтобы добраться до квартиры Грейсона, им потребовалось около 15 минут. Несколько раз он проверял, нет ли за ними слежки, и всякий раз не мог не заметить, как Санак закатывает все свои четыре глаза.

«Вот поэтому-то Ария и назначила меня главным, — думал он. — Я беспокоюсь о мелочах».

Это был лишь один из множества ценных уроков, усвоенных им у Призрака.

Его квартира находилась в одном из самых безопасных — и самых дорогих — районов Омеги. Охранники на входе в район — пара тяжеловооруженных турианцев — узнали его и расступились, позволив ему и отряду пройти внутрь.

Добравшись до нужного здания, он ввел код доступа на панели у входной двери, инстинктивно заслоня клавиатуру от Санака и остальных батарианцев. При этом он встал так, что Лизелль прекрасно могла все разглядеть, но он уже сообщил ей код к своему дому несколько месяцев назад.

Дверь отъехала в сторону, открыв небольшой коридор, ведущий к лестничному пролету и единственному лифту.

— Третий этаж, — сказал Грейсон. — Идем по лестнице. Лифт немного медленный.

Они с Лизелль пошли вперед, а Санак с остальными последовали за ними. Наверху был еще один коридор с двумя дверями, по одной с каждой стороны. На каждом этаже этого пятиэтажного здания было всего по две квартиры; это больше всего нравилось Грейсону в этом здании — очень мало соседей, каждый из которых уважает частную жизнь другого.

Он подошел к двери и положил руку на панель посередине. Он почувствовал легкое тепло биометрического сканера, считывающего отпечаток его ладони, затем прозвучал мягкий щелчок, и дверь отъехала в сторону.

Хорошо обставленная квартира, открывшаяся взору, была невелика, но Грейсону не требовалось много пространства. Небольшая прихожая, где гости могли снять обувь и верхнюю одежду, вела в гостиную с одним диваном и видеоэкраном. Маленькое окно выходило на лежавшую ниже улицу. За гостиной находилась просто обставленная кухня, отделенная от комнаты полустеной. Из кухни небольшой коридор вел к ванной и к спальне в

дальнем конце квартиры. Ванная была маленькой, но в спальне хватило места не только для кровати Грейсона, но и для стула, стола и терминала, который он использовал для выхода в экстанет.

— Оставьте пакеты у входной двери, — распорядился Грейсон, не желавший, чтобы батарианцы шатались по его дому. — Я потом придумаю, куда их спрятать.

— Что такое, человек? — прорычал Санак. — Не доверяешь нам?

Грейсон не стал отвечать.

— Ария ждет нашего доклада, — сказал он. — Почему бы тебе с друзьями не заняться этим?

Лизелль дождалась, пока батарианцы уйдут, затем подошла и обвила его шею руками, тесно прижавшись к нему. Он почувствовал исходящее от нее тепло, а от тонкого аромата духов, доносившегося от ее шеи, у него пошла кругом голова.

— Ты не пойдешь в клуб? — прошептала она ему в ухо, разочарованно.

Грейсон представил себе, как она похотливо надувает губы в недовольной гримасе, и ощутил внезапный прилив, поднимающийся по шее и заливающий щеки. С Лизелль он всегда чувствовал себя совратителем малолетних, несмотря на тот факт, что она была почти на сто лет старше него.

У азари все по-другому, напомнила упорная часть его сознания. Они взрослеют медленнее. Она еще сущий младенец, а ты — немало повидавший чудака средних лет. Да у нее наверняка больше общего с твоей дочерью, чем с тобой.

— Я приду, — пообещал Грейсон. Он быстро поцеловал ее, расцепляя руки, обвившиеся вокруг его шеи, и нежно отстраняясь от нее. — Мне просто нужно сначала кое-что сделать.

Она повернулась, позволив при этом своим пальцам скользнуть по его руке.

— Не задерживайся, — бросила она через плечо, направляясь к двери, — или застанешь меня танцующей с кроганом, если я сильно заскучаю.

Когда дверь закрылась, он сделал долгий, медленный вдох, чтобы очистить голову. Угасающий аромат ее духов заполнял его ноздри, но без самой Лизелль, прижимающейся к нему, этот аромат уже не имел столь непреодолимого эффекта. Возвращайся к делам, донжуан.

Нужно было придумать, где спрятать красный песок. Вряд ли кто-то станет вламываться в его квартиру, но оставлять его на виду было глупо.

Но, прежде всего, он должен был сделать один звонок.

Глава 2

Кали Сандерс осторожно постучала в дверь комнаты Ника.

— Войдите, — произнес он, его подростковый голос надломился на конце слова.

Она поднесла руку к панели доступа, и дверь отъехала в сторону. Внутри были Ник и Яндо, один из недавно поступивших в Академию Гриссома учеников. Они сидели друг напротив друга за столом в углу комнаты.

— Уже был отбой, — сказала Кали. — Яндо должен был вернуться в свою комнату тридцать минут назад.

— Мы занимаемся, — сказал Ник, указав на сенсорные интерфейсные экраны, проецируемые терминалом на столе.

Кали взглянула на задание, висящее перед ней, и перевела взгляд на мальчиков. Ник смотрел на нее с совершенно невинным выражением.

Нику только что исполнилось 15. Он всегда выглядел маленьким для своего возраста, вот и сейчас казалось, что ему на год или два меньше. Его черные, до плеч волосы и легкая, выющаяся челка, спадающая на лоб, вовсе не делали его старше на вид. Но она знала, что он был не по годам зрелым — если кто-то из учеников и мог смотреть ей прямо в глаза и лгать без зазрения совести, то это был Ник.

С Яндо, однако, было все по-другому. Ему было 11, и он перенес операцию по имплантированию усилителей всего несколько месяцев назад. Все вокруг до сих пор казалось ему новым и необычным. Преподаватели проекта «Восхождение» все еще внушали ему благоговейный трепет, представлялись некими устрашающими личностями, правящими этим незнакомым ему миром. Кали не брезговала воспользоваться этим, чтобы выяснить правду.

— Яндо, — сказала она негромким, но твердым голосом, — чем вы на самом деле занимались?

Мальчик перевел взгляд с Кали на Ника, затем обратно на Кали. Его широко раскрытые глаза белели на фоне темной кожи лица.

— Мы играли в «Завоевание», — признал Ник с раздраженным вздохом, снимая своего юного поделщика с крючка Кали. — Но всего только десять минут. Перед этим мы занимались как минимум два часа!

— Ты знаешь правила, Ник, — ответила она. — Никакого экстранета после отбоя.

— Всего десять минут!

— Я могу проверить логи, — напомнила она. — Посмотреть, не врешь ли ты.

— Не вру! — вызывающе выкрикнул он и добавил более спокойным тоном. — Ну, может больше двадцати минут.

— Меня накажут? — спросил Яндо. Его нижняя губа слегка дрожала.

Кали покачала головой.

— Нет. Тебя не накажут. Но пора ложиться в постель, хорошо?

Мальчик кивнул, и она взяла его за руку и повела к двери. На полпути она обернулась к Нику.

— Поговорим об этом, когда я вернусь снять твои показатели.

— Ага, ладно, — проворчал он с юношеским сарказмом в голосе. — Терпеть не могу, если за целую неделю кто-нибудь хоть раз не всадит иголку мне в шею.

Кали отвела Яндо в его комнату и устроила его на ночь, но все это время она продолжала думать про Ника.

Она не была уверена, стоит ли ей давить на него. Первые два года, проведенные им в Академии Гриссома, Ник был сущим кошмаром. Всегда на шаг впереди своих сверстников из проекта «Восхождение», он был заносчивым, эгоистичным и склонным к третированию других детей. За прошлый год, однако, что-то изменилось. Ник превратился из проблемного ребенка в образцового ученика, в идеальный пример того, к чему стремился проект «Восхождение».

Среди людей биотика — способность использовать свой разум для того, чтобы оказывать воздействие на окружающий мир при помощи небольших выбросов темной энергии, — была общеизвестным, но все еще неправильно воспринимаемым явлением.

Многие ошибочно считали, что биотики — это мутанты, наделенные сверхчеловеческими телекинетическими способностями. Ходили легенды о вышедших из-под контроля биотиках, которые одной лишь силой мысли переворачивали машины, или в приступах ярости использовали свои способности, чтобы вызывать землетрясения, опустошающие целые кварталы.

Действительность была куда менее пугающей. Прежде всего, в отличие от того, что показывали в популярных фильмах, создание биотического поля требовало времени и сосредоточения — этот процесс вовсе не был мгновенным. А без хирургически вживленных усилителей, подключенных к мозгу и нервной системе, большинство людей-биотиков могли разве что опрокинуть чашку с кофе.

Используя усилители и потратив годы на изнуряющие тренировки, одаренные биотики могли научиться создавать поля темной энергии, достаточно сильные, чтобы поднять в воздух взрослого человека и швырнуть его в ближайшую стену, но это требовало немалых затрат физической и умственной энергии. Двух или трех подобных проявлений силы было достаточно, чтобы полностью вымотать типичного биотика, сделав его столь же

беспомощным и уязвимым, как и любого обычного человека.

Придание гласности подобным вещам было одним из способов, которые проект «Восхождение» использовал для преодоления пропасти между слухами и фактами. Их надежда заключалась в том, что через понимание люди примут это явление, что позволит биотикам войти в нормальную жизнь человеческого общества, не испытывая беспричинного недоверия и травли, с которыми они сталкивались сейчас. На самом деле, вне военных структур большинство людей-биотиков предпочитали скрывать свои способности по мере возможности.

Кали не хотела, чтобы дети вроде Ника росли, стыдясь своих способностей. Но всегда оставался риск того, что маятник может качнуться слишком далеко в противоположную сторону, создав чувство преимущества или превосходства над другими среди биотиков. Они могли начать смотреть на остальных свысока, что сделало бы их принятие в общество не-биотиков еще более сложным.

Когда Ник только вступил в программу, Кали боялась, что ему уготована именно такая судьба. Но проект «Восхождение» ставил своей целью не только доведение до предела биотического потенциала людей. Учебный курс уделял не меньшее внимание нравственному воспитанию учеников, и в случае с Ником, казалось, удалось исправить ситуацию.

По мере того как он вырос, хулиган превращался в защитника других учеников. Из замкнутого и эгоистичного он стал дружелюбным и отзывчивым. Теперь он постоянно вызывался помогать другим учащимся Академии Гриссома — даже не-биотикам, которые не участвовали в проекте «Восхождение».

В свете всех успехов, которые он делал, Кали решила, что будет не слишком строга с ним за это небольшое нарушение.

Когда она вернулась в его комнату, Ник лежал лицом вниз, открыв заднюю сторону шеи, готовый перенести знакомую ему процедуру.

— Я не хотел, чтобы у Яндо были неприятности, — пробурчал он в подушку, услышав, как вошла Кали.

Она присела на край кровати и аккуратно защипнула кожу на его шее большим и указательным пальцами, вздрогнув от ожидаемого — но все равно немного болезненного — статического разряда, ударившего ее, когда она дотронулась до его тела. Ученые проекта «Восхождение» пытались найти способы контролировать выработку электростатического заряда, который естественным образом накапливался в теле биотика, но эксперименты пока не могли дать какого-то практического решения проблемы. Так что пока студентам и учителям пришлось просто научиться терпеть это небольшое неудобство.

— Яндо еще не до конца оправился после операции, — объясняла Кали, вводя длинную тонкую иглу между позвонками юноши, чтобы добраться до крошечного подкожного датчика. — Ему нужно спать.

Маленький шарик на конце иглы мигнул зеленым, показывая, что данные успешно загружены.

— Ему не нравится оставаться одному в комнате, — ответил Ник сквозь стиснутые зубы, перенося неприятную процедуру. — Я думаю, он скучает по маме.

Он шумно выдохнул, когда Кали вытащила иглу, и его тело расслабилось.

— Я подумал, что, может, если мы немного поиграем в «Завоевание», ему будет не так страшно.

Кали улыбнулась про себя и нежно потрепала Ника по плечу.

— Ты хороший парень.

Он все еще лежал на животе и ничего не ответил, но его уши покраснели от смущения. Он чуть-чуть подвинулся в сторону, и она поняла, что он пытается найти более удобное положение и в то же время не перевернуться, отчаянно стараясь скрыть произвольную реакцию тела на ее прикосновение.

«Он больше не ребенок, — напомнила она себе, быстро убрав руку, когда поняла, что происходит с Ником. — «Он подросток, которого буквально захлестывают гормоны».

Кали знала, что некоторые из старших студентов были влюблены в нее. Это можно было понять: она давала им поддержку и проявляла участие, и хотя в академии она всегда одевалась строго, ее доходящие до плеч светлые волосы и отличная фигура делали ее несомненно привлекательной женщиной.

— Я, пожалуй, пойду, — сказала она, быстро поднимаясь на ноги.

Неконтролируемая эрекция была совершенно нормальным явлением в его возрасте, но ей меньше всего хотелось еще больше усугублять ситуацию, обращая внимание на происходящее. Лучше всего просто быстро уйти.

— Ага, конечно, — ответил Ник заметно напряженным голосом.

Она погасила свет и закрыла за собой дверь, оставив его одного.

Вернувшись в свою комнату, она загрузила показатели Ника в свой личный терминал, откуда они будут автоматически переданы в центральную базу данных в главной лаборатории проекта «Восхождение».

Результаты были обнадеживающими. Первичные исследования обнаружили, что у каждого отдельного биотика есть предел его способностей, выше которого подняться нельзя. Однако последние данные, полученные от студентов вроде Ника, казалось, утверждали, что при достаточном усердии эти так называемые верхние пределы вовсе не были незыблемыми.

Внося в таблицу свежие данные остальных учеников, он задалась вопросом, что было бы, если бы Джиллиан Грейсон не покинула проект.

Хотя Джиллиан и страдала аутизмом, ее потенциал был просто огромен в сравнении с остальными детьми проекта «Восхождение». Кали подозревала, что ее поразительный талант и умственное состояние были каким-то образом связаны между собой, хотя, возможно, ее способности были результатом действия тех наркотиков, которыми ее отец и «Цербер» тайно накачивали ее.

В конце концов, Грейсон выбрал свою дочь, а не верность «Церберу», и с его помощью Кали удалось устроить Джиллиан в команду одного из исследовательских кораблей кварианцев. Это было одно из немногих безопасных мест в галактике, неподвластных Призраку.

Кали понимала, насколько тяжело Грейсону было расстаться с дочерью; для нее это тоже было непросто. Но Джиллиан не осталась одна: Хендел Митра, бывший начальник службы безопасности Академии Гриссома, отправился с ней, а он заботился о ней почти как родной отец.

Поток мыслей Кали прервал мягкий звук входящего звонка. Происхождение сигнала было заблокировано, но она вполне догадывалась, кто мог быть на другом конце провода.

Она нажала на кнопку в нижнем правом углу висящего над столом интерфейсного экрана, приняв звонок, и на соседнем экране появилась видеопередача. На нее смотрел сам Грейсон, как будто мысли Кали о его дочери заставили его воплотиться из воздуха.

— Кали, — сказал он. Его лицо просветлело, когда он произнес ее имя.

В течение последних трех лет Грейсон звонил ей каждые две или три недели. Хотя он никогда открыто не признавал этого, она знала, что он проявляет к ней интерес. Она подозревала, что после исчезновения Джиллиан они с Призраком заключили некую сделку, гарантирующую ее безопасность... хотя, что это была за сделка, или чего она ему стоила, ей так и не удалось выяснить.

Судя по картинке на экране, можно было предположить, что он звонит с терминала, расположенного в какой-то небольшой спальне. Ей, однако, не удалось разглядеть еще какие-то существенные детали — Грейсон всегда проявлял осторожность, чтобы она не могла понять, откуда он звонит. Вместо этого она стала изучать его внешний вид.

На нем, похоже, был надет какой-то бронежилет или боевой скафандр, хотя ей было трудно судить, видя только его голову и плечи. Она с облегчением отметила, что его зрачки и зубы в норме, без признаков бледно-розового оттенка, указывающего на то, что он снова начал принимать красный песок. Однако его лицо выглядело худым и изможденным, словно он перенес сильный стресс.

— Выглядишь неплохо, Грейсон, — произнесла она, улыбнувшись, чтобы придать правдоподобности этой невинной лжи.

— Работы много, — ответил он туманно и уклончиво, как и всегда. — Как ты? В проекте «Восхождение» все нормально? Ничего необычного?

— Необычного? Помимо того, что мы пытаемся учить детей двигать предметы силой мысли?

Грейсон выдавил из себя вежливый смешок. Кали чувствовала, что он на пределе.

— Что-то случилось?

— Нет, — быстро ответил он, покачав головой. — Все в порядке. Только что вернулся с работы. Я всегда после нее немного вымотанный.

— Что за работа?

— Работа, которая позволяет мне сводить концы с концами.

Повисла неловкая пауза, пока Кали обдумывала, стоит ли пытаться вытянуть из него больше информации. В конце концов, она решила оставить эту тему.

— Я как раз думала о Джиллиан, когда ты позвонил.

Волна противоречивых эмоций пробежала по лицу Грейсона при упоминании о дочери: тоска, сожаление и радость, быстро сменяя друг друга, отразились на его лице.

— Я думаю о ней постоянно, — мягко сказал он. — Есть какие-нибудь новости? От кварианцев? Или от Хендела?

— Прости, нет.

Помолчав, Грейсон мрачно произнес:

— Так лучше.

Кали почувствовала, что этим он пытается убедить скорее себя, а не ее.

— Ты можешь посетить академию в любое время, — напомнила она ему. — Я внесла тебя в список своих личных гостей.

О связи Грейсона с «Цербером» не знал никто в академии, кроме Хендела и Кали, а она знала, что это уже давно в прошлом. Остальной персонал знал, что он был просто отцом их бывшей ученицы... и крупным спонсором проекта.

— Я знаю, как сильно ты скучаешь по Джиллиан, — настаивала она. — Может быть, если ты приедешь сюда, поговоришь с другими учениками и увидишь, какого прогресса мы достигли, тебе станет легче.

— Это слишком опасно, — ответил Грейсон, отказываясь даже обдумать предложение. — Для меня и для тебя.

— Хотела бы я, чтобы ты позволил мне помочь, — сказала она. — Ты не обязан справляться со всем в одиночку, ты же знаешь.

— Хотел бы я, чтобы так все и было. До свидания, Кали. Приятно было увидеть тебя.

И на этих словах звонок внезапно прервался.

Кали выключила видеоэкран и попыталась вернуться к работе, понимая, что дело безнадежное.

Грейсон не был ей по-настоящему другом. За плечами у него лежало темное прошлое, и она была уверена, что он совершал вещи, которые повергли бы ее в ужас. Но их связывали чувства к Джиллиан и тот неприятный опыт, который они пережили вместе, спасаясь от «Цербера».

Она знала, что он пытается изменить свою жизнь. Она свято верила, что он по-своему ищет искупления грехов. К сожалению, она ничего не могла сделать, кроме как надеяться, что однажды он найдет его.

Глава 3

Грейсон еще несколько минут после разговора с Кали сидел перед выключенным терминалом, его мысли занимали размышления о дочери.

Сейчас она была в безопасности, и это давало ему некоторое успокоение. Но он не мог

просто так выкинуть из головы все те ужасы, которые делал с ней «Цербер». Все то, что он помогал им делать с ней.

Знакомое чувство вины захлестнуло его, за ним последовало неизбежное презрение к самому себе. Он был не в состоянии изменить прошлое — думать об этом значило попусту терять время. Он считал себя практичным человеком, и ему требовалось быть сосредоточенным на настоящем, если он хотел остаться в живых.

К сожалению, доводы рассудка имели мало власти над вопросами сердца, и — как и часто бывало после разговоров с Кали — он почувствовал, как по его щекам струятся горячие слезы.

Он поклялся, что ради Джиллиан станет другим человеком. И хотя он и вправду ушел от «Цербера», была ли какая-то разница в том, чем он занимался теперь? Он был наемником на службе у безжалостных криминальных лидеров на самой смертельно опасной станции в галактике. Разве убийство за деньги становилось менее аморальным делом, если жертва, возможно, совершила что-то, что заслуживало смерти?

Какая-то часть его разума утверждала, что ответ был «да». Те кошмары, которые мучили его, пока он работал на Призрака, прошли — не определенном уровне он, должно быть, принял то, чем занимался теперь. С другой стороны, бывали времена, когда он ощущал себя разделенным, будто бы в нем жили два человека. Он знал, к чему он стремился, кем хотел стать, но часть его — слабенький голосок где-то в основании черепа — не давал ему забыть, кем он когда-то был.

«Ты не можешь изменить своей сути, — встрял голосок, как по команде. — Ты убийца. Жестокий человек. И однажды ты умрешь жестокой, насильственной смертью, и без тебя галактика станет чуточку лучше».

Признание своей собственной неисправимой натуры странным образом приносило успокоение. Оно подтверждало правильность его решения отпустить Джиллиан с Хенделом и кварианцами — пусть уж лучше она будет как можно дальше от своего чудовища отца. Так ему было легче дистанцироваться от своего собственного прошлого, легче делать то, что он должен был сделать, чтобы пережить настоящее.

Он смахнул со щек слезы и встал из-за стола. Лизелль ждала его в «Загробной жизни», но он пока не был готов вернуться в клуб. И еще ему нужно было спрятать пакеты с красным песком, лежавшие у него в прихожей.

«Может быть, маленькая щепотка песка — это как раз то, что тебе нужно, чтобы прийти в себя».

Грейсон изо всех сил старался игнорировать голосок. Он не принимал уже три года. Его тело больше не требовало искусственной эйфории красного песка.

«Но ведь дело было вовсе не в физической потребности, так ведь? Песок унимал боль. Делал жизнь терпимой».

Он перестал принимать ради Джиллиан. Она не заслуживала иметь отца-наркомана.

«Джиллиан здесь больше нет. Так чего ради ты стараешься? Ради Лизелль? Арии? Им плевать, если ты накачаешься, по крайней мере, пока это не будет мешать работе».

В течение последних девяти лет, что он провел с «Цербером», он принимал регулярно. За все это время он ни разу не позволил своему пристрастию помешать выполнению задания. Но сейчас все было по-другому. Он больше не был агентом под прикрытием, использующим собственную дочь для того, чтобы внедриться в закрытую программу тренировки биотиков. Теперь он стал человеком в бегах и должен был оставаться начеку. Любая секунда любого дня могла стать для него последней.

«"Цербер" найдет тебя. Это неизбежно. Так почему бы не наслаждаться жизнью, пока можешь? Десять килограммов красного песка. Всего одна маленькая щепотка. Никто этого даже не заметит. Никто ни о чем не узнает».

Грейсон отодвинул стул от терминала экстранета и медленно поднялся. Он прошел через спальню, по коридору, через кухню и гостиную и подошел к пакетам с красным песком, сложенным у двери. Он подобрал все пять пакетов, неуклюже устроив их на руках, и

отнес их все в спальню. Опустившись на колени, он один за другим забросил их под кровать. Не очень-то хороший тайник, но все же лучше, чем оставлять наркотики на виду.

Покончив с этим, он встал на ноги и отправился в ванную. Глядя на себя в зеркало, он заметил маленькое розовое пятнышко на груди своего боевого жилета. Он вспомнил, что один из пакетов был поврежден во время боя.

«Чертовы батарианцы не могли даже заклеить его как следует».

Смахивая остатки, он почувствовал, как мелкие гранулы трутся о его ладонь. Большая их часть свалилась в раковину, но несколько прилипли к коже.

Он поднес руку к лицу, держа ее достаточно близко, чтобы рассмотреть каждую маленькую крупинку песка, цепляющуюся за его ладонь. Долгое мгновение он смотрел на них, затем тряхнул головой и сунул руки в раковину. От движения сработали датчики в кране, и поток теплой воды унес его искушение с собой в канализацию.

Пять минут спустя он переоделся в гражданскую одежду и вышел за дверь. Шагая легкой, размеренной походкой, он подошел к клубу примерно через двадцать минут.

Как и обычно, перед входом толпилась масса народа, жаждущего попасть внутрь. Люди, азари, турианцы, кроганы, батарианцы, волусы, элкоры: «Загробная жизнь» могла удовлетворить потребности представителей каждой расы. Но у Арии были жесткие правила насчет количества посетителей, и те, кто сейчас выражал громкие протесты снаружи, должны были ждать, пока кто-нибудь из находящихся внутри не уйдет — или не будет вынесен, — прежде чем охранники у входа разрешат им войти.

Очередь растягивалась по всей длине крупного здания и заканчивалась где-то за его углом в конце квартала. Пройдет еще не один час до того, как стоящие в хвосте смогут пройти внутрь. К счастью для Грейсона, друзья Арии не обязаны были стоять в очереди.

Вышибала-кроган, стоящий у дверей, узнал его и кивком разрешил пройти. Грейсон миновал небольшой коридор, ведущий от входа в фойе на первом этаже, где пара едва одетых азари стояли за стойкой в раздевалке.

Азари были не единственными в этой комнате. Двое массивных, тяжеловооруженных кроганов в броне стояли по обеим сторонам запертых дверей, за которыми таились все плотские наслаждения.

Находясь снаружи здания, музыка из клуба слышалась очень приглушенно и слабо — ее едва можно было различить на фоне уличного шума. Здесь, однако, посетителей отделяла от океана звука лишь единственная стена. Грейсон чувствовал, как ритм музыки изнутри отдается в его зубах — низкий, тяжелый и быстрый.

— Присмотреть за чем-нибудь? — прорычал один из кроганов достаточно громко, чтобы его было слышно за грохотом музыки.

Грейсон покачал головой. Многие из посетителей предпочитали оставлять свои ценности у азари за стойкой, особенно если собирались к концу вечера напиться или накачаться до потери пульса. У Грейсона, однако, не было таких намерений.

Кроган отступил в сторону, когда азари нажала кнопку, открывающую двери. Сделав глубокий вдох, Грейсон шагнул внутрь.

В клубе было четыре уровня, каждый из которых состоял из большого внешнего кольца, окружавшего квадратный танцпол, поддерживаемый проводами и переходами в центре. Каждый из четырех уровней предназначался для своей собственной публики, с собственным танцполом, уникальным музыкальным стилем и особыми напитками и химическими веществами.

Основной темой, как и следовало из названия клуба, была загробная жизнь. Смешение мифов и легенд со всей галактики, включая и человеческие, было представлено в клубе. На каждом уровне посетители могли вкушать наслаждений — или распутных удовольствий — ассоциирующихся с раем, небесами, адом, небытием или тысячами других названий, которые носила та страна, которая якобы ждала каждого умершего.

Грейсон никогда особо не задумывался, что ждет его после смерти, но невозможно было отрицать подсознательную притягательность этого клуба. Он бывал здесь столько раз,

что и не сосчитать, и все же чувствовал это всякий раз, когда проходил по его залам. Возникало какое-то сюрреалистичное и потустороннее ощущение при перешагивании порога «Загробной жизни». Музыка, свет и толпа создавали почти осязаемую энергетику, которая, казалось, освобождает тебя от тебя самого, выпуская наружу подавляемые страсти и дикие, опасные желания... большинство из которых могли найти удовлетворение на нижних уровнях клуба.

Вдобавок к этому радостному возбуждению все вокруг знали, что большая часть посетителей «Загробной жизни» имели при себе оружие. Агрессия могла вспыхнуть — и часто вспыхивала — безо всякого предупреждения. Охранники оказывались тут как тут, чтобы остудить горячие головы и предотвратить возникновение паники, но каждый здесь должен был охранять себя сам. Поэтому редкий месяц заканчивался без как минимум одного трупа внутри клуба.

Грейсон знал, как постоять за себя в случае чего, но он не мог отрицать, что дикая атмосфера клуба поднимала настроение.

Вход в клуб располагался на третьем уровне. Душный жар поднимался от тел, танцующих на нижних этажах. Хорошая сотня посетителей находилась на этом уровне, но клуб был достаточно большим, чтобы вместить в себя подобные толпы и не казаться переполненным людьми.

Пульсирующий свет затруднял обнаружение кого-то конкретного в толпе, но Грейсон все равно бегло оглядывался вокруг в поисках Лизелль, пока пересекал танцпол. Добравшись до спиральной лестницы, ведущей на верхний VIP-уровень, он так и не увидел ее. Но он не волновался. В конце концов, она сама найдет его.

Поднимаясь по лестнице, он чувствовал, как давление «Загробной жизни» постепенно ослабевает. На самом верхнем уровне клуба музыка была не такой громкой, а свет более приглушенным. Здесь было меньше народа, хотя, по прикидке Грейсона, тут было около 50 человек.

В большом частном кабинете на возвышении в дальнем конце зала сидела за столом сама Ария Т'Лоак. С этой позиции знаменитая Королева Пиратов Омеги могла наблюдать за всем клубом, словно господь бог, смотрящий с небес.

Как и все азари, она была прекрасна по меркам людей. В отличие от Лизелль, оттенок кожи Арии был скорее фиолетовым, нежели синим. Грейсон часто задавался вопросом, связано ли это как-то с ее возрастом. Он не знал, сколько точно ей было лет — и сомневался, что кто-то знает, — но не удивился бы, если бы узнал, что ей больше 1000 лет. Несмотря на это, она сохраняла юный внешний вид и естественную сексуальность, которые являлись отличительными чертами ее расы.

Ее окружение, как и обычно, состояло из пары азари-служанок, крогана-телохранителя и нескольких батарианцев, в числе которых был и Санак. Однако трое турианцев, стоящих перед столом напротив Арии, заставили Грейсона удивиться.

Он знал, что «Коготь» рано или поздно нанесет ей визит в связи с нападением; он просто не ожидал, что это произойдет так быстро. Он не заметил какого-то необычного скопления турианцев в толпе перед клубом, но если эти трое явились сюда для разговора с Арией, можно было биться об заклад, что еще дюжина прячутся где-то на улицах и переулках снаружи.

Его решение не нести красный песок сразу в клуб уже не казалось таким параноидальным. Он подавил в себе желание произнести «Я же тебе говорил», когда поднялся на платформу и встал рядом с Санаком около кабинета, достаточно близко, чтобы его переводчик мог уловить разговор между Арией и ее соперниками.

Никто не обратил на него особого внимания; его знали Ария и ее подручные, а внимание турианцев полностью занимала она сама. На VIP-уровне были отдельные комнаты, но Ария предпочитала проводить большую часть своих дел на этой площадке, где другие могли ее видеть... особенно когда она отстаивала свою власть перед очередным потенциальным претендентом на ее трон.

— Я не отрицаю того, что произошло, — спокойно ответила Ария, продолжая разговор, начало которого Грейсон пропустил.

Турианцы ждали, когда она продолжит, но она намеренно дала словам повиснуть в воздухе, а сама отпила глоток из высокого стакана, который элегантно держала в левой руке.

Не в силах больше выносить давящее молчание, один из турианцев — возможно, их лидер — возобновил разговор.

— Мы не собираемся начинать войну—

— И правильно, — прервала его Ария. — Потому что вам ее не выиграть.

Мгновенно отброшенный назад ее замечанием, турианец был вынужден начать с начала.

— Мы не собираемся начинать войну. Мы пришли ради переговоров с честными намерениями. Мы хотим прийти к соглашению.

— У нас уже было соглашение, — напомнила ему Ария. — Два процента от всей партии. Потом вы начали продавать товар, не платя мне мою долю.

— Это было ошибкой, — признал другой турианец. — Мы пришли, чтобы извиниться. Отныне вы будете получать свою долю.

— Извинений не требуется, — сказала Ария, опасно улыбаясь. — Но вы нарушили условия соглашения. Теперь нам придется его изменить.

Турианцы обменялись несколькими быстрыми взглядами, и Грейсон отметил, что они тщательно взвешивали свои следующие слова. «Коготь» был деятельной бандой Омеги, но они пока еще не могли сравниться с «Синими светилами» или «Кровавой стаей». И они прекрасно понимали свое положение в иерархии банд. Если бы Ария на самом деле этого захотела, она бы уничтожила их.

— Справедливое требование, учитывая произошедшее, — признал первый турианец. — Мы увеличим вашу долю до трех процентов.

— До пяти, — жестко сказала Ария тоном, не допускающим возражений.

— Никто не платит пять процентов! — запротестовал третий турианец, от злости делая шаг вперед, а его рука опустилась на пистолет, пристегнутый к бедру.

В одно мгновение у него за спиной оказался кроган, огромной восьмифутовой тенью нависнув над более мелким противником. Турианец медленно убрал руку с оружия. Все остальные замерли на месте, пока Ария не сделала короткий кивок. Турианец осторожно отступил назад. Секундой позже кроган фыркнул и сделал то же самое.

— Вы разозлили меня, — холодно произнесла Ария. — Таковы последствия.

— Пять процентов, — согласился лидер.

Он помедлил, прежде чем продолжить, осторожно подбирая слова, чтобы не вызвать большего гнева.

— Остается еще сам факт нападения. Несколько наших были убиты. Крупная партия товара украдена.

— Считайте это платой за ведение дел, — сказала Ария, спокойно делая очередной глоток.

Турианцы как один ошетинились. Грейсон знал, что они не настолько глупы, чтобы нападать на Арию здесь, в ее клубе; помимо явно присутствующих здесь телохранителей и биотиков, на VIP-уровне были и другие, куда менее заметные охранники. Эти трое были бы мертвы до того, как успели бы сделать хоть один выстрел.

Тем не менее, он ожидал, что они все-таки развернутся и в ярости покинут клуб. Их друзья были убиты, а стоимость похищенного песка намного превышала ту сумму, на которую они обманули Арию. Она наносила им новое оскорбление, давая понять, кто здесь главный. Она зажала их в угол, и существовал шанс, что они ответят ей из чистого отчаяния. «Коготь» не мог выиграть войну против Арии, но он мог больно ужалить, прежде чем ей бы удалось сломить их.

Но Ария четко знала, насколько далеко она может зайти в своем давлении на конкурентов, прежде чем они ответят ей тем же. На протяжении сотен лет она стравливала

друг с другом различные группировки, одновременно держа их всех у своего ногтя; никто лучше нее не знал, как удержать в узде анархию Омеги.

В конце концов, турианский лидер кивнул, принимая условия.

— Я сообщу своим людям, — сказал он.

— Я знала, что вы благоразумны, — ответила она, взмахом руки давая понять, что прием окончен.

Турианцы развернулись и ушли, не сказав больше ни слова. Глаза кроганателохраниителя следили за ними, пока они не спустились по лестнице на уровень ниже и не исчезли из виду.

— Быстро они сообразили, что произошло, — прокомментировал Грейсон, как только они ушли.

— «Когти» умны, — ответила Ария. — Они быстро растут. Чуть быстрее, чем положено. Нужно было слегка отбросить их назад.

— Хорошо, что мы смогли в этом поучаствовать, — вставил Санак.

«Ах ты четырехглазый жополиз», — подул про себя Грейсон.

— Санак сказал, что песок спрятан в твоей квартире, — продолжала Ария. — Утром я пошлю людей, чтобы забрать его.

Грейсон кивнул.

— Я не стану посылать их слишком рано, — добавила Ария с хитрой улыбкой. — Не хочу, чтобы они мешали вам с Лизелль. Вы заслужили право отпраздновать это. Для вас сегодня в клубе все за мой счет.

— Благодарю, — сказал он, спокойно принимая комплимент.

Ария сурово обходилась с теми, кто подводил ее, но была щедра с теми, кто добивался успеха.

— Лизелль говорила, что будет на втором уровне, — добавила Ария, давая Грейсону повод покинуть ее. Он был достаточно умен, чтобы понять намек.

Он сходил в VIP-бар и заказал себе выпивку, прежде чем спуститься на второй этаж. Он не спешил, позволяя атмосфере «Загробной жизни» захлестнуть его. В конечном счете, у него ушло почти двадцать минут на то, чтобы найти Лизелль. Как он и ожидал, она была на танцполе в окружении толпы поклонников — юношей и девушек.

Грейсон смирился с привязанностью Лизелль к людям: они нравились ей, и она нравилась им. Он знал, что азари предпочитали искать партнеров среди представителей других рас; их уникальная биология позволяла им брать генетические особенности партнеров и включать в состав ДНК своих детей. Но Лизелль была еще молода. Пройдут десятилетия — может, даже столетия — прежде чем она перейдет из фазы девы в детородную фазу матроны по жизненному циклу азари. Будет ли она к тому времени по-прежнему испытывать склонность к людям, или же ее текущее увлечение — это всего лишь экспериментальная стадия ее молодости, он не мог сказать. Да и по большому счету, это не имело значения. Все, что знал Грейсон — в данный момент она была увлечена им, и он планировал наслаждаться их отношениями столько, сколько они продлятся.

Он проталкивался сквозь толпу на танцполе, привлекая к себе раздраженные взгляды, которые быстро сменились завистливыми, когда Лизелль увидела его и обвила руками за шею, привлекая к себе.

— Ария, кажется, довольна твоей сегодняшней работой, — прокричала она, припадая к его уху, чтобы он мог слышать слова за грохотом музыки.

Они оказались тесно прижаты друг к другу. Тело Лизелль двигалось в такт музыки, а Грейсон пытался в меру своей неуклюжести подстроиться под быстрый, пульсирующий ритм.

— У меня бы ничего не получилось без тебя, — напомнил он.

Когда он наклонился ближе к ее уху, знакомый манящий аромат духов проник в его нос и завладел им. Однако, по какой-то причине, он не вызвал в нем обычных похотливых желаний.

Лизелль быстро обратила внимание на его вялую реакцию. Схватив его за запястье, она торопливо протащила его через танцпол в какой-то угол, где музыка слышалась просто как притупленный рев.

— В чем дело? — спросила она.

Выражение ее лица говорило о том, что она была больше обеспокоена, нежели расстроена. И, как обычно, ее беспокойство заставило Грейсона почувствовать себя виноватым и немного пристыженным.

Он предпочитал воспринимать их отношения как исключительно плотские. Лизелль, по большей части, казалось, разделяла этот взгляд. Думать иначе было нелепо: даже если бы они остались вместе до конца жизни Грейсона, она прожила бы еще сотни и сотни лет, когда его бы не стало. Если бы она стала развивать некую серьезную эмоциональную привязанность к нему, это было бы не просто необычно... это была бы трагедия.

— Я в порядке, — сказал он, пожимая плечами.

— Наверное, нам стоит пойти куда-нибудь, где не так шумно.

В обычной ситуации он с радостью ухватился бы за ее предложение. Сегодня, однако, это почему-то казалось ему неправильным. Словно он каким-то образом пользовался ее слабостью.

— Думаю, я просто устал, — извиняющимся тоном произнес он, пытаясь попроще отделаться от нее. — Наверное, мне стоит пойти домой и немного поспать.

— Ты опять говорил с ней, да? — сказала Лизелль с тусклой улыбкой. — С твоей загадочной женщиной. Ты всегда становишься таким после разговоров с ней.

Грейсон никогда не рассказывал Лизелль ничего из своего прошлого. Она не знала о Кали, или Джиллиан, или о времени, проведенном им с «Цербером». Но бывали случаи, когда он упоминал, что ему надо сделать личный звонок, и Лизелль, очевидно, догадалась о чем-то.

Она намного проницательнее, чем может показаться.

И опять, было ясно, что Лизелль не сердится. Она выглядела слегка разочарованной, но казалось также, что она понимает и принимает его реакцию. Что заставляло Грейсона чувствовать себя еще паршивее.

— Прости меня, — пробормотал он, не зная, что еще можно сказать.

Лизелль наклонилась к нему и быстро поцеловала.

— Если вдруг передумаешь, позвони мне.

И сказав это, она исчезла, растворилась в толпе танцующих, где ее быстро подхватил поток страстных поклонников.

Настроения находиться в клубе больше не было, и Грейсон вернулся к выходу на третьем уровне. Одна из азари у стойки подмигнула ему. Он вежливо кивнул в ответ и вышел обратно на улицу, все еще задаваясь вопросом, было ли то, что он отверг сегодня Лизелль, самопожертвованием или простым эгоизмом.

Глава 4

Кай Ленг терпеливо ждал в очереди у входа в «Загробную жизнь». Вряд ли здесь на Омеге он мог столкнуться с кем-то, кто знал его — даже Грейсон никогда не видел его лица, — но, все же, он принял меры, чтобы скрыть свою личность. Он перекрасил волосы из черных в светлые и затемнил тон кожи. Татуировка в виде уробороса, змея, пожирающего собственный хвост, на задней стороне шеи, по которой его могли узнать, была скрыта под временным рисунком кельтского узла.

Судя по длине очереди, пройдет еще несколько часов, прежде чем он подойдет к дверям и получит возможность войти в «Загробную жизнь», но его это вполне устраивало. Он пришел сюда наблюдать и терпеливо ждать, пока Грейсон выйдет наружу.

После того, как ему удалось выследить бывшего агента «Цербера» здесь на Омеге, Кай Ленг изучал его привычки с расстояния. Он следил за его поведением, знакомясь с его

распорядком дня.

Его удивило, что Грейсон работал на Арию Т'Лоак — он быстро поднялся в ее иерархии, став ценным прислужником самой влиятельной криминальной фигуры на станции. Это усложняло его похищение. «Церберы» не могли просто схватить его на улице и сбежать через космопорт. Влияние Арии было слишком сильно на этой станции, кто-нибудь обязательно доложит ей о похищении. В результате им придется с боем пробиваться через людей Королевы Пиратов, а Кай Ленгу не нравился подобный расклад.

Скрытность была ключом к успеху. Схватить Грейсона, когда он будет один, там, где никто не заметит его исчезновения. Вывести его со станции, прежде чем его пропажа обнаружится. И сделать так, чтобы никто не смог связать это с «Цербером».

На деле все оказалось куда сложнее, чем представлялось. Грейсон был осторожен. Он редко появлялся в общественных местах, если только не выполнял поручения Арии. Этот клуб, многолюдный продуктовый магазин и жилище его шлюхи-азари — вот все места, которые он, казалось, посещал.

Захватить его в собственной квартире представлялось наиболее удачным вариантом, конечно же, но он жил в охраняемом районе. Прежде чем предпринимать любые действия против Грейсона, нужно было сначала разработать какой-нибудь план, как обойти охранников.

Насколько было бы проще, если бы Призрак отдал приказ на убийство Грейсона. Кай Ленг мог бы выполнить работу, не тратя долгих часов на слежку: медленный яд, подсыпанный в выпивку в клубе; пуля между глаз, выпущенная из снайперской винтовки из укрытия, когда Грейсон шел бы по улице. Но похищение всегда оказывалось сложнее, чем обычное убийство.

Кай Ленг действовал не один, конечно же. С ним было еще шестеро человек, преданных агентов «Цербера», которые ждали его приказаний в квартире в соседнем районе, подконтрольном людям. Если им повезет, то ожидание закончится в ближайшие несколько часов.

Все уже было готово несколько дней назад, когда Грейсон вдруг исчез из вида. Поначалу Кай Ленг испугался, что тот что-то заподозрил, но осторожное выяснение ситуации показало, что Грейсон выполнял какое-то особое задание для Арии. Ему не удалось узнать все подробности, но из добытой им информации он смог понять, что дело касалось наркотиков и одной из конкурирующих банд.

Кай Ленг следил за клубом, зная, что рано или поздно Грейсон неизбежно вернется к своей хозяйке. На протяжении трех ночей он попусту ждал хотя бы намек на появление объекта. Но сегодня его упорство было вознаграждено.

Грейсон вошел в клуб менее часа назад. Если он пойдет домой один, без той молодой азари, с которой он спал, они нанесут удар. Если он будет не один, то они подождут другой возможности. Кай Ленга можно было обвинить во многом, только не в отсутствии терпения.

Но все же, ему хотелось покинуть станцию. На Омеге было слишком много инопланетян и слишком мало людей. Здесь он был чужаком, вынужденным подчиняться причудам странных существ, к особенностям культуры и ценностям которых он вовсе не желал привыкать. Высокий уровень преступности, жестокая диктатура банд и относительная беспомощность человечества — все это было мрачным примером будущего под властью инопланетян, каким его предсказывал Призрак. Кай Ленг был убежден, что каждому, кто сомневался в целях «Цербера», следовало лишь посетить Омегу, чтобы понять крайнюю необходимость про-человеческой организации, готовой пойти на все ради защиты их вида.

VIP-дверь клуба открылась, и все в очереди вытянули шеи, стремясь разглядеть, кто выйдет оттуда. Они надеялись увидеть большую группу — шесть, семь или восемь посетителей, покидающих клуб, означали, что такое же число ждущих снаружи могли бы войти внутрь. Когда они увидели всего лишь одного человека, по толпе пробежал явный шепот разочарования.

Кай Ленг испытал прямо противоположные эмоции, когда увидел, что это Грейсон

вышел из клуба и направился в сторону своей квартиры в полном одиночестве.

Несколько человек, стоявших в конце очереди, в раздражении отказались от ожидания и решили отправиться поискать развлечений где-нибудь в другом месте. Кай Ленг присоединился к этой группе, чтобы не привлекать к себе внимания, и направился в сторону, противоположную той, куда пошел Грейсон. Он завернул за угол, чтобы уйти с открытого пространства — он не хотел рисковать и попадаться Грейсону на глаза, если тот вдруг обернется назад.

Остановившись за углом, он легким прикосновением включил двухсторонний передатчик, висящий на его ухе.

— Цель покинула клуб в одиночку, — прошептал он, зная, что передатчики, которые носили остальные члены его отряда, автоматически усилят его слова, и они будут ясно различимы. — Действуем по плану.

Грейсон шел обратно в свою квартиру, постоянно ускоряя шаги. Он чувствовал себя неважно. Напряженно. Беспокойно. Разочарованно.

Решение покинуть клуб было правильным; атмосфера «Загробной жизни» не привлекала его этой ночью. Но все же он чувствовал себя скверно из-за того, что ему пришлось отшить Лизелль.

«Она права насчет Кали, ты же знаешь. Ты всегда расклеиваешься после разговоров с ней».

Он кивнул охранникам на входе в район, проходя через ворота, но не стал заговаривать с ними, а просто пронесся мимо, целиком погруженный в свои мысли.

Кали была тем звеном, что связывало его с прошлой жизнью. Разговор с ней помогал ему поддерживать связь с дочерью. Их беседы напоминали ему о том, что он имел когда-то... и о том, что он потерял.

«Эти времена давно прошли. Прекрати мучить себя».

Он дошел до своего дома, ввел код на панели и быстро взбежал вверх по лестнице. Добравшись до двери квартиры, он тяжело дышал. И хотя физическое напряжение ускорило биение его сердца, оно было не в состоянии успокоить его внутреннее смятение.

Войдя в квартиру, он запер дверь, опустил шторы в гостиной, затем скинул с себя ботинки, рубашку и брюки. Несколько капель пота выступило на его коже; стоя в нижнем белье посреди комнаты, он дрожал в потоке прохладного воздуха, вырывавшегося из отверстий кондиционера в потолке.

Часть его хотела снова позвонить Кали.

«Отличная мысль. И что ты ей скажешь? Думаешь, ей есть дело до твоей эмоциональной бредятины?»

Она, должно быть, уже спит. Нет смысла ее будить. А звонок посреди ночи, скорее всего, не облегчит его состояние — может, даже усугубит его.

«Ты настолько запутался, что даже не знаешь, чего хочешь. Жалкое зрелище».

Он начал ходить туда-сюда перед диваном, пытаясь сбросить бушевавшую в нем энергию.

«Просто остатки адреналина после работы. Тебе нужно расслабиться».

Это чувство не было полностью чуждым ему. Доведенный до предела. Напряженный. Во времена работы на «Цербер» он чувствовал себя так большую часть времени. Было не трудно угадать причину: психологический стресс.

Работа на Арию слишком сильно напоминала то, что он делал для Призрака. Он скатывался на старую дорожку.

«Что ты собираешься делать? Скажешь Арии, что увольняешься? Ты всерьез думаешь, что она просто позволит тебе уйти?»

Он не рассматривал всерьез возможность покинуть Омегу. Ему просто нужно было найти пути к адаптации. Так же как тогда, когда он работал на «Цербер».

«Один короткий вдох красного песка, и тебе станет хорошо».

Он не мог отрицать правду — он был наркоманом. Он не сможет продержаться целую ночь. Не в одной квартире с наркотиками. Но у проблемы было решение: заменить одну зависимость на другую.

Пройдя в спальню, он включил терминал экстранета и дотронулся до экрана, чтобы послать быстрый вызов. Лизелль ответила после второго гудка.

— Я знала, что ты позвонишь.

Ее голос был слегка искажен — двухсторонний передатчик, встроенный в браслет, который она носила на запястье, пытался очистить ее слова от фонового шума клуба.

— Прости, что вел себя так странно, — сказал он. — Я просто чувствовал себя немного... не так.

— Сейчас уже лучше? — спросила она с намеком в голосе. — Хочешь, чтобы я пришла?

— Как можно скорее, — прозвучал его честный ответ.

— Буду через 20 минут.

Звонок оборвался, и Грейсон отошел от терминала. Двадцать минут. Он мог продержаться двадцать минут.

Кай Ленг со своим отрядом — четверо мужчин и две женщины — остановился перед входом в район, в котором жил Грейсон. Охранники-турианцы изучали их с чем-то средним между скукой и презрением, даже не потрудившись поднять оружие.

Было бы куда проще просто пристрелить их, но, к сожалению, убийство охранников было не вариантом. Они входили в состав «Первой охранной компании Омеги», независимой организации, которую нанимали богатые жители для обеспечения безопасности в нескольких районах станции. Каждый охранник обязан был докладывать главному диспетчеру каждые двадцать минут — если доклада не было, то на место автоматически направлялись два десятка солдат подкрепления.

— Имя, — требовательно произнес один из охранников.

— Мэннинг, — ответил Кай Ленг. — Мы здесь, чтобы встретиться с Полом Джонсоном.

Турианец опустил взгляд на свой инструметрон.

— Вас нет в его списке. Мне придется позвонить ему.

— Подождите, — быстро произнес Кай Ленг. — Не звоните. Предполагалось, что это будет сюрприз. На следующей неделе у него день рождения.

Турианец колебался, пристально разглядывая семерых человек, стоящих перед ним.

Внешний вид людей Кай Ленга соответствовал их легенде. Ни на ком не было боевой брони; вместо этого они оделись в цветастую одежду по нынешней моде Омеги. Вместо оружия они держали в руках подарки, завернутые в яркую бумагу.

Оружие у них все же было; каждый имел при себе тщательно спрятанный пистолет-транквилизатор. Шокеры были меньше размером, и их было легче спрятать, но транквилизаторы обладали большей дальностью поражения и не ограничивались двумя-тремя выстрелами до перезарядки.

— Это нарушение инструкций, — сказал второй турианец, хотя его тон не выражал безоговорочный отказ. — Нас могут уволить.

— Мы вовсе не хотим, чтобы у вас возникли неприятности, — ответил Кай Ленг, в руке которого появились две купюры по сотне кредитов. — Просто пропустите нас и сделайте вид, что нас здесь не было.

«Первая охранная компания» хорошо платила своим сотрудникам, но это не означало, что они не брали взятки при удачном стечении обстоятельств. Стоявшие перед охранниками люди выглядели безобидно, и предложение их было как раз соответствующим, но не слишком большим, чтобы вызвать подозрения.

— Сначала я проверю ваши подарки, — сказал турианец, хватая деньги, которые протягивал ему человек.

Кай Ленг хотел сначала спрятать оружие в коробках для подарков. По счастью, понимание натуры инопланетян заставило его передумать. Он знал, что охранники-турианцы не упустят случая показать свою власть перед группой богатых землян.

В течение следующих нескольких минут турианцы копались в подарках. Они сорвали обертки и принялись тщательно — и грубо — осматривать содержимое коробок. Внутри оказалось несколько бутылок дорогого вина, часы, пара запонок и коробка сигар высшего качества. Когда они закончили, подарочные коробки превратились в лоскутки цветной бумаги и кучу обрывков картона, разбросанных у ног охранников.

— Уберите мусор и можете проходить, — сказал второй турианец.

Кай Ленг прикусил губу и кивнул своему отряду. Еще одно унижение: подбирать с земли обрывки бумаги, буквально ползая на коленях перед охранниками. К чести его людей, они перенесли оскорбление без возражений, понимая, что их миссия была более важна, чем жгучее желание наказать турианцев за высокомерие.

Когда они уже уходили, один из турианцев предупредил:

— Мистер Джонсон может не обрадоваться вашему визиту. Его подружка-азари пришла к нему примерно за 10 минут до того, как появились вы.

— Она, наверное, как раз дарит ему свой подарок, — добавил второй с грубым смешком.

Кай Ленг выругался про себя. Увидев, что Грейсон ушел из клуба один, он оставил наблюдение и отправился к своему отряду. Он не подумал о том, что азари может прийти к Грейсону позже.

Сдерживая раздражение, он улыбнулся и сказал:

— Мы обязательно поступим.

Они прошли через ворота и завернули за угол, по направлению к дому Грейсона. Как только они скрылись из поля зрения охранников, он поднял руку, дав сигнал остановиться.

Он никогда бы не отдал приказ на начало операции, если бы знал, что эта азари будет там, но отступать было уже поздно. Охранники обязательно спросили бы Грейсона о вечеринке-сюрпризе в течение нескольких ближайших дней. Тот был достаточно умен, чтобы сложить одно с другим; он бы понял, что «Цербер» нашел его. Тогда он либо исчез бы, либо попросил бы Арию об особой охране. Сегодня был их единственный шанс.

— Вы слышали, что сказал охранник, — обратился он к своей команде. — Грейсон не один. С ним азари. Он нужен нам живым, — напомнил он им главную цель их операции. — Однако насчет инопланетной шлюхи нет никаких указаний. Если будет возможность, убейте ее.

Он понял по лицам остальных, что все они осознавали, что это было легче сказать, чем сделать. У Грейсона должен был быть припрятан по меньшей мере один ствол где-то в квартире; азари также могла быть вооружена. И даже если нет, она была биотиком. Одетые в праздничные костюмы и вооруженные одними только пистолетами-транквилизаторами, они находились в существенно менее выгодном положении.

— Придерживаемся первоначального плана, — подбодрил он их. — Нанесем удар быстро, застанем их врасплох. Если повезет, все закончится до того, как они успеют понять, что происходит.

Грейсон тяжело и часто дышал. Он откинулся на кровать, уставившись в потолок, пытаясь перевести дыхание. Лизелль прижалась к нему, их обнаженные тела были все еще сплетены вместе.

— Я рада, что ты передумал, — прошептала она ему в ухо, легко проводя пальцами по середине его голой груди.

Все еще приходя в себя после недавнего совокупления, он едва смог выдать:

— Я тоже.

Секс с Лизелль был для него не просто физическим удовольствием. Как и все азари, она устанавливала сильную и глубокую ментальную связь с партнером в кульминационный момент; на короткое мгновение два разума сливались в один. Их личности сталкивались вместе, дробились, преобразовывались, а затем разлетались в стороны с ошеломительной силой, которая заставляла Грейсона буквально хватать ртом воздух, задыхаясь.

«Сможешь ли ты вообще когда-нибудь снова заниматься этим с человеком?»

— Мне нужно выпить, — сказал он, осторожно высвобождаясь из объятий длинных, стройных ног Лизелль.

Нетвердой походкой он прошел по коридору на кухню. Он вытащил из холодильника бутылку с водой и выпил ее залпом, длинными, жадными глотками. Он чувствовал головокружение, но беспокойство и тревога ушли, стерлись благодаря бесподобным навыками Лизелль в постели.

Только он хотел крикнуть Лизелль, не нужно ли ей чего-нибудь, как входная дверь отъехала в сторону.

Его голова дернулась на звук, и он увидел небольшую группу людей в коридоре за дверью. Одна из них сидела на корточках у дверного косяка, где она взламывала код доступа. Остальные стояли плотной группой, так что было трудно определить, сколько их. Но две вещи Грейсон понял мгновенно: все они казались на вид людьми, и все они были вооружены.

Сработали инстинкты, и он упал на пол, полустена кухни защитила его от выстрела одного из нападавших.

«Профессионал. Среагировал и выстрелил слишком быстро».

— Засада! — крикнул он Лизелль. — Столик у кровати! — добавил он, подсказывая ей место, где он хранил оружие.

«Говорил же, что "Цербер" тебя найдет».

Он понимал, что ему ни за что не победить в этой схватке. Голый, без оружия, в меньшинстве — шансов не было. Но он не беспокоился о собственной жизни. Все, о чем он думал — это добраться до терминала в спальне и успеть послать предупреждение Кали.

«Если только они уже не добрались до нее».

Понимая всю опасность, он высунул голову поверх стены, чтобы оценить расположение врагов. Мгновенно раздались три выстрела, как только его голова показалась на виду, но он успел пригнуться обратно и избежать пуль.

К счастью, они не могли знать, что он безоружен. Вместо того чтобы броситься вперед и добить его, они по-прежнему прятались в коридоре, укрывшись от ответных выстрелов за краями дверного косяка.

Грейсон бросился в коридор, ведущий в спальную, низко пригибаясь к полу. Позади себя он услышал тяжелые шаги — это несколько убийц вбежали в квартиру.

Последовала серия резких звонких ударов, когда вражеские пули пробили стену прямо над его головой. Он услышал свист одной из них, пролетевшей рядом с ухом. В этот момент он забежал за угол и оказался вне линии огня.

«Странно. Пули не звенят».

Эта мысль, однако, вылетела у него из головы, когда он увидел Лизелль, выбегающую из спальни в его сторону. Она была все еще голой, ее правая рука вытянута вперед, ладонь сжата вокруг рукоятки пистолета Грейсона.

Они оба двигались слишком быстро и слишком поздно осознали, что должно произойти. Они столкнулись друг с другом, от удара свалившись на пол.

Грейсон вскочил обратно на ноги, схватив Лизелль за левую руку в отчаянной попытке поднять ее. Он снова двинулся в сторону спальни, наполовину таща за собой азари. Забавно, она умудрилась не выпустить из руки пистолет, несмотря на то, что ее сбили с ног, а другая ее рука оказалась почти вывернута из сустава.

Агент «Цербера» вылетел из-за поворота на кухню, бросившись на них. Грейсон

инстинктивно сильнее сжал пальцы на руке Лизелль, приготовившись получить пулю в грудь. Полулежа, Лизелль выбросила руку с оружием в сторону противника, пока тот прицеливался, и ее движение запустило реакцию в мозгу, заставившую произвести быстрый разряд темной энергии.

У азари не было достаточно времени, чтобы накопить силу для по-настоящему убийственной атаки. Биотический бросок не нанес сколь-нибудь ощутимых повреждений, но он сбил противника, и тот выстрелил в потолок, пытаясь сохранить равновесие и отступая за угол.

До двери спальни оставалось меньше метра, когда враг осторожно высунулся из-за угла снова, на этот раз немедленно открыв огонь. Стреляя почти в упор, он выпустил лишь одну пулю, которая попала Лизелль в грудь. Она задохнулась и, вскинув свободную руку, выстрелила в ответ, пока Грейсон продолжал тащить ее по коридору.

Мощный пистолет выдал целый дикий поток пуль, автоматический прицел изо всех сил пытался скомпенсировать дрожание руки Лизелль. Как минимум одна пуля нашла свою цель — на стене расплылось красное пятно, и агент «Цербера» свалился на пол.

Грейсон продолжавший тащить Лизелль, почувствовал, как обмякло ее тело, и пистолет выскользнул из ее слабеющих пальцев, когда они пересекли порог спальни. Выпустив руку своей любовницы, Грейсон ударил по панели на стене, и дверь плотно закрылась, давая им еще несколько драгоценных секунд.

Он подхватил Лизелль и забросил ее на кровать, отчаянно пытаясь отыскать рану на ее голом теле. Он ожидал увидеть дыру, разворотившую ей ребра, а вместо этого нашел лишь маленькую точку прямо между грудями.

Кусочки, наконец, встали на свои места, когда он понял, что Лизелль все еще дышала, хотя и была без сознания.

«Почти невидимая ранка. Странный звон их пуль. Они используют патроны с транквилизатором. Ты нужен им живым».

Он не знал, хорошо это или плохо. В любом случае, понимание ситуации мало способствовало ее решению. Ему все еще нужно было предупредить Кали.

Он услышал шаги врагов в коридоре, прямо за дверью спальни. На двери не было замка, но они все равно проявляли осторожность — они знали, что их жертва вооружена не усыпляющими патронами. Но времени у него оставалось мало.

Оставив бесчувственное тело Лизелль на кровати, он бросился к терминалу экстранета у противоположной стены комнаты. Отчаянно тыча пальцем в интерфейсный экран, он вошел в сеть и послал Кали файлы, которые собрал за последние два года.

В то мгновение, когда сообщение было отослано, он активировал процедуру очистки, удаляя все до единого файлы в системе, включая и записи его входящих и исходящих сообщений.

Секундой позже дверь распахнулась. Грейсон повернулся и бросился на противников.

Он сделал лишь один шаг, когда почувствовал уколы двух усыпляющих пуль, попавших в грудь. На третьем шаге он полностью вырубился.

Когда тело Грейсона свалилось на пол, Кай Ленг неподвижно замер на несколько секунд, держа пистолет направленным на цель на тот случай, если потребуется сделать еще один выстрел. Когда стало ясно, что жертва без сознания, он опустил оружие и резко крикнул:

— Он отослал сообщение. Проверьте терминал — вдруг он вызвал подмогу.

Шелла, их технический эксперт, подбежала к компьютеру в углу.

— Остальные — обыщите комнату. Берите любое оружие, какое найдете. Нам понадобится что-то получше этих пукалок, чтобы справиться с турианцами на выходе.

— Что делать с ней? — спросила Шелла, кивая в сторону неподвижной азари на кровати, в то время как ее пальцы бегали по клавиатуре терминала.

— Оставь ее мне.

Он вышел обратно в коридор. Тело Даррина лежало на полу в темной луже крови.

Дженс все еще стоял, склонившись, рядом с ним, делая ему укол панацеина, проверяя жизненные показатели и надеясь на чудо. Кай Ленгу было достаточно одного взгляда на тело, чтобы понять, что медик напрасно тратит время.

Пройдя на кухню, он начал быстрый, но тщательный осмотр. Открывая шкафы и выдвигая ящики, он обнаружил очень большой и очень острый разделочный нож. Подняв его, он взвесил его на руке. Найдя то, что искал, он отправился обратно в спальню.

— Терминал пуст, — доложила Шелла, когда он вошел. — Должно быть, он стер все до того, как мы вошли.

Кай Ленг нахмурился. Он понятия не имел, какого рода информация хранилась на терминале Грейсона, но она должна была быть достаточно важной, раз он тратил время на то, чтобы избавиться от нее в тот момент, когда на его квартиру напали.

— Нашел это под кроватью, — вставил один из оперативников, держа в руках целлофановый пакет размером с кирпич. — И еще четыре таких же. Похоже на красный песок.

Они наконец-то нашли зацепку. Он знал, что Ария была вовлечена в войну из-за наркотиков с другой бандой; если им повезет, она подумает, что это они стоят за исчезновением Грейсона.

— Берем песок с собой. Нашли какое-нибудь оружие?

— Только пистолет, из которого застрелили Даррина.

— Как он?.. — спросила Шелла дрогнувшим голосом.

Кай Ленг просто покачал головой, пересекая комнату и подходя к кровати. По лицу Шеллы промелькнула тень, но она не проявила больше никаких эмоций.

Стоя над обнаженной азари, он резко полоснул ее ножом по горлу. Разрез получился ровным и глубоким. Поток крови брызнул по ее шее, впитываясь в простыни. Он был такого же темного оттенка, как и человеческая кровь, разлитая в коридоре.

— Вы двое — берите Грейсона, вы — Даррина, — сказал он, засовывая нож за ремень брюк сзади и вытаскивая рубашку наружу, чтобы скрыть торчащую рукоять. — Идем.

Само нападение и осмотр квартиры заняли менее десяти минут. Кай Ленг был впечатлен работой своей команды, хотя в данном случае это было действительно необходимо.

Жители других квартир этого дома наверняка слышали выстрелы. Но вряд ли кто-то из них собирался вмешаться; население Омеги предпочитало не совать нос в чужие дела. Даже если кто-то и решил бы сообщить о происшествии, докладывать было бы попросту некому. На Омеге не было полиции, а охранники на входе в район в нескольких кварталах отсюда не стали бы покидать свои посты. Им платили за то, чтобы не пускать посторонних внутрь, а не за поддержание порядка в самом районе. Известия о нападении рано или поздно дойдут до Арии, возможно, даже еще до утра. Он надеялся, что они к тому времени будут уже далеко отсюда.

Оставалась лишь одна проблема: пронести бесчувственного Грейсона, еще теплое тело Даррина и восемь килограммов красного песка мимо охранников «Первой охранной компании Омеги» на выходе из района.

Он провел отряд по извилистым улицам тем же путем, что они пришли. Им повезло, и они не наткнулись ни на кого по дороге. Добравшись до последнего угла, за которым находился пост охраны, Кай Ленг остановил отряд. Он протянул руку, и Шелла вложила в его ладонь пистолет Грейсона. Он с некоторым отвращением отметил, что это была турианская модель «Эланус», прежде чем сунул пистолет под рубашку рядом с ножом. Он чувствовал, как две рукоятки — ножа и пистолета — упираются ему в поясницу.

— Ждите здесь, но будьте готовы двигаться.

Подождав мгновение, чтобы успокоить мысли и тело, он в одиночку завернул за угол, двигаясь легкой, но уверенной походкой.

Турианцы заметили его, когда он подошел ближе, но не подняли оружия и не выказали признаков беспокойства.

— В чем дело? — съязвил один из них. — Выгнали с вечеринки?

— Забыл кое-что, — пробормотал он, продолжая идти.

Он был в десяти метрах от них — достаточно близко, чтобы произвести точный смертельный выстрел. Но на охранниках были надеты боевые защитные костюмы; их кинетические щиты с легкостью отразят пулю, выпущенную с такого расстояния. Ему нужно было подобраться настолько близко, чтобы оба его оружия оказались эффективными.

— Если выйдешь за ворота, обратный вход будет стоить денег, — предупредил второй охранник.

Он не потрудился ответить. Пять метров. Еще пара шагов и все будет кончено. Он был уже достаточно близко, чтобы различить выражение их птичьих лиц; он точно определил момент, когда они осознали, что он представляет угрозу.

Если бы хотя бы один из них сделал пару быстрых шагов назад, когда Кай Ленг завел руку за спину, у него не было бы ни единого шанса. К счастью, оба остались на месте.

Двигаясь с ошеломительной скоростью, Кай Ленг прыгнул к ним, левой рукой выхватывая нож из-за пояса. Он взмахнул ножом и ударил ближайшего охранника острым концом в горло. Повернув запястье, в момент, когда лезвие пронзило кожу, он перерезал трахею и то, что заменяло турианцам сонную артерию.

Второй турианец поднял свое оружие, но пока он протягивал руку для выстрела, Кай Ленг ударил по ней своей свободной рукой, так что пистолет выстрелил в пол у его ног. Он отпустил рукоятку ножа, потянувшись за собственным пистолетом. Одним быстрым движением он выхватил оружие из-за пояса сзади, перевел руку вперед, приставил дуло к виску турианца и нажал на курок.

Прозвучал влажный хлопок, когда затылок турианца взорвался, разбрасывая куски черепа и мозга. Кай Ленг смотрел прямо в глаза врага, убивая его; он увидел, как зрачки расширились, когда перестали поступать сигналы из остатков его мозга, и турианец сполз на пол.

Кай Ленг повернулся к первому охраннику. Тот лежал на земле, но был еще жив; его руки судорожно хватили нож, торчащий из горла. Кай Ленг шагнул к нему и прикончил его так же, как и напарника — выстрелом в упор в голову.

Обернувшись, он увидел, что его отряд уже выдвинулся, пытаясь бежать с Грейсоном и Даррином на плечах. Он никого больше не заметил; если и были какие-то свидетели, им хватало ума не высовываться.

Двигаясь быстрыми шагами и сменяя друг друга каждые несколько кварталов, они дотащили свою ношу до космопорта менее чем за десять минут. Еще через пять минут они погрузились на корабль и спокойно покинули станцию.

Только тогда Кай Ленг позволил довольной улыбке тронуть свои губы.

— Вызови Призрака, — сказал он Шелле. — Скажи ему, что Грейсон возвращается домой.

Глава 5

Кали крутилась и вертелась всю ночь, то и дело бросая взгляд на светящийся циферблат часов у кровати. Всякий раз она с удивлением обнаруживала, что прошло лишь несколько минут после предыдущей проверки; казалось, утро не настанет никогда.

Она всегда плохо спала после звонков Грейсона. Она не могла перестать думать о том, кем он был, и что он делал. А размышления о Грейсоне неизбежно приводили ее к мыслям о Джиллиан и Хенделе.

Она беспокоилась обо всех своих студентах, но Джиллиан всегда занимала особое место в ее сердце. Она знала, что с Хенделом она в хороших руках, но это не могло заставить ее меньше скучать по Джиллиан или Хенделу.

Угрюмый шеф охраны был один из самых близких ее друзей на этой станции... одним из немногих близких друзей, что были у нее в жизни. Несмотря на внешнюю общительность,

она старалась держать людей на расстоянии — черта, скорее всего, унаследованная от ее отца-мизантропа.

Ей казалось странным, что Джон Гриссом имел столь сильное влияние на ее жизнь. Ей стоило немалых страданий, чтобы скрыть тот факт, что человек, именем которого была названа академия, на самом деле являлся ее биологическим отцом. После развода родителей он исчез из ее жизни, поэтому она взяла себе фамилию матери. Становясь старше, она из всех сил пыталась скрыть свое родство с одним из наиболее почитаемых — и непонятых — героев Земли.

Несмотря на все эти попытки, отец вернулся в ее жизнь где-то около двадцати лет назад, когда ей пришлось скрываться от властей после выдвинутого против нее обвинения в убийстве ее коллег-ученых на исследовательской станции на Сайдоне. Он спрятал ее в своем доме на Элизиуме, а затем помог ей и Дэвиду Андерсону — солдату Альянса, который единственный из всех верил, что Кали была невиновна, — сбежать с планеты.

Примерно два десятилетия спустя Андерсон помог командеру Шепарду разоблачить Сарена, вышедшего из-под контроля Спектра-турианца, предавшего Совет. Кали стала ведущим специалистом в области биотики и возглавила проект «Восхождение». Отец же остался на Элизиуме. Он вел там одинокую, замкнутую жизнь, отказываясь от всех интервью и из всех сил стараясь спрятаться от своей репутации легенды, с которой он так и не научился жить.

Она регулярно, хотя и нечасто, общалась с отцом до самого дня его смерти. Он скончался от старости шесть месяцев назад в возрасте 75 лет — небывало рано по современным меркам. Но ее отец всегда был неким пережитком прошлого.

На его похороны съехались сотни важных лиц, все они пришли, чтобы выразить свое почтение человеку, которого они идеализировали, но которого никто из них по-настоящему не знал. Кали тоже была там, но не как дочь Гриссома, а как преподаватель академии — очевидно, она ценила свою личную жизнь так же, как и он.

Смерть матери, когда Кали была подростком, перевернула ее мир. Уход Гриссома имел куда меньшее воздействие. Она никогда не чувствовала близости со своим отцом. Два-три тайных посещения его дома на Элизиуме в год всегда заканчивались неудобными для обоих беседами, полными долгих пауз и горького молчания. И все же теперь, когда этого озлобленного старика не стало, она поняла, что скучает по нему. Она все еще ощущала, как легкий комок подкатывает к горлу всякий раз, когда проходила мимо мемориальной таблички с его именем и портретом в холле академии.

Пытаясь уйти от воспоминаний о людях из прошлого, она стала думать, как сгладить ситуацию с Ником. Она не хотела, чтобы он чувствовал стыд или смущение из-за того, что произошло, но прямой разговор с ним об этом мог только усугубить положение.

Если бы Хендел по-прежнему был здесь, она попросила бы его заняться этим делом. Но его не было. Так же, как и ее отца. И Грейсона. И Андерсона.

«Почему все мужчины в моей жизни рано или поздно исчезают?»

Этот вопрос был не из тех, поиском ответа на который ей хотелось заниматься посреди долгой бессонной ночи. По счастью, в этот момент прозвучал сигнал терминала, означающий, что получено входящее сообщение, и это дало ей повод выскочить из постели и проверить его.

Она испытывала нечто вроде легкой тревоги, нажимая кнопки на экране. Ночью терминал был настроен на бесшумный прием сообщений — звуковой сигнал раздавался только тогда, когда поступало что-то с пометкой «срочно». Увидев, что письмо от Грейсона, она еще больше забеспокоилась.

В отличие от предыдущего звонка, этот не был видеовыводом. Судя по формату, это было заранее записанное сообщение и зашифрованный файл данных. Ее горло слишком пересохло, чтобы сглотнуть слюну, когда она нажала на экран, запуская воспроизведение.

В то мгновение, когда образ Грейсона появился на экране, она поняла, что сообщение записано несколько месяцев или даже лет назад. Его лицо выглядело не таким худым, мешки

под глазами не казались столь резко выраженными.

— Если ты смотришь это, значит «Цербер» добрался до меня.

Он говорил спокойно, с почти бесстрастным равнодушием, но сердце Кали все равно подпрыгнуло к горлу.

— Не знаю, придут ли они за тобой тоже. Может, и нет; Призрак достаточно практичный человек и может посчитать, что ты неважна для его планов. Но он также может быть мстительным и мелочным. В этом деле тебе нельзя полагаться на случай.

Она пыталась сосредоточиться на словах Грейсона, но ее мозг отказывался осознавать слова. Она не могла отделить запись от человека, сделавшего ее. Грейсон мертв? Или они схватили его?

— К этому сообщению приложен файл, — запись продолжалась все в том же спокойном тоне. — Все, что мне известно о «Цербере» — в нем.

Монотонный голос Грейсона являл собой резкий контраст с тем хаосом, который ощущала в себе Кали. Ее голова кружилась, желудок выкручивало. Все это казалось ей чем-то неестественным, ночным кошмаром, от которого она никак не могла очнуться.

— Призрак умен. Он осторожен. Он говорит своим агентам только то, что им нужно знать. Но я знаю гораздо больше, чем он подозревает.

В течение последних нескольких лет моей работы на «Цербер» я собирал информацию. Может быть, какая-то часть меня уже тогда понимала, что я предам Призрака. Или же он предаст меня. Может, я просто был достаточно умен, чтобы обеспечить себе страховку.

Имена агентов внутри Альянса. Расположение важнейших комплексов и конспиративных квартир. Подставные компании, которыми владеет Призрак. Любая информация, которую я мог собрать, даже самая незначительная — все в этом файле.

Некоторые сведения могут оказаться устаревшими — места изменяются, приходят новые оперативники. Но в правильных руках эта информация может нанести серьезный ушиб «Церберу».

Искра надежды зажглась внутри Кали. Если Грейсон еще жив, ей, быть может, удастся использовать эти данные, чтобы вычислить, куда забрал его «Цербер».

— Не пытайся спасти меня, — сообщение продолжалось, будто бы запись могла читать ее мысли. — Если ты слушаешь это, значит я все равно, что умер.

Кали потрясла головой в инстинктивном, бессознательном отрицании.

— Ты должна позаботиться о себе. Передай эту информацию кому-нибудь из обладающих властью людей. Кому-нибудь, сильному настолько, что сможет начать охоту на «Цербер». Ты должна уничтожить Призрака — это единственный путь, который позволит тебе чувствовать себя в безопасности.

На несколько секунд повисла тишина, и Грейсон на экране нахмурил брови. Затем он выдавил мрачный смешок.

— Я не знаю, к кому ты могла бы пойти, — признал он. — Хотел бы, но не знаю. У «Цербера» есть свои люди практически на каждом уровне внутри Альянса. Любой человек, обладающий властью, может работать на Призрака.

Но ты умна. Я знаю, ты что-нибудь придумаешь. Просто тщательно выбирай тех, кому доверяешь.

Сообщение внезапно прервалось, застав Кали врасплох. Никаких прощальных слов, никаких сентиментальных напутствий. Грейсон сказал ей то, что она должна была знать, и просто отключил запись.

Несколько минут она неподвижно сидела на стуле, уставившись на лицо Грейсона, застывшее на последнем кадре ролика, и пыталась переварить ужасные известия.

Немного собравшись с мыслями, она пробормотала «повторить» и посмотрела запись во второй раз, чтобы убедиться, что не упустила ничего важного во время первого эмоционального просмотра.

Закончив просмотр, она загрузила оптический диск в терминал и скопировала информацию из прикрепленного файла. Затем она поднялась, прошла в гардеробную и

начала собирать вещи. Она не была в панике, но во всем, что она делала, определенно прослеживалась крайняя срочность.

Несмотря на испытанный ею шок, она уже обдумывала план действий. Она не могла оставаться в академии — нельзя было подвергать опасности детей и других сотрудников.

Был ряд мест, куда она могла отправиться. Она считалась одним из самых выдающихся ученых человечества; за свою карьеру она завязала знакомства со многими политиками и военными, которые выслушают — и поверят в ее историю.

Но могла ли она доверять кому бы то ни было из них? Они не были ей друзьями — в лучшем случае приятелями. Любой из них мог работать на «Цербер».

Если бы отец был жив, она отправилась бы к нему. Если бы Хендел был здесь, она обратилась бы к нему за помощью. Но их здесь не было, так же, как не было Грейсона.

Оставался лишь один человек, к кому она могла пойти. К тому, кого она не видела со дня похорон отца, да и до этого — всего пару раз за прошедшее десятилетие. Но Кали доверяла ему безоговорочно. И она знала, что должна передать ему информацию Грейсона как можно скорее.

Ария Т'Лоак неподвижно стояла у края кровати, глядя на обнаженное, залитое кровью тело Лизелль. Двое из ее технических специалистов-саларианцев ползали по ковру спальни, собирая образцы крови, волос и прочего. Еще один занимался терминалом в спальне, а четверо других прочесывали остальную часть квартиры в поисках любых мельчайших улик, которые могли бы пролить свет на то, что здесь произошло.

Признаки борьбы были очевидны, хотя, сколько всего народу участвовало в потасовке — и кто это был — оставалось загадкой. Все, что они знали наверняка — это то, что человек, известный им под именем Пол Джонсон исчез, а с ним исчезли и наркотики.

Это было его ненастоящее имя, конечно же. Пока этот предприимчивый человек поднимался по ступеням ее иерархической лестницы, Ария проверяла его самого. Не составило труда установить, что имя Пол Джонсон было вымышленным, но это не встревожило ее. Он далеко не единственный в ее организации использовал фальшивую личность.

Несколько месяцев осторожного расследования убедили ее, что он не работал на конкурирующую банду или какое-нибудь охранное агентство, ищущее способ попасть на Омегу, но ей так и не удалось выяснить, кем он был на самом деле. Она велела своим людям взять его биометрические образцы: отпечатки пальцев, оставленные на стаканах в клубе; фотографии сетчатки глаза, лица и морфологические признаки, записанные на различных камерах безопасности станции; образцы волос, кожи и даже крови, собранные Лизелль, пока Пол спал рядом с ней. Ничто из этого не фигурировало ни в одной известной ей базе данных.

Арии не нравилась неопределенность. Ее первым побуждением было убрать Пола, просто ради спокойствия. Она даже приказала Лизелль сделать это. Но юная азари взмолилась за его жизнь. Он обладал навыками, которые могла использовать Ария, настаивала та; он ценен для организации. Какое бы прошлое не лежало за его плечами, он оставил его, когда прилетел на Омегу. Сейчас он верен Арии, клялась Лизелль... по крайней мере, верен так же, как может быть верен любой другой житель Омеги.

В конце концов, Ария позволила себя уговорить. И вот, Лизелль была мертва.

За прошедшие столетия Королева Пиратов Омеги повидала тысячи, если не миллионы трупов: как врагов, так и друзей. Она стояла над столькими телами азари, что уже не могла и припомнить, и многие из них были убиты ее собственной рукой. Но ей редко выпадало видеть смерть ее собственного ребенка.

По настоянию матери Лизелль держала их родство в тайне. Ария не хотела, чтобы враги использовали это знание против нее, и она не хотела, чтобы Лизелль жила в постоянном страхе. Теперь все это уже не имело значения.

Несмотря на бурлящую в ней ярость из-за смерти дочери, Ария не собиралась

принимать скоропалительные решения. В этом деле было слишком много возможностей. Это могла быть ответная атака «Когтя», хотя такой вариант казался маловероятным. Зачем приходить и мириться с ней только для того, чтобы тут же снова развязать войну? Они не настолько глупы.

К тому же, у «Когтя» не было причин забирать с собой Пола. Если бы это было их рук дело, то его тело лежало бы сейчас рядом с телом Лизелль. В действительности, она не могла понять, кому вообще потребовалось захватывать Пола... а это означало, что существовал значительный шанс того, что он замешан в этом деле.

Она повернулась и быстро вышла из спальни, ее лицо превратилось в непроницаемую каменную маску, когда она отвернулась от тела дочери.

Санак был где-то в подъезде снаружи, пытался выяснить, видел или слышал ли кто-нибудь из соседей что-то существенное. Она послала с ним пару кроганов в качестве не слишком тонкого намека на то, что когда Санак задает вопрос, отвечать нужно прямо и исчерпывающе.

К сожалению, вряд ли он узнал бы что-то новое. «Первая охранная компания Омеги» уже предложила награду в пять тысяч кредитов за любую информацию, которая помогла бы в задержании — или уничтожении — ответственных за убийство их охранников. Пока что у них не было сколь-нибудь значимых зацепок. Репутация Арии была хорошо известна всем на Омеге, но даже если пять тысяч кредитов не заставили никого раскрыть рот, то страх перед легендарным гневом Королевы Пиратов также был неспособен на это.

Она прошла через кухню и вышла в гостиную одновременно с возвращением Санака. Судя по выражению лица батарианца, ему нечем было порадовать ее.

— Мы поговорили со всеми в этом здании, — сказал он, наклоняя голову влево в неосознанном жесте уважения, принятом среди его вида. — Они слышали несколько выстрелов; видели, как шестеро или семеро выбежали из квартиры. Все люди. Ничего нового.

Ария могла бы наброситься на него из-за его неудачи, но в этом не было смысла. Она могла бы использовать жестокость и запугивание, чтобы узнать то, что ей требовалось; это были ценные инструменты в деле переговоров и при мотивировании тех, кто работал на нее. Но она знала, что Санак делал все, что мог.

Хотя и не самый сообразительный из ее подручных, он был верным и непреклонным в выполнении поставленных перед ним целей. Злость на него ни к чему бы не привела. Она не ругала своих слуг без причины; это лишь вело к затаенной обиде и неминуемому предательству.

— Значит, мы по-прежнему не знаем, кто Джонсон — жертва или предатель, — задумчиво проговорила она.

— Я ставлю на предателя, — заявил Санак. — Людям нельзя доверять.

Вместо ответа Ария поставила его на место резким взглядом.

— Взгляните на доказательства, — быстро продолжил он, понимая, что чтобы убедить ее потребуется не только его личная неприязнь людей как виду. — Лизелль перерезали горло; она доверяла убийце, если подпустила его так близко. А наркотики? Я хотел отнести их к вам в клуб. Джонсон настоял, чтобы они остались у него. Это кажется немного странным.

— Принести песок в клуб, значило подвергнуться глупому риску.

— Дело не в том, что он сказал, — настаивал батарианец. — Дело в том, как он сказал это. Я видел, что он равнодушен к песку. Он не мог отвести от него глаз. У него дожали губы. Он и раньше принимал. Это было очевидно.

— И из клуба он ушел в одиночку, — добавил Санак. — Я видел, что Лизелль осталась там одна.

— Ты, конечно же, думаешь, что это важно, — заметила она. Ее впечатлило то, как много он думал об этом. — У тебя есть теория?

Санак моргнул верхней парой глаз, собираясь с мыслями, прежде чем заговорить.

— Джонсон не мог сопротивляться песку. Почувствовал затаенную жажду глубоко внутри. Поэтому он позвонил каким-то своим старым друзьям на станции. Пригласил их к себе на вечеринку. Лизелль внезапно пришла к нему, хотела удивить. Он понял, что попался. Велел остальным спрятаться в спальне. Пригласил ее зайти. Перерезал ей горло. Схватил наркотики и свалил вместе с друзьями.

Ария пару секунд обдумывала это объяснение, затем отвергла его.

— Это лишено смысла. Почему Лизелль голая?

— Люди — больные животные, извращенцы. Наверняка изнасиловали ее, прежде чем убить. А может и после.

— Ты сказал, что соседи слышали выстрелы, — быстро продолжала Ария, пытаясь отогнать прочь сцены насилия над дочерью, которые пронеслись перед ее глазами. — Объясни это.

Батарианец моргнул всеми четырьмя глазами сразу, пытаясь найти вразумительный ответ. Прежде чем ему это удалось, один из саларианцев вышел из коридора, ведущего в спальню.

— Терминал экстранета. Полностью очищен, — доложил он в отрывистой манере, свойственной его расе.

Санак ухватился за новую информацию.

— Ублюдок заметал следы. Он должен быть замешан в этом.

— Отследите направление передачи. Мне нужны копии всех входящих и исходящих сообщений, отправленных из этой квартиры за последний месяц.

Саларианец энергично помотал головой из стороны в сторону.

— Человек был хитер. Закодировано. Зашифровано. Невозможно восстановить сообщения.

— У нас ничего нет? — воскликнула Ария; гнев и разочарование впервые прозвучали в ее голосе.

— Н-нет с-сообщений, — неожиданно встревоженный техник начал заикаться. — Определить адресатов — возможно. Найти, кому посланы сообщения. Все, на что мы можем рассчитывать.

— Делай, — рявкнула Ария. — Найди того, с кем он говорил. Понятно?

Саларианец шумно сглотнул. Словно лишившись дара речи, он лишь быстро кивнул.

— Приберите тут все, — добавила Ария, направляясь к выходу. — И, во имя Богини, прикройте кто-нибудь Лизелль.

Глава 6

Сознание постепенно возвращалось к Грейсону. Еще довольно долго он плавал на границе между сном и явью, пока физические ощущения не начали пробиваться сквозь наркотический мрак.

Во рту пересохло. Он хотел сглотнуть, но его иссушенное горло отозвалось болезненным, отрывистым кашлем, и он чуть не подавился своим распухшим языком. Попытавшись приподнять дрожащие веки, он тут же зажмурился, потому что в глаза ему ударил обжигающий свет.

Даже с закрытыми глазами он ощущал яркое сияние, нестерпимо давящее на него. Он попытался повернуться на бок, чтобы заслониться от него, но обнаружил, что не может двигаться.

Укол адреналина унес прочь остатки снотворного, и ощущения лавиной обрушились на него. Он был голым и лежал на спине на холодной, твердой поверхности. Его руки были зафиксированы толстыми ремнями на локтях и запястьях. Ноги сковывали такие же ремни на коленях и лодыжках. Еще три полосы — поперек бедер, живота и груди — довершали картину.

Он снова открыл глаза, сощурившись, чтобы пропускать как можно меньше света. Он

попытался повернуть голову, чтобы понять, где находится, но и голова тоже оказалась зафиксирована. Ремень, проходящий под подбородком, держал челюсти плотно сжатыми — он не мог даже открыть рот и позвать на помощь.

«На этот раз тебе не сбежать. "Цербер" будет делать с тобой все, что захочет».

Его захлестнула волна паники, он начал бешено биться в своих оковах, корчась и изгибаясь в пустой попытке хоть на дюйм сдвинуть державшие его ремни.

— Так ты только навредишь себе, — произнес голос где-то сбоку от него.

Ослепляющий свет потух, Грейсон смог полностью открыть глаза и увидел Призрака, склонившегося над ним. Он был одет в свой привычный наряд: дорогой черный пиджак и белая модельная рубашка с расстегнутой верхней пуговицей.

— Лизелль? — попытался спросить Грейсон, но из-за ремня, удерживавшего челюсть, у него получилось лишь нечленораздельно мычание.

— Довольно скоро ты получишь ответы, — заверил его Призрак, выпрямляясь, хотя трудно было сказать, понял ли он, что пытался произнести пленник.

После того, как Призрак перестал загораживать ему обзор, Грейсон смог разглядеть большую лампу, приделанную к потолку прямо над ним, точно такую же, какие бывают в операционных. Сейчас она была выключена, но он понял, откуда шел тот непереносимо яркий свет.

Они были не одни в комнате. Он слышал звуки движения других людей, а также низкий электрический гул каких-то машин.

Он начал вращать глазами из стороны в сторону, пытаясь уловить как можно больше деталей, прежде чем они снова включают свет. Краем периферического зрения он увидел достаточно, чтобы понять, что его держат в какой-то больнице или лаборатории. Человек в длинном белом халате прошел мимо справа от него, направляясь к ряду мониторов.

Призрак стоял слева, загораживая большую часть этого направления. Но ему удалось ухватить неясный образ чего-то, похожего на необычные и пугающие части медицинского оборудования у него за плечом. И в этот момент ослепляющий свет вспыхнул снова, заставив его зажмуриться опять.

— Давненько мы с тобой не виделись, — сказал Призрак.

С закрытыми глазами Грейсону оставалось лишь вслушиваться в голос своего врага. Тот говорил спокойно, почти безразлично. Но Грейсон знал Призрака достаточно хорошо и не попался на уловку.

— Тебе, наверное, интересно, что стало с твоей азари, — продолжал Призрак. — Она мертва, конечно же. Быстро и безболезненно, если тебе от этого легче.

«Нет, не легче, больной ты сукин сын!»

Грейсон сосредоточился на своем дыхании, стараясь дышать медленно и ровно. Что бы ни случилось с ним, он не собирался давать Призраку удовольствие видеть его страх, горе или бессильную злобу.

— Ты, наверное, также беспокоишься о Кали Сандерс, — добавил Призрак после долгой паузы.

«Ублюдок наблюдает за твоей реакцией. Играет с тобой. Просто лежи. Не двигайся. Не давай ему никаких зацепок».

Он ощущал присутствие других людей в комнате — врачей или ученых, скорее всего. Он слышал шаги, щелчки переключателей и мягкие сигналы компьютерных пультов. Краем уха он уловил обрывки перешептываний, но голоса были слишком приглушенными, чтобы он мог что-то понять.

— С Кали мы ничего не сделали, — наконец признал Призрак, поняв, что Грейсон не порадуется его реакцией. — И не станем делать. В наших планах она не играет никакой роли, а я не стану без веской причины убивать другого человека.

«Да ты просто настоящий рыцарь».

— Именно поэтому мы поместили тебя сюда. Вот почему я сохранил тебе жизнь. Не для того, чтобы пытать тебя. Не для того, чтобы утолить мою жажду мести... хотя, не стану

отрицать, мне хотелось бы этого. Я же всего лишь человек, в конце концов.

Призрак рассмеялся и похлопал Грейсона рукой по плечу, словно отец, дающий своему сыну практический совет.

— Человечеству нужен герой — а возможно и мученик. Это не та роль, на которую люди готовы идти добровольно. Но это то, что должно быть сделано.

Свет над головой снова потух, и Грейсон открыл глаза, увидев, что над ним склонилась одна из ученых. Ее лицо совершенно ничего не выражало — на нем не было ни удовольствия, ни сочувствия, когда она протянула руку и прикрепила пару электродов к его вискам.

Она отступила назад, и Призрак еще раз наклонился к нему. Его лицо оказалось в считанных дюймах от лица Грейсона.

— Выживание нашего вида зависит от этого. И я избрал тебя для этой... чести.

Тень улыбки, жестокой и коварной, промелькнула по чертам Призрака. Грейсон разжал губы и попытался сквозь зубы плюнуть в лицо мучителю. Но во рту у него было слишком сухо, и ему удалось выдавить из себя лишь шипение воздуха.

Призрак выпрямился, и свет вспыхнул снова, заставив Грейсона еще раз плотно закрыть глаза.

«Прекрати играть в его игры. Если свет снова погаснет, держи свои чертовы глаза закрытыми».

Он услышал острый щелчок крышки металлического футляра и звук зажигалки, который ни с чем нельзя было перепутать, за ним последовал долгий вдох — это Призрак закурил сигарету.

— Я знаю, что ты ненавидишь меня, Грейсон, — продолжал Призрак, каким-то образом умудряясь придать своему голосу обиду. — Но я не ненавижу тебя. Именно поэтому я сейчас объясню тебе, чем мы занимаемся. По крайней мере, ты сможешь оценить свой вклад в спасение нашей расы.

Ты когда-нибудь слышал о Жнецах?

Вопрос повис в воздухе. Сигаретный дым просочился в ноздри Грейсона и начал щекотать горло, от чего он снова закашлялся.

Свет над головой потух, но Грейсон не купился снова на ту же уловку. Он приготовился получить сильную пощечину за свое неповиновение, или, может, ожог от сигареты Призрака.

Когда ничего этого не произошло, Грейсон понял, что его врагу вовсе не требовались столь грубые методы. Призрак имел над ним абсолютную власть, и они оба знали это. Банальные пытки лишь опошлили бы ситуацию, принизили бы Призрака, превратив его из всемогущего бога в жалкого тирана.

— Нет, конечно же, ты о них не слышал, — продолжал Призрак. — Это знание было похоронено из-за опасности возникновения паники. Но я знаю, что ты знаком с Коллекционерами, по крайней мере, слышан о них.

Грейсон никогда не видел Коллекционера своими глазами, но слышал массу историй. Эта затворническая раса насекомоподобных гуманоидов, как считалось, происходила с некоей планеты, лежащей где-то позади ретранслятора «Омега-4» в Граничных Системах. Жители Омеги говорили о них со страхом и даже почтением, утверждая, что Коллекционеры предлагают огромные вознаграждения в обмен на очень необычные, часто странные, запросы.

Их желания всегда подразумевали получение живых жертв, но они были не просто обычными работоторговцами. Им подходили только те, кто удовлетворял очень точным параметрам: мать салиарианского клана с разноцветными глазами или чистокровная азари в возрасте от 200 до 300 лет.

Жители Омеги считали возможность заключить сделку с Коллекционерами сродни выигрышу в лотерею: эти редкие случаи делали сказочно богатым любого, кто оказывался достаточно сообразительным, чтобы не упустить их. Немногие из этих счастливицков

задумывались о судьбе тех, кого забирали с собой Коллекционеры.

Большинство верило, что Коллекционеры используют своих жертв в качестве подопытных в генетических экспериментах. Но никто не мог сказать наверняка — любое судно, не принадлежащее Коллекционерам, навсегда исчезало при попытке пройти через ретранслятор «Омега-4».

Несколько лет назад, если верить слухам, Коллекционеры начали проявлять особый интерес к людям. самого Грейсона едва не продали им, после того как его предал Пэл, его бывший напарник. Ему повезло, и он сумел сбежать до того, как прибыли Коллекционеры, а Пэл погиб во время его бегства.

«В этот раз тебе так не повезет. Призрак заключил сделку с Коллекционерами. Они дадут ему какую-то новую технологию в обмен на тебя».

На первый взгляд это казалось логичным, но Грейсон быстро понял, почему это не имело смысла. Призрак никогда бы не согласился отдать человека для экспериментов загадочным инопланетянам, которые бы таким образом смогли выявить уязвимости всего их вида. Это противоречило всему, за что боролся и во что верил «Цербер».

— Коллекционеры были агентами Жнецов, — объяснил Призрак. — Раса рабов в полном подчинении у своих хозяев. Все, что они делали, каждая необычная сделка, которую они предлагали — все это делалось в соответствии с приказами Жнецов.

Вот кто наши настоящие враги. Раса синтетических существ — машин, — которая хочет уничтожить или поработить всю органическую жизнь. И теперь они избрали своей целью человечество.

Он остановился, ожидая хоть какой-то реакции от Грейсона. Казалось, он почти забыл, что это была односторонняя беседа, а его слушатель связан и лишен возможности говорить.

— Нам нужно изучать Жнецов. Нужно узнать больше об их сильных и слабых сторонах, чтобы мы могли противостоять им. И ты дашь нам такую возможность.

— Мы готовы начать.

Женский голос прозвучал откуда-то справа. С закрытыми глазами он не мог быть уверен, но предположил, что это та же женщина, которую он видел до этого.

Раздался тонкий пронзительный рев мощной машины, набирающей обороты, и несколькими секундами позже мир Грейсона взорвался ослепляющей вспышкой, когда через его тело прошел мощный разряд электрического тока. Мышцы скрутило в конвульсиях, спина выгнулась дугой, а руки и ноги так сильно натянули удерживающие их ремни, что те врезались в кожу, оставляя кровавые следы.

Удары током внезапно прекратились, и Грейсон упал обратно. Каждый нерв в его теле продолжал гореть, будто бы с него содрали кожу, обнажив мышцы и жилы. Но, несмотря на кошмарную боль, он лежал абсолютно неподвижно. Он был не в состоянии даже кричать — полностью парализованный, но в то же время остающийся в сознании.

— Нам придется как можно точнее продублировать то, что делали Коллекционеры, — объяснял Призрак. — Боюсь, для тебя это будет... неприятно.

Он почувствовал на своих веках пальцы, открывающие его глаза. Не имея возможности контролировать свои мышцы, он был вынужден смотреть прямо в мучительное сияние лампы. Силуэт женщины на мгновение заслонил свет, когда она наклонилась над ним, чтобы снять ремень с подбородка. Она открыла ему рот и вставила в горло длинную гибкую трубку, а затем отошла назад, снова подставив его глаза под ослепительный свет.

— Коллекционеры имплантировали своим жертвам некие кибернетические устройства Жнецов. Это позволяло Жнецам поддерживать связь с ними и, в конечном счете, поработать органическое существо, даже находясь на другом конце галактики.

Трубка в горле Грейсона начала пульсировать, когда по ней потекла какая-то вязкая жидкость прямо ему в желудок.

— Их технология невероятна, — продолжал Призрак. — Ты знаком с запутанностью квантовых состояний? Нет, вряд ли. Это очень сложная область науки.

Говоря простым языком, во вселенной существуют частицы, которые делят друг с

другом определенные дополнительные свойства. Если одна имеет положительный заряд, другая будет иметь отрицательный заряд. Если изменить заряд одной из частиц, то вторая тоже изменит свой заряд, мгновенно, даже если расстояние между ними будет составлять тысячи световых лет.

Человечество изучило этот феномен в течение XXI века, но стоимость обнаружения и создания таких частиц оказалась просто астрономической. В конце концов, данное направление забросили, посчитав невыгодным.

Но технология Жнецов, которую мы взяли у Коллекционеров, гораздо более совершенна. Они совместили связанные частицы с самовоспроизводящейся нанотехнологией, что позволило им заражать, трансформировать и подчинять себе органических существ, даже когда сами Жнецы оставались заключенным в ловушке в темном пространстве.

Кто-то отклеил электроды с головы Грейсона; он почувствовал, как они тянут за собой кожу при снятии. Затем он ощутил острый укол толстых игл у каждого виска. Он почувствовал нестерпимое давление, когда иглы начали сверлить кожу, проникая сквозь череп, и, наконец, углубились в его мозг.

— Сейчас тебе имплантируют самовоспроизводящиеся наниды. Их число в твоём теле начнет экспоненциально возрастать, по мере того как они будут прикрепляться к твоим нейронам и клеткам. В конце концов, они распространятся по всему телу, превращая тебя в орудие Жнецов. Затем ты станешь гибридом синтетического и органического существа, подобного которому не в состоянии создать ни одна раса Совета.

Нам нужно изучить процесс преобразования. Понять его, чтобы мы смогли защититься от этой инопланетной технологии. Это наш единственный шанс выжить в борьбе со Жнецами.

Грейсон слышал слова, но больше не понимал их смысл. Его сознание разрывалось на части. Он чувствовал, как наниды распространяются по его голове: чужеродные паразиты, опутывающие своими щупальцами сами его мысли и его личность, выжимая из них все соки, до тех пор, пока те не начали исчезать.

— У него шок, — выкрикнула доктор Нури. — Остановите процесс!

Призрак бесстрастно сидел на стуле, а ученые в спешке отключали оборудование. Он молча ждал, пока доктор Нури проверяла жизненные показатели Грейсона.

— Все в порядке, — доложила она, спустя несколько напряженных минут. — Необратимых повреждений нет.

— Что произошло?

— Для него это слишком. Его разум не справился, и он отключился.

— Вы чересчур быстро начали.

— Мы знали, что первичная имплантация окажется болезненной, — напомнила она боссу.

— Я предупреждал вас, чтоб вы были осторожнее с расчетами, — напомнил он ей. — Мы не можем допустить ни одной ошибки. Технология Жнецов слишком сильна.

— У нас нет базиса, — ответила она, защищаясь. — Никаких данных, на основании которых можно было бы провести экстраполяцию. Все это чисто теоретические заключения. Никто еще никогда не делал ничего даже близко похожего на это!

— Вот почему мы должны проявлять крайнюю осторожность.

Пристыженная, доктор Нури ответила:

— Конечно. Простите меня. Этого больше не повторится.

— Вы сказали, что необратимых повреждений нет? — спросил Призрак, удовлетворенный тем, что его поняли.

— Ему следует отдохнуть пару дней. После этого мы сможем продолжить.

Призрак кивнул.

— Заприте комнату, но не отключайте его от мониторов. Я хочу, чтобы за ним постоянно наблюдали.

Он поднялся, собираясь уходить.

— Мы перешли на вторую стадию проекта, — напомнил он доктору. — Этот подопытный больше не человек. Теперь он нечто чужеродное. Нечто опасное.

Если вы обнаружите что-то необычное или неожиданное — если у вас возникнет хоть какое-то сомнение или неясность — сразу же уничтожьте его. Я, скорее, готов смириться с провалом всего проекта, чем с тем, что это созданное нами существо вырвется на волю. Я выразился достаточно ясно?

Кай Ленг шагнул вперед из полумрака, откуда он молча наблюдал за экспериментом.

— Я понял, — заверил он Призрака. — Грейсон никогда не покинет этот комплекс живым.

Глава 7

Адмирал Дэвид Андерсон оставался, прежде всего, солдатом. Он понимал истинное значение таких слов, как честь, долг и самоотверженность. На протяжении 25 лет он служил Альянсу без вопросов и раздумий, отказавшись от возможности любить и иметь семью ради защиты человечества, боровшегося за место в галактическом сообществе. За свою службу он провел множество дней на забытых богом планетах. Сражался в стольких сражениях, что уже не мог их сосчитать. Рисковал своей жизнью бесчисленное число раз без малейшего колебания.

Какая бы ни стояла перед ним задача, каково бы ни было его поручение, он всегда выполнял приказы точно и четко, ни на что не жалуясь. Но еще один обед в компании посла элкоров, бубнящего про своего коллегу волуса, совершенно точно сломал бы старого солдата.

— Со всей откровенностью, — произнес Калин в тягучем стиле, свойственном его расе, подходя к столу Андерсона, — рад видеть вас здесь.

Элкоры были массивными, крупными существами с планеты Декунна, отличающейся высокой гравитацией. Они использовали длинные передние конечности, чтобы поддерживать свое массивное туловище, опирающееся на короткие ноги, что делало их похожих на серокожих горилл, передвигающихся на всех четырех ногах. В таком положении их рост составлял около восьми футов в холке. У них не было шеи; большая плоская голова Калина казалась вдавленной в плечи.

Хотя Андерсон формально до сих пор оставался военным адмиралом, он уже несколько лет не видел настоящей службы. После реструктуризации Совета Цитадели он стал одним из важнейших политических представителей человечества — это была «награда» за все эти годы преданной службы.

На протяжении последних нескольких месяцев они с Калином участвовали в ряде торговых переговоров между Альянсом, элкорами, волусами и турианцами. Во всех этих разговорах Андерсон являлся не более чем номинальным лидером; на Альянс работало множество настоящих политиков, в обязанности которых входило ведение сложных переговоров. Но это не мешало Калину завязывать с ним беседу, когда они сталкивались вне официальных собраний.

Всякий раз, когда Андерсон покидал свой кабинет в Президиуме и спускался в гостиную пообедать, элкорский посол возникал на горизонте и медленно, но неотвратно направлялся к его столу. Присоединившись к Андерсону, он моментально начинал жаловаться на посла волусов.

— Без преувеличения, — сказал элкор, сразу переходя к сути, как только устроился на противоположном конце стола Андерсона, — Дин Корлак самый грубый из всех, с кем я когда-либо встречался.

— Я знаю, — произнес Андерсон сквозь стиснутые зубы, отправив в рот очередную ложку еды. — Вы мне об этом говорили. Много раз.

Как следствие эволюции в условиях очень высокой гравитации, элкоры двигались — и

говорили — с ужасающей медлительностью, которая просто сводила Андерсона с ума. Выслушивание жалоб Калина было равносильно включению диктофонной записи на одной четверти полной скорости.

Этот кошмар дополнялся тем, что элкоры понятия не имели, как использовать интонации и оттенки речи. В разговорах со своими сородичами для передачи смысла и подтекста речи они полагались на едва заметные жесты и инфразвуки, неразличимые людьми. К сожалению, эти тонкости не распознавались универсальными переводчиками, которые представители различных рас Цитадели использовали для общения друг с другом. В результате, что бы ни говорил элкор, его фразы неизбежно превращались в плоскую, монотонную речь, лишенную каких бы то ни было чувств.

Хуже того, их лица практически ничего не выражали. Маленькие, широко поставленные глаза и вертикальные складки кожи, служившие им ртом, не передавали никаких видимых эмоций, что делало практически невозможным чтение настроения по их лицам.

— Искренние извинения, — пробубнил Калин в ответ на замечание Андерсона. — В мои намерения не входило раздражать вас.

Андерсон закусил губу и решил более тщательно обдумывать свои слова. Даже безо всяких намеков было ясно, что он обидел своего собеседника. И хотя он не понимал всех сложностей переговоров, но знал, что элкоры нужны им в качестве союзников.

У волусов и турианцев сложились давние традиции сотрудничества; столетия назад народ Дина Корлака обратился с просьбой о военной поддержке к турианцам в обмен на льготные экономические условия. Если Альянс хотел добиться какого-то успеха в переговорах, им нужна была полная поддержка народа Калина.

— Дело не в вас, — солгал Андерсон. — Просто эти переговоры утомили меня.

— Понимаю, — ответил элкор. — Наша работа может быть очень напряженной.

«Это преуменьшение века», — подумал Андерсон.

Он был человеком, привыкшим действовать, а не играть словами. Он предпочитал выработать план и воплощать его в жизнь. Но в мире политики ничто не давалось столь просто. Среди послов и членов Совета он ощущал себя не в своей тарелке, чувствовал, что его засасывает в бюрократическое болото.

Калин принял извинения Андерсона, но было невозможно понять, чувствовал ли он еще обиду. Пытаясь сгладить непростую ситуацию, адмирал решил высказать собственное мнение о после волусов.

— Мне, наверное, не следует говорить этого, — сказал он, — но я разделяю ваше мнение о Дине Корлаке. Он заносчивый, самозванный нытик.

— Шутливое замечание, — ответил Элкор, — я рад, что вы не сидите с ним в одном кабинете.

Это была классическая военная уловка: укрепить союз, сосредоточившись на общем враге. Андерсон с облегчением отметил, что хотя бы что-то из того, что выучил, будучи солдатом, можно применить в его нынешнем положении.

— В следующий раз, когда этот колобок прервет одну из наших бесед, — сообщил он Калину с ухмылкой, — я дам ему такого пинка, что он вылетит в коридор.

— Шок и ужас, — ответил элкор, его монотонные слова выражали эмоциональное состояние, которое совершенно не вязалось с его внешним видом и поведением. — Насилие это не аргумент.

— Я не всерьез, — быстро объяснил Андерсон. — Это была шутка.

Все 25 лет службы он умудрялся с честью выходить из непростых ситуаций, но в роли политика он не мог даже пообедать, чтобы не оказаться в неловком положении.

— У людей странное чувство юмора, — ответил элкор.

Оставшуюся часть обеда они провели в молчании.

Возвращаясь в свой кабинет, Андерсон всерьез размышлял об отставке. Ему было всего 49 лет; благодаря достижениям в науке и медицине, в его распоряжении было еще как

минимум двадцать лет, прежде чем возраст начнет хоть столько-то заметно заявлять о себе в физическом плане. Умственно же, он уже чувствовал себя полностью истощенным.

Это было нетрудно объяснить. Будучи солдатом, он всегда понимал смысл того, что делал. В качестве политика он пребывал в постоянном разочаровании от того, что не мог ничего предпринять. По сути, он чувствовал, что вносит какое-то разнообразие в жизнь только тогда, когда что-то шло не так... как, например, сегодня с Калином.

— Как прошел обед, адмирал? — спросила его Сериз, секретарь посольства Земли, когда он вошел в здание.

— Надо было остаться в кабинете, — проворчал он.

— Хорошо, что не остались, — поправила она его. — Дин Корлак и Ориния искали вас.

Андерсон не жалел, что не смог встретиться с послом волусов, но от разговора с Оринией он бы не отказался. Коллега Андерсона по торговым переговорам от турианцев когда-то была генералом. И хотя они находились по разные стороны конфликта во время Войны первого контакта, их объединял схожий набор воинских ценностей: дисциплина, честь, долг и едва скрываемое презрение к той политической кухне, с которой они вынуждены были иметь дело сейчас.

— Вы знаете, чего они хотели?

— Думаю, Дин хотел подать официальную жалобу на некое замечание, которое высказал один из ваших помощников во время прошлого заседания.

— Вы так думаете?

— Когда выяснилось, что вас здесь нет, Ориния сумела отговорить его от этого.

Андерсон кивнул, уверенный, что Дин все равно устроит ему за это разнос во время следующего раунда переговоров.

— Да, вот что, — сказал он, пытаясь казаться равнодушным. — Наверное, будет неплохо, если мы пошлем официальное приглашение делегации элкоров присоединиться к нам здесь, в посольстве после сегодняшних переговоров.

— В чем дело? — спросила Сериз с внезапным удивлением. — Что вы такого сделали?

«А она сообразительна. Ничего от нее не утаишь».

— Мне кажется, я пытался пошутить и обидел Калина.

— Я не знала, что у элкоров есть чувство юмора.

— Определенно, нет.

— Не беспокойтесь, — заверила его девушка. — Я все улажу.

Испытывая чувство благодарности, Андерсон вошел в лифт. Оставалось еще полчаса до совещания с помощниками, запланированного для подготовки к сегодняшним переговорам. Он собирался провести это время в одиночестве, просто наслаждаясь столь необходимыми ему покоем и тишиной.

Когда он увидел мигающий сигнал на терминале экстранета, говоривший о том, что его ожидает входящее сообщение, он едва не схватил его и не выбросил в окно. Сначала он хотел проигнорировать его — он уже мысленно составил список из десятка человек, от которых могло поступить это сообщение, и ни с кем из них он не желал общаться. Но, в конце концов, его солдатская выучка не позволила ему отлынивать от служебных обязанностей. Он вошел в сеть, понунив голову в смирении.

— Дэвид, мне нужно как можно скорее увидеть тебя.

Он резко поднял голову от удивления, узнав голос Кали Сандерс.

— Дело важное. Не терпит отлагательств.

Он не говорил с ней со дня похорон Гриссома. Да и тогда они лишь обменялись парой любезностей, тщательно избегая любых упоминаний об их совместных приключениях двадцать лет тому назад.

— Я на Цитедели. Не могу сказать, где именно. Пожалуйста, свяжись со мной, как только прослушаешь это.

Еще до того, как закончилось сообщение, он уже отправлял ответ. Кали была не из тех, кто беспокоится по пустякам и раздувает из мухи слона. Если она говорит, что дело срочное,

значит, случилось что-то действительно очень серьезное.

Она приняла вызов мгновенно, ее лицо появилось на экране.

— Дэвид? Слава богу.

Он с облегчением отметил, что она не ранена, но по выражению ее лица было нетрудно догадаться, что она расстроена.

— Я только что вернулся к себе, — сказал он, извиняясь за то, что заставил ее ждать.

— Эта линия защищена от прослушивания?

Андерсон покачал головой:

— Не совсем. Стандартные дипломатические протоколы. Взломать легко.

— Нам нужно встретиться.

Повисла долгая пауза, и Андерсон понял, что она не хочет вслух называть место, боясь, что кто-то может подслушивать их разговор.

— Помнишь, где мы с тобой попрощались после того доклада Сарена по операции на Камале?

— Хорошая мысль. Я могу быть там через двадцать минут.

— Дай мне полчаса, — ответил он. — Я должен убедиться, что за мной не следят.

Она кивнула.

— Дэвид? Спасибо тебе. Я не знала, к кому еще обратиться.

— Все будет в порядке, — сказал он, пытаясь подбодрить ее... хотя он не мог даже предположить, в чем могла быть причина ее расстройства.

Звонок разъединился. Андерсон поднялся из-за стола, запер кабинет и спустился обратно вниз.

— Мне нужно уйти, Сериз, — сказал он секретарю по пути наружу. Вспомнив озабоченное лицо Кали, он добавил. — Меня не будет в течение нескольких дней.

— А что с торговыми переговорами? — спросила она, застигнутая врасплох его внезапным уходом.

— Удина займет мое место.

— Это его совсем не обрадует, — предупредила Сериз.

— Его ничто никогда не радует.

Андерсон проехал на трех поездах монорельса и двух такси, перемещаясь между четырьмя различными уровнями Цитадели, чтобы убедиться, что за ним не следят. Он не знал, чего боялась Кали, но меньше всего он хотел оказаться беспечным и привести тех, от кого она скрывалась, прямо к ней.

Убедившись, что за ним никто не следит, он вернулся обратно в Президиум. Помимо посольств всех рас, составляющих Пространство Цитадели, во внутреннем кольце станции также располагался живописный парк. Травы, деревья, цветы, птицы и насекомые из десятков различных миров были тщательно отобраны и подготовлены к сосуществованию в этом цветущем раю, где дипломаты, послы и прочие чиновники могли найти отдых от стрессов и тягот правительственной работы.

В центре парка располагалось мерцающее слабым светом озеро. Двадцать лет назад он встречался с Кали здесь, на берегу озера, всего через несколько минут после того, как стало известно, что его кандидатура на вступление в ряды Спектров была отклонена из-за доклада Сарена Артериуса.

Андерсон не считал себя мстительным человеком, но все же не мог не почувствовать удовлетворения, узнав, что турианец, лишивший его возможности стать первым человеком-Спектром, в конечном итоге был объявлен предателем.

Он прошел по траве к краю озера. Кали не было видно. Понимая, что она, наверняка прячется где-то поблизости в укромном месте, он сел, снял ботинки и носки и опустил ступни в воду. Автоматика поддерживала температуру воды как раз на освежающем уровне.

Несколько минут спустя рядом с ним опустилась на землю Кали.

— Надо было убедиться, что ты один, — объяснила она.

— Ты велела мне никому не говорить.

— Знаю. Извини. Я становлюсь параноиком.

— Если кто-то на самом деле охотится за тобой, то это не паранойя.

Вблизи она выглядела еще более нервной, чем на дисплее терминала. Она сидела, прижав колени к груди, и бросала по сторонам осторожные взгляды, низко опустив голову.

— Так ты только привлекаешь к себе внимание, — предупредил он. — Расслабься. Попробуй вести себя, как будто ничего не происходит.

Она кивнула, аккуратно сняла обувь и придвинулась вплотную к нему, опуская ноги в воду. Андерсон понимал, что она приблизилась к нему, только чтобы они могли говорить шепотом, но все же, ее движение расшевелило в нем старые чувства к ней.

«Та, что когда-то ушла. Но сейчас она вернулась».

Он ждал, пока она заговорит, но прошло несколько минут молчания, и он понял, что ему придется самому делать первый шаг.

— Кали? Расскажи, почему ты здесь.

Он внимательно выслушал ее рассказ о Джиллиан, Грейсоне и «Цербере». Он пытался ничем не выдать себя, сохраняя лицо и позу спокойными, как ради нее самой, так и для того, чтобы избежать ненужного внимания других людей. Когда она закончила, он сделал глубокий вдох, а затем медленно, облегченно выдохнул, обдумывая все, что она сказала.

— Ты говоришь, Грейсон был с «Цербером». Ты уверена, что он до сих пор не работает на них?

— Нет, не работает, — ответила она с полной уверенностью. — Он в бегах вот уже два года.

— И ты уверена, что это именно они нашли его?

— Уверена.

— И ты боишься, что теперь они придут за тобой?

— Возможно. Но я пришла к тебе не поэтому. Грейсон мой друг. Ему нужна моя помощь.

Поначалу Андерсон ничего не ответил ей. Он имел куда больший опыт общения с «Цербером», чем полагала Кали. Например, он знал, что недавно «Цербер» объединил силы с командером Шепардом, чтобы остановить похищения земных колонистов Коллекционерами в Граничных Системах. Но он также знал, что это был временный вынужденный союз; Призрак всего лишь использовал Шепарда, точно так же, как он использовал всех остальных. А когда «Церберу» больше не требовались чьи-то услуги, этот бедняга обычно оказывался мертвым.

— Ты понимаешь, что для твоего друга может быть уже слишком поздно? — осторожно спросил он.

— Я знаю, — признала она едва слышным шепотом.

— Но даже если он уже мертв, я все равно хочу наказать этих ублюдков, — добавила она уже громче. — Это мой долг перед ним.

— Альянс пытается одолеть «Цербер» вот уже тридцать лет, — напомнил он. — И пока что мы не очень-то в этом преуспели.

— Он послал мне файл, — сказала она, бросая быстрый взгляд через плечо, будто ожидала увидеть Призрака собственной персоной, стоящего за ее спиной. — Имена агентов. Секретные базы и точки для встреч. Банковские счета и корпоративные финансовые отчеты. Все, что нужно.

— Я хочу помочь тебе, Кали. Очень хочу. Но все не так просто. Даже если это верная информация, мы не сможем пустить ее в ход втайне от «Цербера».

У них есть люди в нашем правительстве. В вооруженных силах. Может, Грейсон и дал тебе список тех агентов, о которых он знал, но что насчет всех тех подручных Призрака, о которых он даже не подозревал?

Призрак умен. У него должен быть страховочный план на случай чего-то подобного. Мы начнем арестовывать людей или готовиться к налету на их базы, а он будет знать об этом чуть ли не раньше нас самих.

Если повезет, мы захватим нескольких мелких оперативников. Но нам ни за что не подобраться к кому-то крупному. А если Грейсон все еще жив, мы можем просто напугать их, и они убьют его.

— Ты хочешь сказать, что ничего не можешь сделать? — Ее голос резко повысился к концу фразы — гнев и отчаяние прорвались наружу.

— Если ты останешься здесь, на Цитадели, я смогу обеспечить твою безопасность, — заверил он ее. — Я лично отберу четыре-пять солдат, которым доверяю, для твоей охраны.

— Этого недостаточно, — сказала она, тряхнув головой в упрямом неповиновении, которое он не забыл даже спустя двадцать лет. — Я не собираюсь прожить остаток жизни, прячась от «Цербера». И я не брошу Грейсона. Должен же быть способ добраться до Призрака.

— Может быть, способ и есть, — воскликнул Андерсон в неожиданном озарении.

Идеальным решением было бы позвать на помощь Шепарда, но такой вариант не подходил. Коммандер работал сам по себе, выполняя бог знает какие задания, бог знает где. Но был и еще один вариант.

Он вскочил на ноги и протянул Кали руку, помогая встать.

— Ты знаешь место, где мы могли бы безопасно подождать несколько часов?

— Я сняла квартиру в Кварталах, — ответила она, ее глаза неожиданно зажглись огнем надежды. — Что? У тебя есть план?

— Альянс не поможет нам. Но я знаю кое-кого, кто сможет помочь.

— Нам нужно увидеть посла Оринию, — сказал Андерсон секретарю-турианцу. — Дело срочное.

Он узнал молодого турианца за столом, хотя не мог припомнить его имени. К счастью, турианец тоже узнал его.

— Я доложу ей, что вы здесь, адмирал, — сказал он, отправляя сообщение со своего терминала.

Был уже поздний вечер, и большинство кабинетов посольства были пусты. Но Андерсон знал, что посол турианцев работает допоздна.

— Проходите, — сказал секретарь, хотя Андерсон заметил, как тот бросил на Кали взгляд, который у турианцев мог считаться подозрительным.

Кабинет Оринии был меньше, чем у Андерсона — и неудивительно, ведь она занимала куда более низкое положение в служебной иерархии Цитадели. Как и его собственный, ее кабинет являл собой в плане оформления образец скупой функциональности. Стол и три стула — один для посла, еще два для посетителей — составляли всю мебель. По стенам развешаны три флага. На самом большом красовалась эмблема Турианской Иерархии. Следующий представлял колонию, где родилась Ориния; его цвета совпадали с раскраской щитков ее черепа. Третий был флагом легиона, в котором она служила в годы своей военной карьеры. Единственный ужасно запущенный и неухоженный цветок стоял на балконе. Если бы спросили у Андерсона, то он предположил бы, что это растение ей кто-то подарил.

Ориния встречала их стоя. Сообщение секретаря предупредило ее, и она не выразила никакого удивления по поводу присутствия Кали.

— Жаль, что вы пропустили сегодняшние переговоры, — сказала она, протягивая руку. — Неужели Дин Корлак настолько надоел вам?

Андерсон пропустил мимо ушей шутку, пожимая руку посла. Как обычно, рукопожатие вышло неуклюжим и неловким. Ориния с готовностью переняла и использовала этот дружественный жест при общении с людьми, но ей еще нужно было долго оттачивать технику.

— Это Кали Сандерс, — сказал он вместо приветствия.

— Добро пожаловать, — произнесла посол, хотя руки не протянула.

Андерсон не мог точно сказать, почувствовала ли Ориния его реакцию на рукопожатие

и решила не повторять попытку, или же в глазах турианки Кали почему-то казалась недостойной этого жеста.

«Ты бы понимал все это, если бы хорошо делал свою работу».

— Как я понимаю, это дружеский визит, — сказала посол, переходя к сути. — Присаживайтесь и расскажите, в чем дело.

Как и договаривались ранее, Кали и Андерсон оба не стали садиться, чтобы подчеркнуть срочность встречи. Глядя на них, Ориния тоже осталась на ногах.

— Я хочу попросить об одолжении, — сказал Андерсон. — Как солдат солдата.

— Мы больше не солдаты, — осторожно ответила турианка. — Мы дипломаты.

— Я надеюсь, что это не так. С этим делом я не могу идти официальным дипломатическим путем. Никто в Альянсе не должен знать, что я приходил сюда.

— Это крайне необычно, — ответила она.

Он почувствовал подозрительность и сомнение в ее голосе. Но она не дала ему прямого отказа.

— Вы знакомы с «Цербером»?

— Про-человеческая террористическая группировка, — резко ответила она. — Они хотят уничтожить нас, вместе со всеми остальными расами в галактике, кроме вашей.

— «Цербер» — это главная причина, почему мы сопротивлялись вхождению людей в состав Совета, — добавила она жестким голосом.

— Не судите нас по действиям криминального меньшинства, — предостерег ее Андерсон. — Вы же не хотите, чтобы всех турианцев обвиняли в том, что сделал Сарен.

— Зачем вы пришли?

Ее голос прозвучал резко; очевидно, упоминание Сарена было не лучшим способом завоевать ее доверие.

«Единственный раз в жизни ты на самом деле хочешь быть дипломатом, но портишь все самым безбожным образом».

— У нас есть информация, которая может уничтожить «Цербер», — сказала Кали, вступая в разговор. — Но нам нужна ваша помощь.

Посол наклонила голову в сторону, рассматривая людей своим птичьим глазом.

— Я слушаю...

Глава 8

Расположившись в своем частном кабинете, под охраной кроганов-телохранителей, Ария Т'Лоак наблюдала, как Санак идет в ее сторону, пробираясь через толпу «Загробной жизни».

Она досконально изучила батарианский язык тела; точно так же она могла читать движения и выражения лиц практически любого разумного существа в галактике. За долгие столетия своей жизни она научилась замечать малейшие детали, которые могли бы подсказать ей, когда собеседник врет, счастлив ли он или печален, или же — как чаще всего бывало перед лицом Королевы Пиратов — напуган. Наблюдая за Санакон, она уже знала, что он нес ей плохие новости.

В течение трех последних дней ее люди расследовали исчезновение Пола. Обычные способы дознания, принятые на Омеге — от простых бесед до жестоких допросов — не дали ничего. Никто ничего не знал о похищении или хотя бы о самом этом человеке. Он был одиночкой. Кроме как с Лизелль, он ни с кем больше не проводил время, если только дело не касалось работы.

Ее последней надеждой был его терминал экстранета. Он подвергся процедуре полной очистки, но ее эксперты уже пытались извлечь остатки информации с оптического носителя. Другая команда пробовала отследить пути входящих и исходящих сообщений с этого терминала, прочесывая пакеты данных, прошедших через ретрансляционные буи, связывавшие Омегу с галактической информационной сетью.

Стоимость расследования превышала все разумные пределы, но Ария легко могла себе это позволить. И хотя одна ее часть делала это для того, чтобы отомстить за убитого ребенка, другая, более расчетливая часть, знала, что продолжение поисков возможного предателя, не взирая ни на какие расходы, станет мощным сигналом всем остальным ее людям.

К сожалению, складывалось впечатление, что все ее усилия оказывались напрасны.

— Техники ничего не нашли, — попыталась угадать она, когда Санак подошел к платформе.

— Они нашли много всего, — мрачно ответил он.

Ария нахмурилась. В чтении языка тела была одна проблема: неопределенность. Она знала, что Санак чем-то расстроен; она не знала, чем именно.

— Что вы обнаружили?

— Его настоящее имя Пол. Когда-то он работал на «Цербер».

— «Цербер» пытается проникнуть на Омегу? — предположила она.

Батарианец покачал головой, и Ария разочарованно сдвинула брови.

— Просто расскажи, что тебе известно, — резко сказала она.

Арии всегда нравилось производить впечатление, будто она полностью владеет ситуацией. Говорили, что она всегда находится на два шага впереди конкурентов, потому что знает, что они скажут или сделают раньше их самих. Ничто не могло удивить ее, ничто не могло заставить ее врасплох. Ей не нравилось бросаться догадками, которые оказывались неверны — это портило ее имидж.

— Грейсон раньше работал на «Цербер». Затем пошел против них. Это было как-то связано с его дочерью и женщиной по имени Кали Сандерс. Мы не смогли найти его дочь. Она пропала два года назад. Но мы нашли Сандерс. Техники сказали, что Грейсон звонил ей каждые пару недель. И он послал ей сообщение в ночь исчезновения.

— Где она? — спросила Ария, подозревая, что ей не понравится то, что она услышит.

— Она работала в школе для человеческих детей-биотиков. Но она покинула ее на следующий день после исчезновения Грейсона. Мы отследили ее до Цитадели. Сейчас она под защитой адмирала Дэвида Андерсона.

Знания Арии в области политики и власти простирались далеко за пределы банд Омеги. Она узнала имя Андерсона: он был консультантом советника Доннела Удины и одним из высших дипломатических чиновников Альянса.

Королева Пиратов правила Омегой железной рукой. Ее влияние в той или иной форме распространялось по всем Граничным Системам. У нее даже были агенты, работающие внутри Пространства Цитадели. Но сама Цитадель была совершенно другим делом.

Во многих смыслах эта огромная космическая станция была зеркальным отражением Омеги: она являлась экономическим, культурным и политическим центром Пространства Цитадели. И Ария прекрасно знала, что если бы власти Цитадели узнали, что она пытается как-то вмешиваться в тамошние события, ее ждало бы неминуемое возмездие.

Официально Омега не попадала под юрисдикцию Совета. Но если бы они почувствовали, что Ария пересекла черту, если бы они решили, что она представляет угрозу стабильности в Пространстве Цитадели, они вполне могли послать по ее душу Спектра.

Спектры не были связаны законами и конвенциями, составлявшими межгалактическую политику. Никто бы не удивился, если бы один из них прилетел на Омегу и попытался убить Арию. Шансы, что он сумел бы выполнить свое задание, были невелики, но Арии удалось прожить больше тысячи лет вовсе не потому, что она подвергала себя риску. Она была терпелива и осторожна, и даже смерть ее дочери не сможет изменить этого.

— Пока ничего не предпринимайте. Но следите за развитием ситуации, — распорядилась она. — Дайте мне знать, если что-то изменится. И продолжайте искать, куда мог деться Грейсон.

Грейсон пришел в себя, обнаружив, что находится в слабо освещенной камере. Он

лежал на маленькой койке в углу. Одежда не было, но ему оно и не требовалось — несмотря на наготу, он не чувствовал холода. У одной из стен он увидел туалет, у другой — встроенный шкаф, набитый армейскими продовольственными пайками и бутылками с водой, количества которых хватило бы на несколько месяцев. Кроме этих предметов первой необходимости, комната была совершенно пуста. Ни умывальника. Ни душа. Ни даже стула.

Он не имел понятия, сколько времени пролежал без сознания. Конечности отяжелели, разум был словно в тумане. Когда он попытался сесть, острая боль пронзила его голову от макушки до челюсти. Инстинктивно он схватился за голову и тут же в удивлении отдернул руку, потому что почувствовал под пальцами голую кожу.

«Должно быть, сбрили волосы, пока ты лежал пристегнутым на том столе, — рассуждал знакомый голосок в его голове. — Наверное, для того, чтобы было удобнее засаживать эту технологию Жнецов тебе в мозг».

Те ужасы, что сделали с ним «Церберы» в лаборатории, были еще свежи в его памяти. Он помнил, как неодолимая чужеродная сила вгрызалась в его мозг. Однако сейчас он почему-то не чувствовал ее.

«Она ушла? Или просто спит?»

Ему следовало бы испугаться, даже прийти в ужас. Вместо этого, он чувствовал лишь усталость. Опустошение. Даже мысли давались с трудом; его разум обволакивал густой туман, а попытки сконцентрироваться вызывали новые вспышки боли внутри черепа. Но он должен был попытаться и составить воедино картину произошедшего.

Почему «Церберы» посадили его в камеру? Возможно, это какая-то часть эксперимента. Возможно также, что что-то пошло не так, и они прервали проект. В любом случае, он по-прежнему оставался пленником Призрака.

Его живот заурчал, и он взглянул на пакеты с едой.

«Осторожнее. Там может быть наркотик. Или яд. Или же им просто нужно, чтобы ты поел, и та штука, что они засунули тебе в мозг, начала расти».

Последней причины оказалось достаточно, чтобы он проигнорировал голод, хотя и открыл бутылку с водой и сделал длинный глоток. Он мог долго продержаться без пищи, но ему нужна была вода, чтобы оставаться в живых. А Грейсон вовсе не хотел пока расставаться с жизнью.

Несколько минут он изучал остальную часть камеры, обнаружив лишь, что там не было больше ничего интересного. Затем на него нахлынула крайняя усталость, и ему пришлось снова лечь. Прежде чем он успел понять это, он уже глубоко спал.

Грейсон не имел понятия, как долго уже провел в заточении в этой крошечной камере. Он проваливался в сон и просыпался пять или шесть раз, но это не позволяло ему понять, сколько на самом деле прошло дней. Его покинула энергия. Покинули силы. Даже попытки оставаться в сознании стоили ему колоссальных усилий.

Никто не приходил к нему. Но он знал, что они где-то рядом. Наблюдают за ним. Изучают его.

Эти ублюдки напичкали его датчиками, так чтобы иметь возможность следить за тем, что происходит у него в голове. Он чувствовал крошечные твердые бугорки под кожей, когда проводил пальцами по щетине, отрастающей на его бритом черепе. Два на макушке. Еще пара надо лбом. По одному за каждым ухом и еще один большой около шеи.

Некоторое время назад он попытался выковырять их ногтями, царапая кожу на лбу, пока не пошла кровь. Но не смог проникнуть достаточно глубоко, чтобы достать датчики.

«Или же ты просто не хочешь этого. Они трахают тебе мозг, помнишь?»

Остаток фразы, которую пытался сказать голосок, потонул в оглушающем урчании в желудке — голод разрывал на части его внутренности, будто какое-то животное, пытающееся выбраться наружу.

Наплевав на осторожность, он схватил с полки один из пайков и разорвал вакуумную упаковку. Он с жадностью проглотил все содержимое, едва не давась этой мягкой, богатой питательными веществами пастой. Он уже протянул руку за следующим пакетом, когда

желудок нещадно скрутило. Он едва сумел добраться до туалета, чтобы выплюнуть обратно все, что только что съел.

Смыв туалет, он вытер подбородок в пустой попытке привести себя в порядок, не имея под рукой ни умывальника, ни зеркала. Открыв одну из бутылок, он прополоскал горло, сплевывая в туалет, пока не пропал отвратительный привкус кислой рвоты во рту.

Следующую порцию он съел более медленно. На этот раз его желудок смог удержать еду.

По его прикидкам, прошло где-то около недели. Может, две. Вряд ли три. Сидя в клетке, невозможно отследить течение времени. Здесь нечего больше делать, кроме как есть и спать. Но когда он засыпал, ему снились сны — кошмары, содержание которых ему никогда не удавалось вспомнить целиком, но которые все равно заставляли его дрожать.

К нему по-прежнему не приходил никто из «Цербера». Но он больше не мог сказать, что он один.

Они были в его голове, шепча ему что-то, слишком тихо, чтобы он мог расслышать. Этот шепот был не похож на тот скептический саркастический голосок, который иногда вмешивался в его мысли. Этот голосок пропал. Они заглушили его навсегда.

Он пытался не обращать на них внимания, но не мог совсем заблокировать их постоянное коварное бормотание. Было в них что-то отталкивающее и притягательное одновременно. Нечто в его мозгу было одновременно и угрозой, и приглашением: это Жнецы взывали к нему сквозь безмерную пустоту космоса.

Каким-то образом он знал, что если сосредоточится на них, то сможет понять то, что они говорят. Но он не хотел понимать. Он изо всех сил старался не понимать, потому что знал, что если поймет голоса, то это станет начало конца.

С каждым часом Грейсон чувствовал, как шепотки становятся сильнее. Настойчивее. Хотя «Цербер» и имплантировал ему эту жуткую инопланетную технологию, его воля все еще принадлежала ему. Пока что он еще был в состоянии противостоять им. И собирался не подпускать их к себе столько, сколько сможет в меру своих сил.

— Мне казалось, вы сказали, что трансформация займет одну неделю, — сказал Призрак доктору Нури.

Они смотрели сверху на Грейсона через одностороннее окно в потолке его камеры. Кай Ленг притаился у стены, стоя так неподвижно, что почти растворился во мраке.

В задней части комнаты остальные ученые из команды доктора Нури следили за показателями на голографических экранах, висящих в воздухе над компьютерными терминалами. Они отслеживали и фиксировали все, что происходило в камере: дыхание Грейсона, его пульс и мозговую активность, изменения в температуре его тела и окружающего воздуха, даже мгновенные изменения электрических, гравитационных, магнитных полей и полей темной энергии в помещении.

— Вы велели мне осторожно продвигаться вперед, после того, как мы чуть не потеряли его во время имплантации, — напомнила она.

— Я лишь хочу быть уверен, что все будет под контролем.

— Расчет времени был оценочным. Наши исследования говорят о том, что процесс внушения и переназначения во многом зависит от силы воли субъекта.

— Он сопротивляется, — довольно произнес Призрак. — Борется с Жнецами.

— Я удивлена, что он продержался так долго, — признала доктор Нури. — Его упрямство и целеустремленность далеко превосходят все, что я могла ожидать. Я недооценила его в своих первичных вычислениях.

— Люди всегда его недооценивали, — ответил Призрак. — Именно это и делало его столь хорошим агентом.

— Мы могли бы попытаться и искусственным образом ускорить процесс, —

предложила Нури. — Но это исказит результаты. И может снова вызвать шок.

— Это слишком большой риск.

— Накачайте его, — предложил Кай Ленг, делая шаг вперед и вступая в дискуссию. — Тот красный песок, что мы захватили на Омеге, все еще у нас.

— Это могло бы сработать, — сказала доктор Нури, после короткого размышления. — Наши исследования показывают, что наркотики не оказывают влияния на биотехнологии Жнецов. Но могут ослабить его упрямство. Сделать его более податливым для внушения.

— Делайте, — распорядился Призрак.

Грейсон оставался неподвижным, когда услышал, как открылась дверь камеры. Он лежал на боку на койке, уставившись в стену. Он услышал шаги и попытался определить, сколько человек вошло внутрь. Похоже, что всего один, но даже если бы в комнате находился десяток вооруженных охранников, ему было все равно; он знал, что это, возможно, его единственный шанс на спасение.

Шаги остановились. Он чувствовал, что кто-то стоит рядом с кроватью, глядя на него. Он подождал еще полсекунды — ровно столько, сколько требовалось, чтобы наклониться к нему. В этот момент он бросился в бой.

Развернувшись, он выбросил вперед ногу, намереваясь опрокинуть соперника на землю. Удар так и не достиг цели.

Человек у его кровати — с китайскими чертами лица, среднего роста, но мускулистый — проворно отскочил в сторону и нанес резкий удар локтем, выворачивая колено Грейсона.

В обычной ситуации адская боль положила бы конец драке. Но Грейсоном двигало отчаяние и животный инстинкт самосохранения. Закричав от боли, он сжал пальцы в кулак и ударил врага в горло.

Этот удар тоже оказался с легкостью блокирован. Противник схватил его за запястье и вывернул руку вверх и назад, так что Грейсон слетел с койки и тяжело приземлился на пол; удар выбил воздух из его легких. На мгновение потеряв способность двигаться, он не смог помешать человеку воткнуть иглу в его руку и впрыснуть какое-то неизвестное вещество.

Человек отпустил его, и Грейсон попытался подняться на ноги. Противник нанес ему единственный удар ногой в живот, и Грейсон свалился обратно, свернувшись в дрожащий клубок.

Человек спокойно повернулся и вышел из камеры, даже не оглянувшись. Грейсон мог лишь беспомощно смотреть ему в спину. Его взгляд был прикован к уроборосу, вытатуированному на шее противника, пока за ним не закрылась дверь.

Несколько секунд спустя он почувствовал знакомое тепло, разливающееся по телу. К лицу прилила кровь, а кожу начало покалывать, когда его стала заволакивать мягкая пелена красного песка.

Когда-то Грейсон был нюхачом; он всегда вдыхал этот тонкий порошок, чтобы взлететь к небесам. Но были и те, кто кололся. Красный песок можно было превратить в раствор и впрыскивать прямо в вену, если хотелось — или требовалось — более сильной дозы.

Он свернулся в клубок и закрыл глаза, отчаянно пытаясь не поддаться происходящему. Он оставался чист на протяжении двух лет. Его тело прошло через мучительные ломки, и он боролся с мощным психологическим влечением — следствием своего пристрастия, цепляясь за память о дочери. Он изменился ради Джиллиан; не принимая, он оставался верен тому новому образу, который он себе выбрал.

И вот, все, ради чего он старался, исчезло после единственного укола. Он открыл рот, чтобы крикнуть из-за жестокой несправедливости. Вместо этого он тихо захихикал, потому что волны эйфории начали смыкаться над ним.

Он дрожал от удовольствия, чувствуя, как красный песок циркулирует по его венам; его эффект был в сотни раз ярче, чем все, что он ощущал, когда нюхал. В первые несколько

минут на него накатил приступ чистого экстаза, и ему захотелось еще. Каждая клеточка его тела наслаждалась возбуждением, вызванным концентрированным наркотиком, а сознание уже жаждало следующей дозы.

С застывшими глазами, и дурацкой улыбкой на лице он попытался встать. Вывихнутое колено посылало сигналы боли в мозг, но песок не позволял отвлекаться на это. Все еще хихикая, он свалился обратно на койку и закрыл глаза, ощущая восторженное удовлетворение.

И тут, сквозь розовую дымку он снова услышал шепотки. Но на этот раз он совершенно отчетливо понимал их.

Глава 9

Кали уже доводилось пользоваться гостеприимством инопланетной расы, спасаясь от «Цербера». Однако в отличие от прошлого пребывания во Флотилии кварианцев, в турианском посольстве ей в не нужно было постоянно носить полный защитный скафандр.

По просьбе Андерсона Ориния согласилась оставить Кали под своей защитой в посольстве, пока они готовились нанести удар по «Церберу». Если бы Кали знала, что эта защита обернется парой охранников-турианцев, день и ночь неотступно следующих за ней, и невозможностью покинуть здание посольства на протяжении вот уже почти двух недель, она бы, может, и не пошла на это.

К счастью, она нашла себе занятие. Те материалы по «Церберу», что послал ей Грейсон, оказались достаточно подробными, но далеко не полными и несколько устаревшими. Естественно, Ориния не собиралась действовать, пока все данные Грейсона не будут проверены, уточнены и сравнены с ее собственными документами.

Кали поначалу удивилась, узнав, что турианцы сами собирают досье на «Цербер». Но после размышления это оказалось не так уж и необычно. «Цербер» ставил своей целью уничтожение — или, по крайней мере, подчинение — всей внеземных рас в галактике, что делало эту организацию угрозой Турианской Иерархии. Турианцы вовсе не собирались оставаться в стороне от этой угрозы.

Материалы, собранные ими против их врагов, поражали воображение. Потребовались долгие уговоры, прежде чем Ориния разрешила Кали взглянуть на эти засекреченные документы; хотя с Войны первого контакта прошло уже тридцать лет, бывший генерал все еще хранила в сердце затаенное недоверие к людям. Но, в конце концов, гигантские объемы информации, требующей обработки, заставили ее уступить.

Кали была одним из передовых специалистов галактики в области анализа сложных данных. Двадцать лет назад она использовала свои знания, помогая доктору Чианю в его опасных исследованиях искусственного интеллекта. Она использовала их, чтобы помочь проекту «Восхождение» в создании и отладке новых биотических имплантатов, позволяющих довести до максимума потенциал учащихся Академии. Теперь же она использовала свои способности для спасения Грейсона.

В такой гибкой и закрытой организации как «Цербер» информация находилась в постоянном изменении. Отдельным агентам и ячейкам предоставлялась почти полная независимость в методах и средствах достижения поставленной цели, что делало отслеживание их операций очень сложной задачей с высокой долей ошибок.

Грейсон также отмечал в своих записях, что существовало бесчисленное количество ложных следов и тупиковых ветвей. Внутри Альянса было лишь несколько человек, с которыми он работал напрямую; насчет этих людей он мог с уверенностью сказать, что они являются агентами Призрака. Остальные два десятка лишь подозревались в сотрудничестве с «Цербером»; существовала вероятность, что на самом деле они были невиновны.

Также он сообщил местоположение нескольких важных исследовательских лабораторий, но предупредил, что «Цербер» периодически закрывает отдельные объекты и переносит проекты в другое место, просто чтобы затруднить их обнаружение. А компании,

выделявшие средства на незаконную деятельность Призрака, как одна оказались крупными корпорациями, в которых работали тысячи человек, большинство из которых понятия не имело о том, что они помогают финансировать террористов.

Турианцам нужна была точная информация, если они хотели пойти против «Цербера». Они не могли просто ловить и допрашивать подозреваемых агентов; помимо политических и дипломатических последствий, такие действия привлекли бы внимание «Цербера», позволив им свернуть свои операции и уйти от опасности.

Точно также они не могли просто послать солдат на каждый подозрительный объект. Если бы информация оказалась не верна, то получилось бы, что они нападают на гражданское учреждение, а это могло бы быть расценено, как объявление войны Альянсу. Кроме того, в этом деле Ориния могла распоряжаться ограниченным числом солдат, поэтому цели нужно было выбирать аккуратно. У них мог оказаться лишь один шанс нанести удар по Призраку — пустая трата сил на заброшенные комплексы могла свести на нет все их усилия.

Единственной возможной стратегией представлялась неожиданная и стремительная атака: одной волной арестовать всех известных агентов «Цербера» на Цитадели, одновременно с этим нанеся удары по ключевым базам военными отрядами. Совмещая данные Грейсона с материалами, собранными турианской разведкой, и дополняя их собственными исследованиями, Кали создавала список подтвержденных приоритетных целей.

Было бы куда легче, если бы они могли воспользоваться средствами Альянса, но в этом случае возникал риск, что кто-то доложит об их действиях Призраку. Ориния решила не привлекать посторонних к этому делу: Кали и Андерсон были единственными нетурианцами, кто знал о готовящейся операции.

По крайней мере, на их стороне была Служба безопасности Цитадели. Теоретически СБЦ являлась многорасовой полицейской организацией, но ее руководство — и больше половины сотрудников — составляли туриацы. Директор Паллин, глава СБЦ, служил под началом генерала Оринии в дни своего армейского прошлого, поэтому он с радостью согласился организовать особый отряд из агентов СБЦ — исключительно турианцев — для помощи в их деле.

Все было бы намного проще, если бы они могли просто арестовать самого Призрака. Он был разумом, сердцем и душой «Цербера» — достаточно устранить его, и организация сама собой распадется на отдельные ячейки, неспособные работать вместе.

Она надеялась, что Грейсон раскроет настоящую личность Призрака, но в своем сообщении он объяснил, что это невозможно. Призрак вовсе не вел двойную жизнь, притворяясь уважаемым и могущественным гражданским лицом, как предполагали многие. Он был всецело поглощен руководством «Цербера» — у него не было другой личности. Если ему требовалось общественное прикрытие, он вызывал представителей прочеловеческой политической партии Терра Фирма или использовал тайных агентов, занимающих высокие должности, чтобы влиять на ход событий и добиваться нужных ему результатов.

Вот почему было так важно составить точный и достаточный список целей. Если Призраку удастся ускользнуть от них, то «Цербер» неминуемо восстановит свои силы. Им придется либо захватить его, либо убить, либо нанести «Церберу» столь сокрушительный удар, от которого он не сможет оправиться в течение нескольких десятков лет.

Кали понимала все это; именно поэтому она согласилась с осторожными и тщательными методами Оринии. Но еще она понимала, что с каждым прошедшим днем шансы увидеть Грейсона живым становились все меньше и меньше.

Быть может, он уже был мертв, но она не позволяла себе поверить в это. Призрак хитер и жесток, он не станет просто казнить кого-то, кто предал его так, как Грейсон. У него должен быть тщательно продуманный план мести.

Сколь бы мрачной ни казалась эта мысль, она давала ей маленький проблеск надежды, за которую Кали цеплялась, пока обрабатывала разрозненные данные, отчаянно пытаясь спасти его.

Очнувшись, Грейсон с ужасом обнаружил, что стал пленником в своем собственном теле. Он мог все видеть и слышать, но мир вокруг казался нереальным, словно он смотрел фильм с выкрученными до предела громкостью и уровнем яркости.

Он перевернулся на койке, спустил ноги на пол, встал и начал беспокойно ходить по камере — но ни одно из этих движений не было продиктовано его волей. Тело отказывалось ему подчиняться, он был не в силах контролировать свои действия. Он превратился в марионетку, в проводник воли Жнецов.

Он обратил внимание, что его сломанное колено каким-то образом восстановилось за ночь. Затем глаза его опустились вниз, и его разум, увидев собственное тело, отпрянул в отвращении.

Он начал изменяться. Преобразовываться. Имплантаты в мозгу начали распространяться по всему телу. Самовоспроизводящие нанороботы Жнецов вплетались в его мускулы, жилы и нервы, превращая его в ужасный гибрид синтетической и органической жизни. Его плоть стала тонкой и полупрозрачной. Сквозь нее он мог видеть узкие гибкие трубки, обвивающие его конечности по всей длине. Вспышки красных и синих огоньков пробегали по трубкам — яркости их свечения как раз хватало, чтобы разглядеть сквозь кожу.

Хотя он и не мог больше контролировать свое тело, он почувствовал, что кибернетические имплантаты сделали его быстрее и сильнее. Он ощущал окружающий мир по-новому, чувства обострились до невероятного уровня. Соединение машины и человека породило существо, которое в физическом плане превосходило все, что мог создать процесс эволюции.

Но это было не единственное изменение. Он почувствовал в себе зачатки биотических способностей, помимо тех временных, что давала доза красного песка. Он ощутил, как его хозяева Жнецы прощупывают и исследуют его, желая испытать пределы пока еще слабой, но постоянно растущей в нем силы.

Жнецы развернули его тело лицом к полке с едой. Он почувствовал, как где-то внутри него нарастает энергия, подобно статическому заряду, преумноженному в тысячу раз. Его рука поднялась, разворачивая ладонь в сторону упаковок. Внезапно по всей руке прошел толчок, столь сильный, что беспомощное сознание Грейсона пронзила вспышка боли.

Аккуратная стопка пайков разлетелась в стороны от биотического броска. Коробки полетели в воздух, отскакивая от полок и стен, прежде чем с грохотом свалиться на пол.

Это с трудом можно было назвать впечатляющей демонстрацией силы. Он своими глазами видел, как однажды его собственная дочь подняла в воздух машину весом в тонну и обрушила ее на пару агентов «Цербера». Разбросанные коробки с едой вряд ли весили больше килограмма каждая, а удар не смог даже разбить запоры на них. Но он знал, что его сила будет продолжать возрастать, и почувствовал, что Жнецы довольны им.

Грейсон опустил руку и лишь через секунду осознал, что он только что сделал. Это он опустил руку, не Жнецы, а он!

Выброс биотической силы должно быть на время ослабил их контроль над его телом. Понимание того, что их власть над его волей была еще не окончательной — вот все, что требовалось ему, чтобы вновь начать сражаться.

Шепотки в голове повысились до злобного рычания, когда Грейсон начал борьбу за возвращение контроля над своим телом. Он заглушил их, игнорируя, и сосредоточил всю свою волю на том, чтобы сделать всего один простой шаг.

Левая нога поднялась в воздух, двинулась вперед на полшага и опустилась на пол. За ней последовала правая, запустив цепную реакцию в теле Грейсона. Он чувствовал, как буквально каждая отдельная мышца его тела напрягается, а затем расслабляется, по мере того, как его разум вновь подчиняет себе то, что по праву принадлежит ему.

Постепенно приходя в себя, он почувствовал дрожь во всем теле. Во рту пересохло, а кожа начала зудеть. Он распознал классические симптомы ломки. Доза красного песка

прекращала свое действие, давая ему возможность восстановить контроль и сосредоточение — его важнейшее оружие в борьбе против чужеродных захватчиков в его голове.

Жнецы пошли в ответную атаку: давя на его мысли, они пытались исказить их и подчинить себе. Но Грейсон отказывался отдать то, что заполучил обратно с таким трудом. Это была битва за саму его личность, и он одерживал в ней верх!

Он почувствовал прилив восторга и адреналина... и чего-то еще. Ему едва хватило времени, чтобы понять, что это, до того, как тепло еще одной дозы красного песка захлестнуло его.

Его голова начала погружаться в океан наркотического блаженства, и Жнецы не замедлили воспользоваться этой возможностью и вырвать у него контроль над его телом.

Беспомощный, он мог лишь наблюдать изнутри, как его тело подошло к койке и легло на нее. Лежа на кровати, захваченный в бурлящий водоворот песка, он пытался понять, что же только что произошло. Существовало лишь одно разумное объяснение.

«Цербер» продолжал наблюдать за ним. Изучать его. Они знали, что он сопротивляется Жнецам, поэтому они накачали его концентрированным песком, чтобы ослабить его волю. Видимо во время его предыдущего наркотического забытья они вшили ему устройство, которое позволяло им удаленно вводить дозы зелья, чтобы постоянно держать его под действием наркотика.

Это было совсем не сложно. Маленький радиоуправляемый дозатор под кожей, впрыскивающий песок прямо в кровь — вот и все, что было нужно. Используя раствор с концентрацией, близкой к 100%, им требовалась всего пара капель песка, чтобы отправить его в полет. Рано или поздно запас в дозаторе иссякнет, но это давало ему мало надежды: он понимал, что «Церберы» просто заново наполнят его.

Глаза закрылись, отгораживая его от мира. Жнецам было нужно, чтобы он отдыхал — преобразование еще не завершилось. Они хотели, чтобы он спал, и он заснул.

Призрак и доктор Нури наблюдали за всей этой сценой через одностороннее стекло. Физические изменения, происходившие с телом Грейсона, были отвратительны, но любая вина, которую испытывал Призрак за то, что они сделали с ним, заглушалась осознанием того, что собираемая ими информация может оказаться бесценной для предотвращения или отмены изменений в будущих жертвах. Что более важно, они изучали пределы фактических способностей Жнецов.

Поначалу данные, казалось, повторяют результаты, полученные при экспериментах на так называемых хасках — несчастных людях, превращенных в безмозглых зомби гетами во время попытки Сарена захватить контроль над Цитаделью. Но Призрак знал правду о той войне: Сарен и его армия были слугами, подчинявшимися Жнецу по имени Властелин. И технология, которую они использовали для превращения людей в хасков, пришла не от гетов.

Но метаморфозы, происходившие с Грейсоном, были чем-то более тонким и сложным. Он не становился безмозглым рабом. Он превращался в сосуд, в проводник Жнецов — так же, как Сарен до него. А прежде чем погибнуть от руки командера Шепарда, Сарен стал очень и очень сильным.

— Его сила быстро растет, — заметил Призрак, обращаясь к доктору Нури. — Скоро мы не сможем держать его взаперти.

— Мы внимательно следим за преобразованиями, — заверила его ученый. — Пройдет еще минимум неделя, прежде чем угроза его побега станет реальной.

— Вы уверены в своих вычислениях?

— Я готова поручиться за них моей жизнью.

— Вы уже поручились своей жизнью, — напомнил ей Призрак. — И моей тоже.

Повисло неуклюжее молчание, и Призрак добавил:

— Я даю вам еще три дня на изучение. Это максимальный риск, на который я готов

пойти. Я выразился ясно?

- Три дня, — кивая, произнесла доктор Нури. — После этого мы уничтожим объект.
- Предоставьте это Кай Ленгу, — сказал ей Призрак. — Он здесь именно для этого.

Глава 10

— В соответствии с моими расчетами, нам нужно нанести удары по шести объектам, обозначенным на первой страницы отчета.

За долгие годы Кали много раз выступала с докладами, часто перед влиятельными и важными людьми. Но в душе своей она была исследователем, а не оратором и не могла до конца избавиться от холодного, тяжелого комка, который скапливался где-то в глубине живота, пока она говорила.

— Список имен рядом с каждым объектом — это подтвержденные агенты «Цербера», которые, как предполагается, владеют особой информацией о планировке или защитных системах соответствующей цели.

Делать этот конкретный доклад было ничуть не проще из-за того, что все в зале, кроме Андерсона, были офицерами турианской армии. Они смотрели на нее с сосредоточенностью стаи ястребов, следящих за мышью на земле — восемь пар холодных, немигающих глаз.

— Для того чтобы использовать полученную от них информацию, не дав «Церберу» возможности опомниться, ударные группы должны выступить прежде, чем СБЦ произведет задержания.

Даже если кто-то и успеет послать предупреждение, эти базы расположены в удаленных секторах, которые еще не подключены напрямую к галактической информационной сети. Пройдет какое-то время, прежде чем они получат сообщения.

— Сколько времени у нас будет с момента арестов до непосредственных атак? — спросил один из турианцев. Его форму отягощало множество медалей, приколотых к груди.

Когда она вошла в комнату, ей представили собравшихся, быстро перечислив их имена и звания, пока она обходила стол. Она даже не пыталась запомнить их.

— Четыре часа, — ответил вместо нее Андерсон. — У СБЦ будет масса времени, чтобы допросить арестованных и передать вам информацию.

— Используя полученные сведения, командир каждой ударной группы имеет право изменить план атаки на свою цель, — добавила Ориния.

— Эта информация надежна? — прозвучал вопрос другого турианца. Это оказалась женщина.

Тонкий белый шрам тянулся вдоль ее челюсти, своим оттенком выделяясь на фоне темно-красных татуировок, обозначающих цвета колонии, в которой она родилась. Она была единственной женщиной, кроме Оринии, среди присутствовавших здесь турианцев, а значит, Кали смогла припомнить ее имя: Динара.

Кали могла бы пуститься в долгие объяснения сути статистического анализа, порогов ошибок и вероятностных матриц, экстраполированных на основе неполных, оценочных и приблизительных данных. Однако это могло бы посеять сомнения среди турианцев.

— Надежна, — заверила она их.

— Большинство целей расположены внутри территории Альянса, — возразил первый турианец, с медалями.

— Непосредственно перед приказом, который Ориния отдаст ударным командам, я санкционирую проведение совместной военной операции внутри подконтрольного Альянсу пространства, — объяснил Андерсон. — Все ваши действия будут полностью укладываться в рамки существующих законов и договоренностей Совета.

— Из-за подобных действий вас могут лишить вашего поста, — заметил третий турианец.

— Почти наверняка лишат, — согласился Андерсон.

— Два объекта расположены в Граничных Системах, — заметила Динара. — Там вы не

сможете санкционировать наши атаки.

— Это самые важные базы, — настойчиво произнесла Кали. — Весь смысл того, что «Цербер» строит комплексы вне юрисдикции Совета в том, чтобы иметь возможность проводить противоречащие закону или этике исследования не опасаясь последствий.

— Нападение на объекты в Граничных Системах означает вовлечение Совета, — продолжал Медалист. — Это может спровоцировать военный конфликт.

Собравшиеся за столом тихими голосами соглашались с выдвинутым аргументом, и Кали испугалась, что турианцы откажутся от их затеи.

— Такая опасность существует, — сказал Андерсон громким голосом, чтобы его было слышно за поднявшимся бормотанием. — Но «Цербер» не следует правилам. Так же как и мы не должны следовать им, если хотим победить врага.

— Если кто-то из вас видит в этом проблему, — сурово добавил он, — то может покинуть нас прямо сейчас.

Повисло долгое молчание, но все турианцы остались на своих местах.

— Объекты в Граничных Системах — это орбитальные станции, расположенные в незаселенных звездных системах, — сказала Ориния, продолжая с того места, на котором остановился Андерсон. — Если ударные группы выполняют свои задания, то там не будет никого, кто сможет засвидетельствовать или доложить о нападении.

— Ясно, — ответил Медалист с коротким кивком. — Пленных не брать.

— Кроме тех, кто уже попал в плен к «Церберу», — спешно добавила Кали. — Если там кого-то удерживают силой, то вы должны будете спасти их.

— Это что, спасательная операция? — спросила Динара.

Андерсон и Ориния обменялись взглядами, прежде чем турианский посол ответила на вопрос.

— Мы не можем подтвердить присутствие пленников ни в одной из обозначенных точек. Если вы кого-то найдете, помогите им, если сможете. Но не подвергайте миссию — или жизни турианцев — ненужному риску.

Кали закусил губу, чтобы не высказать протест. Андерсон предупреждал ее, что заставить турианцев сотрудничать с ними будет непросто. Люди должны были предложить турианцам что-то, что их интересует — уничтожение «Цербера». Если она начнет настаивать на спасении пленников, Ориния может отозвать своих людей.

— Что насчет Призрака? — поинтересовался Медалист.

— Его захват стал бы отличным результатом, — признала Ориния. — Но у нас нет его фотографий. Все, чем мы располагаем, это общее описание внешности. Если увидите кого-то, попадающего под это описание, берите его живым.

Кали не могла с уверенностью сказать, что произойдет дальше. Она думала, что это может быть некое голосование или оживленное обсуждение предстоящей миссии. Меньше всего она ожидала, что они начнут высказывать возражения или сомнения. Действительно, турианская культура была пропитана военными традициями, и они привыкли принимать приказы от своих командующих и следовать им. Но эта ситуация отличалась от обычной, а Ориния формально больше не являлась их командиром.

Однако, какие бы разногласия не зародились по поводу миссии, все они, судя по всему, уже были улажены.

— Ударные группы выступают через четыре часа, — объявила посол, поднимаясь со своего места.

Остальные турианцы встали и покинули комнату, оставив Оринию наедине с двумя людьми.

— Как бы я хотела пойти с ними, — пробормотала Кали.

— Каждый из командиров превратил свою команду в четко отлаженный инструмент, потратив тысячи часов на тренировки, — напомнила ей Ориния. — Вы бы только помешали им.

— Они постараются помочь Грейсону, если найдут его, — заверил Кали Андерсон,

угадав ее мысли.

— Я знаю, — сказала она, хотя у нее все равно оставались сомнения.

Мышцы Кай Ленга напряглись в заключительном рывке, и его подбородок в очередной раз поднялся над перекладной. Он спрыгнул на пол и сделал последний на сегодня сет из пятидесяти отжиманий.

Закончив, он перекинул через плечо полотенце, подошел к пульта управления гравитацией спортзала и вернул ее с двухсот процентов на стандартный земной уровень.

Он вытер пот со своей голой груди и забросил полотенце обратно на плечо. Он направился в сторону раздевалки, но в этот момент раздался вой сирены, и он тотчас же бросился обратно.

Подбежав к консоли у стены, он быстро ввел свой код безопасности, чтобы просмотреть положение дел. Информацию на экране можно было заменить одной фразой: ВЕСЬ АД СОШЕЛ С УМА.

Три неопознанных корабля приближались к их орбитальной станции. Они были достаточно маленькими, чтобы пройти незаметно для дальних радаров, а это означало, что их огневой мощи недостаточно для преодоления кинетических барьеров и усиленного корпуса станции. Вместо этого они двигались с большой скоростью, надеясь успеть подойти вплотную и взять станцию на абордаж, до того как ее бортовые защитные системы уничтожат абляционные покрытия их кораблей.

Судя по базе данных, эти корабли соответствовали турианским легким фрегатам, каждый из которых мог иметь на борту около дюжины экипажа. На станции находилось примерно сорок человек, но большинство из них были обычными учеными и вспомогательным персоналом; лишь несколько имели опыт ведения настоящих боевых действий. Исход битвы было легко предугадать: турианцы победят в этом сражении.

Кай Ленг бросился к своему шкафчику, но не за одеждой. Он схватил свой нож и пистолет — особую модификацию «Рейзера» производства «Касса Фабрикейшнз». Сжимая «Рейзер» в одной руке и двенадцатидюймовый нож в другой, он пулей вылетел из спортзала.

Станция накренилась, когда первый корабль ударился об нее, подойдя вплотную, и Кай Ленг едва не полетел на пол. Корпус содрогнулся еще дважды, когда остальные два фрегата пристыковались несколькими секундами позже.

Нападающие, скорее всего, используют мощные лазеры, чтобы прорезать отверстие в корпусе, затем с помощью направленного взрыва пробьют дыру, достаточную, чтобы попасть внутрь. Учитывая, что турианцы были известны своей оперативностью в таких вещах, он предположил, что у них есть примерно минута, прежде чем коридоры комплекса заполнят вражеские солдаты.

В главном ангаре размещалось несколько шаттлов, но ангар был на дальней стороне станции. Попытка добраться туда была заранее обречена на провал: если турианцы умны, они нанесут первый удар именно там, чтобы отрезать главный путь к спасению. К счастью, по всему комплексу располагалось еще несколько более мелких спасательных капсул... хотя их хватило бы далеко не для всех сотрудников станции.

В свое время Кай Ленг не поленился и запомнил наизусть расположение всех спасательных капсул — ближайшая из них находилась всего в паре шагов. Но он пока еще не мог покинуть станцию — нужно было сделать кое-что важное.

Призрак спал в своей каюте, когда раздался вой сирены. Проснувшись от неожиданного звука, он пару секунд лежал, приходя в себя. Поняв, что происходит, он тут же включил личный терминал на столе.

Он просмотрел информацию на экране, прикидывая их шансы на выживание. Увидев, что они подверглись нападению трех турианских фрегатов, он мгновенно понял, что они не

могли надеяться выдержать нападение. Но при удаче — и быстрых действиях — времени хватит как раз на то, чтобы уничтожить Грейсона и добраться до одной из спасательных капсул.

Прошло уже больше тридцати лет с тех пор, как он лично участвовал в военном столкновении; он понимал, что его навыки уже не те, что раньше. Главное, что от него сейчас требовалось — это избегать столкновения с врагом, но он вовсе не собирался идти неподготовленным. Стремительными движениями он вытащил из шкафчика боевой костюм «Освободитель» и натянул на себя. Из ящика прикроватного столика он достал пистолет «Гарпия» и только после этого отпер дверь и шагнул в коридор.

На него тут же навалилась волна звука: визг сирен, крики страха и паники, топот обутых в тяжелые ботинки ног работников станции, бегущих по коридору. Мимо него пробежал ученый, крепко сжимая в руках штурмовую винтовку «Горгона» — самое сильное ручное оружие на станции. То, что кто-то открыл арсенал, было хорошо; то, что не имеющий военной подготовки ученый взял себе один из самых мощных стволов, было плохо.

Эта станция, прежде всего, выполняла функции исследовательской лаборатории; здесь не было оружия или персонала, способного противостоять прямому нападению. Они находились на орбите богом забытой планеты, обращающейся вокруг никого не интересующего оранжевого карлика в Граничных Системах, поэтому основной защитой им служила удаленность и скрытность их местоположения.

Палуба содрогнулась под ногами, когда раздалось тихое эхо далекого взрыва, и он понял, что турианцы пробили корпус. Через пару секунд он оказался у Т-образного разветвления коридора. Слева доносились крики и звуки стрельбы. Он повернул в противоположном направлении, поняв, что ему придется идти более длинным маршрутом, если он хочет добраться до камеры Грейсона, не столкнувшись с турианцами.

Пока он бежал по коридору, он усиленно пытался понять, что же пошло не так. Ему нравилось распространять мнение, будто «Цербер» обо всем знает и все может, но на самом деле все было немного не так. По галактическим меркам они были маленькой организацией, располагающей ограниченным числом людей и ресурсов.

Хотя Призрак и был мастером в использовании доступных ресурсов максимально выгодным образом и мог предугадывать действия друзей и союзников, в его организации все равно оставались дыры, делавшие ее уязвимой. Каким-то образом турианцам удалось отыскать такую дыру. Ни один из агентов на Цитадели не предупредил его о возможном нападении, а значит, турианцы действовали самостоятельно. Но откуда им стало известно местоположение этой базы?

Он увидел доктора Нури, двигавшуюся в его сторону в компании двух вооруженных «Горгонами» охранников в тяжелой броне.

— Идемте со мной, — приказал он. — В лабораторию.

Нури отрицательно покачала головой.

— Нам туда не добраться. Турианцы захватили все крыло. Нам нужно пробиваться к спасательным капсулам.

Нури была ценным сотрудником «Цербера», но ее боевая подготовка ограничивалась лишь самым базовым уровнем. Учитывая, что она даже не надела брони, он не видел смысла заставлять ее идти с ними.

— Отправляйтесь к спасательным капсулам, — велел он ей. — Ждите нас там.

Охранникам он сказал:

— Вы двое, идите за мной.

Никаких возражений не последовало; охранники были обученными солдатами и знали, что лучше не оспаривать прямой приказ. Нури кивнула в ответ и бросилась в противоположном направлении.

Ведя вперед свой маленький отряд, Призрак продолжал попытки понять, как турианцы нашли его. Он знал, что у Грейсона была информация о «Цербере». Призрак предполагал, что Грейсон не знает об этой базе, но он, вполне возможно, мог узнать о ней за те два года,

что скрывался от них. В любом случае, даже если Грейсон и был источником информации, оставался вопрос, как эта информация оказалась в руках у турианцев?

Его размышления были прерваны, когда они завернули за угол и оказались лицом к лицу с шестеркой турианцев, стоящих менее чем в пяти метрах от них. Обе стороны не задумываясь открыли огонь; турианцы упали на корточки, чтобы не быть столь легкими мишенями, а Призрак и его охранники отступили обратно за угол.

Первый быстрый обмен выстрелами оказался слишком коротким, чтобы оружие смогло пробить чьи-нибудь кинетические барьеры. Но турианцы были лучше вооружены и подготовлены, и их было в два раза больше. Продолжение боя было равносильно самоубийству.

— Отступаем, — выкрикнул Призрак.

Держа оружие направленным на угол коридора, на случай если появятся турианцы, охранники, пятясь, стали отступать назад.

Они прошли примерно десяток метров, когда два турианца высунули головы из-за угла и сделали несколько выстрелов наугад. Призрак прижался к ближайшей стене, укрывшись за одним из выступающих стальных ребер, которые проходили по всей длине стены от пола до потолка через каждые пять метров для усиления прочности обшивки станции. На противоположной стороне коридора охранники укрылись за другой такой же выступающей перегородкой.

Двое турианцев продолжали вести огонь, не давая людям высунуться из укрытий и выстрелить в ответ. В то же время остальные четверо обогнули угол и спрятались за переборками так же, как и их противники.

Призрак чуть-чуть отступил от стены и произвел несколько быстрых выстрелов из пистолета, но шквал ответного огня заставил его снова прильнуть к перегородке. Охранникам, вынужденным вдвоем ютиться за одной переборкой, пришла в голову та же мысль, к тому же они были лучше вооружены. Действуя сообща, они высунулись наружу — один стоя в полный рост, второй пригнувшись — и выпустили поток пуль.

Один из турианцев не сумел плотно прижаться к стене — его левое плечо частично торчало на виду. Оба охранника намеренно выбрали его своей целью, и их сосредоточенный огонь пробил кинетические барьеры и в клочья разорвал боевую броню меньше чем за секунду.

Турианец закричал от боли, когда пули пробили его руку и плечо, едва не оторвав конечность. Он свалился на пол, заливая его кровью из множества ран, а его друзья тут же открыли ответный огонь. Охранники «Цербера» прижались к стене в тот момент, когда мимо них пронесся рой пуль. Выступающая вертикальная балка укрыла их от выстрелов противника.

Так как турианцы сосредоточили весь огонь на охранниках, Призрак смог высунуться и разрядить свой пистолет, целясь в раненого турианца на полу, до того, как его кинетические щиты успели бы восстановиться. Турианец подпрыгнул и забился в конвульсиях, когда полдюжины патронов «Гарпии» пробили его незащищенную грудь, и затих. Прежде чем турианцы успели ответить, Призрак нырнул обратно в укрытие.

Уголкем глаза он заметил нечто летящее в его сторону. Ухватившись взглядом за это движение, он повернул голову и увидел маленький черный диск размером с кулак, прилепившийся к стене рядом с охранниками «Цербера».

Призрак упал на пол, свернувшись в клубок и прикрывая голову руками, как раз в тот момент, когда граната взорвалась. Взрыв подбросил охранников, словно тряпичных кукол, ударив их о стену и отшвырнув в центр коридора. Если у них и были какие-то шансы на спасение, то турианцы мгновенно уничтожили их, изрешетив переломанные тела пулями.

Призрак понимал, что со своим пистолетом ему не удастся сдержать турианцев. Но будь он проклят, если позволит им взять его живым. Выкатившись из-за укрывавшей его балки, он схватил ближайшую к нему штурмовую винтовку.

Едва сомкнув пальцы на рукоятке оружия, он почувствовал, как вражеские пули

продавливают его кинетические щиты. Он встал на одно колено и поднял оружие, но так и не выстрелил.

Сцена, представшая перед ним, была шедевром кровавого хаоса.

К застреленному охранниками турианцу уже присоединились двое его сородичей. Горло одно из них было перерезано ударом сзади, так глубоко, что голова оказалась почти отделена от тела. Затылок другого превратился в дыру — выстрел был произведен в упор, так, чтобы кинетические щиты не смогли защитить его голову.

Оставшиеся трое сражались в рукопашную с Кай Ленгом. Несмотря на отсутствие боевой брони — на нем не было даже рубашки — лучший убийца «Цербера» быстро разобрался с тяжело бронированными турианцами.

На короткой дистанции их тяжелые штурмовые винтовки оказались только помехой; они были слишком тяжелыми и громоздкими, чтобы взять на прицел гибкого и подвижного человека, атакующего их. Оружие Кай Ленга не доставляло ему подобных проблем.

Он всадил нож в голову ближайшего противника ударом снизу. Острый угол позволил ему обойти защитный шлем турианца, вонзив лезвие ему под подбородок на всю длину, мгновенно убив его.

Нож прочно застрял в черепе жертвы, но Кай Ленг уже выпустил рукоятку оружия. Один из турианцев бросил свое потерявшее эффективность оружие и обеими руками схватил запястье Кай Ленга, намереваясь сломать ему руку или хотя бы выбить пистолет из его ладони. Но боевая броня сделала его движения неуклюжими и медленными, а толстые перчатки не позволили как следует захватить руку противника.

Кай Ленг вывернулся из захвата и резко упал вниз, ударом ноги сбивая турианца на пол в тот момент, когда его приятель выстрелил из своей штурмовой винтовки в то место, где только что находился человек.

Распластавшись на полу, Кай Ленг приставил дуло пистолета к ноге все еще стоявшего турианца сзади колена. На суставах боевая броня была слабее, чтобы обеспечить подвижность — тонкий материал не смог защитить от выстрела, когда он нажал на курок. Турианец с воплем свалился на пол, выпустив из рук штурмовую винтовку.

Все это заняло меньше секунды. К тому времени, как Призрак понял, что происходит, и бросил «Горгону», снова вытаскивая пистолет, Кай Ленг схватился за шлем раненого турианца. Одну руку он положил на его подбородок, а другую на макушку. Жгуты мускулов на покрытом татуировками теле человека напряглись, и, крикнув, он резко повернул голову турианца под немыслимым углом, ломая ему шею.

Последний турианец попытался подняться на ноги, но Призрак выстрелил ему в спину. Первые пять выстрелов из автоматической «Гарпии» успешно отразили кинетические барьеры. Следующие пять поглотили тяжелые защитные пластины боевого скафандра. Последние пять пробили плоть, повредив жизненно важные органы.

Турианец упал на колени, затем свалился вперед лицом вниз. Кай Ленг на всякий случай еще раз выстрелил в упор ему в затылок, прежде чем подняться на ноги.

— В той стороне чисто? — спросил Призрак, также поднимаясь на ноги.

Кай Ленг покачал головой:

— Наша единственная надежда — добраться до спасательной капсулы в третьем секторе.

Призрак кивнул:

— Доктор Нури уже там.

Они вдвоем бросились бежать по коридорам обреченной станции, понимая, что за каждым углом могут столкнуться с еще одним патрулем турианцев. В предыдущей стычке они выжили только лишь потому, что Кай Ленгу удалось подобраться сзади к противникам, сосредоточенным на Призраке и охранниках. Если они наткнутся на другой патруль, то исход этой встречи будет совсем иным.

Им повезло, и они не встретили врагов, хотя менее чем за пятьдесят метров до спасательной капсулы они увидели жуткое свидетельство того, что турианцы побывали здесь

до них. Тело доктора Нури распласталось на полу, ее невидящие глаза были устремлены в потолок, а в груди зияла рана от выстрела из дробовика.

Ни один из них не сказал ни слова, когда они на мгновение остановились над телом и продолжили свой путь. Через несколько секунд они были в спасательной капсуле. Маленький корабль мог вместить до четырех пассажиров, но они не собирались сидеть и ждать кого-то еще.

Кай Ленг закрыл дверь. В тот момент, как он закончил с герметизацией, Призрак ударил кулаком по кнопке, выбросившей их в безопасность. Как только они отделились от станции, он повалился на сиденье, тяжело хватая ртом воздух в попытке восстановить дыхание.

Уже очень давно он не участвовал в схватках. Его тело отвыкло от физического напряжения боя. Пытаясь прийти в себя, он обратил внимание, что Кай Ленг даже не запыхался.

Через несколько минут он достаточно оправился, чтобы заговорить.

— Ты уничтожил Грейсона, как я понимаю, — сказал он.

Кай Ленг покачал головой.

— На это не было времени. Либо убивать его, либо спасти вас. Я выбрал вас.

Призрак едва не ответил: «Ты сделал неправильный выбор». Вместо этого он прикусил язык, потому что понял, что легко мог задать Кай Ленгу этот вопрос, пока они еще были на станции и могли что-то изменить.

Перестрелка с турианцами выбила его из колеи. Он подумал, что умрет там. Столкнувшись с осознанием своей собственной смертности, он решил не спрашивать Кай Ленга о Грейсоне, потому что не хотел знать ответа. Не в тот момент, когда это могло стоить ему жизни. Он был патриотом, но глубоко в душе он не готов был стать мучеником.

Он также должен был признать, что все это стало его собственной виной. Ему вовсе не обязательно было прилетать на эту базу и лично следить за экспериментом. Он мог бы оставаться на своей охраняемой станции и получать регулярные отчеты. Но он хотел видеть, как страдает Грейсон. Он позволил своей жажде мести взять верх над здравым смыслом, и это едва не стоило ему жизни.

Истина была неутешительна, но Призрак сделал своей работой встречи лицом к лицу с неутешительными истинами. Больше он не повторит такой ошибки. И он не собирался наказывать одного из своих лучших агентов за то, на что сам он дал свое молчаливое одобрение.

— Эта операция слишком хорошо спланирована, чтобы быть единичной миссией, — сказал он Кай Ленгу. — Выйди на секретный канал. Выясни, кто еще подвергся нападению.

Первой его задачей было убедиться, что его организация остается на плаву. Нужно оценить ситуацию, просмотреть доступные ресурсы. После этого можно будет снова заняться Грейсоном.

Ему нельзя позволять жить. Вопрос заключался уже не в мести. Они превратили его в монстра, в отвратительное нечто. Грейсон стал воплощением Жнецов и сейчас оказался на свободе. Отыскать и уничтожить его — вот единственный способ защитить человечество.

Глава 11

Грейсон проснулся, когда услышал тревогу. Точнее, когда его кибернетически усиленный слух уловил далекие звуки сирены, раздающиеся где-то за пределами камеры, Жнецы, управляющие его телом, заставили его сесть и открыть глаза.

Он снова был пойман в ловушку собственного тела. Он мог четко видеть и слышать все вокруг, органы чувств исправно доставляли информацию в синтетическую сеть, опутывающую его мозг. Он мог чувствовать температуру воздуха, охлаждающего кожу. Вонь собственного тела — невымытого неделями — заполняла ноздри. Даже вкусовые ощущения обострились до невероятных уровней — острый соус из продовольственных пайков, которые

он съел прошлым вечером, все еще ощущался на языке.

Но, несмотря на то, что он полностью осознавал происходящее вокруг, оно казалось ему каким-то отдаленным, словно пропущенным через некий фильтр. Ощущение было не похоже на приятный туман от красного песка, хотя он и чувствовал, что действие последней дозы наркотиков «Цербера» еще не прошло. Это было что-то другое. Словно его совесть выбросили из уравнения — разорвали это непостижимое звено, соединяющее физическую и ментальную сферы.

Сила Жнецов росла — это было единственным объяснением. Эта мысль заставила его сердце биться сильнее из-за выброса адреналина. Инстинктивная реакция организма дала Грейсону надежду. Страх запустил реакцию; если его эмоциональное состояние все еще способно оказывать хоть какое-то воздействие на тело, значит, еще не все потеряно.

Он попытался восстановить контроль. Борьба с внутренним врагом на время заставила его не обращать внимания на звуки отдаленного боя, доносившиеся откуда-то извне. Пытаясь выжать из себя Жнецов, он чувствовал, как они оказывают на него такое же давление. Они ощущали его присутствие и его попытки, точно так же, как он ощущал их на более глубоком, интуитивном уровне, чем раньше.

Придя в ужас, Грейсон попытался обрубить эту связь, заполнив разум чистыми эмоциями: страхом, ненавистью, отчаянием. Он надеялся, что примитивные животные мысли каким-то образом собьют с толку или отвратят от него этих машин, управляющих им из-за края галактики, но тут же понял, что это не сработает. Он осознал, что беспомощен; в этом бою у него нет достаточно эффективного оружия против них.

Чего нельзя было сказать о Жнецах. Он ощутил, как тысячи раскаленных докрасна иголок пронзили его череп, заставив разум биться в агонии боли. Мучение оказалось настолько невыносимым, что он тут же прекратил все попытки восстановить контроль над телом.

Однако победа врага оказалась неполной. Физическая оболочка Грейсона отозвалась на муку едва различимым стоном... еще одно доказательство, что он пока не попал под полный контроль. Воспоминание об ослепляющей боли было слишком свежо, чтобы он попытался противостоять им снова, по крайней мере, сейчас. Вместо этого он позволил своему сознанию отступить, затаиться в глубине самого себя, оставив сопротивление на какое-то время.

Опущенный до уровня стороннего наблюдателя, он почувствовал, как Жнецы подвели его к двери камеры и приложили к ней его ухо. Он ощутил, как чужеродная технология переводит свою энергию на его уши, и чудесным образом его слух стал столь тонким, что смог различить отдельные звуки сквозь вой сирен. Он мог расслышать выстрелы и даже крики, доносящиеся как с близкого, так и с дальнего расстояния, подчеркиваемые отдельными взрывами и воплями. Жнецы с жадностью поглощали всю эту информацию, используя звуки, чтобы попытаться воссоздать возможный сценарий того, что происходило снаружи.

Грейсон тоже не знал, что происходит снаружи. У него была пара теорий, но он боялся обдумывать их в деталях. Он подозревал, что Жнецы не могли читать его мысли — пока не могли — но все же не хотел испытывать судьбу.

Они продолжали стоять так еще несколько минут, не обращая внимания или не заботясь о спазме, сводящем шею и плечи Грейсона из-за неудобной позы, в которой он вынужден был находиться, чтобы держать ухо плотно прижатым к двери. В конце концов, он почувствовал, как мышцы свело и скрутило, горько проклиная извращенную иронию того, что хотя он и не мог контролировать свое тело, но все равно страдал, от причиняемой ему боли.

Через несколько минут стрельба стала стихать и, наконец, прекратилась совсем. Вскоре после этого он услышал топот нескольких ног — небольшая группа приближалась к двери. Через секунду они уже возились с электронным замком на другой стороне.

Он подумал, что Жнецам следовало бы приготовиться к отчаянному броску на свободу

в тот момент, когда дверь откроется. Мускулы на ногах слегка дрогнули, пока этот вариант обдумывался, но затем быстро расслабились. Вместо этого его тело сделало несколько шагов назад, чтобы представлять собой меньшую угрозу для того, кто мог войти в дверь.

Грейсон внимательно следил за всем, что делали его враги, за всем, что они заставляли его делать. Осторожное изучение врага было его единственной надеждой найти какую-нибудь его слабость. Простой шаг назад от двери дал ему понять, что машины редко действовали импульсивно. В каждой ситуации они применяли холодную неопровержимую логику, анализируя положение дел и пытаясь определить наиболее благоприятный вариант развития событий. Почти всегда, понял он, они будут действовать терпеливо и осторожно.

Через несколько мгновений дверь отъехала в сторону, явив трех тяжеловооруженных турианцев. Увидев его, все они отступили назад, подняв оружие в ответ на его дикий внешний вид.

Волосы на голове отросли достаточно, чтобы покрывать череп, так же как свалывшаяся, неухоженная борода на лице. Но он знал, что не это напугало их. Он все еще оставался полностью голым, а кибернетические имплантаты под кожей должны были быть четко видны; он подозревал, что едва ли теперь вообще походил на человека.

— Кто ты? — раздался требовательный вопрос одного из турианцев.

Судя по голосу, это была женщина. Длинный белый шрам тянулся вдоль ее подбородка, видимый сквозь стекло шлема, так же как и темно-красная раскраска костистой маски, закрывающей ее лицо и череп.

— Я пленник, — ответил Грейсон. — Они пытали меня. Ставили на мне эксперименты.

Звук собственного голоса показался Грейсону пустым, будто он слушал его в записи.

— Как тебя зовут? — спросила турианка, направляя оружие ему в грудь.

На каком-то подсознательном уровне Грейсон надеялся, что она выстрелит. Она, очевидно, испытывала отвращение к синтетическому гибриду, в который он превратился. Может, она ощущала чужеродное присутствие в нем. Может, некий остро отточенный инстинкт самосохранения заставит ее просто нажать на курок и покончить с ним.

Жнецы покачали его головой.

— Я... я не знаю своего имени. Они накачали меня наркотиками.

— Посмотри на его глаза, Динара, — заметил один из турианцев. — Полностью под действием наркотиков.

— Пожалуйста, помогите мне, — взмолились Жнецы.

«Нет, не надо!» — безмолвно кричал Грейсон.

По сигналу своего командира турианцы опустили оружие. Грейсона разочаровало то, что эта уловка сработала, но тот факт, что Жнецы не знали его имени, подтвердил его подозрение, что мысли все еще оставались его собственностью... хотя, как долго это продлится, он не мог сказать.

— Идем с нами, — сказала Динара.

Турианцы вывели его из камеры, и он смог впервые взглянуть на комплекс, в котором его держали в плену. За дверью камеры был короткий коридор, дальний конец которого заканчивался лестницей, поднимающейся вверх. Наверху находилась наблюдательная комната, назначение которой было несложно угадать по большому одностороннему стеклу, смотрящему на камеру этажом ниже.

За наблюдательной комнатой располагалось что-то похожее на лабораторию. Большой пульт, состоящий из нескольких компьютерных терминалов, заполнял собой середину комнаты. Стулья вокруг были сейчас пусты, но Грейсон живо представил своих мучителей из «Цербера», сидящих на местах за экранами и наблюдающих, как его тело превращается в ужасающее нечто.

— Поищите для него какую-нибудь одежду в спальном отсеке, — распорядилась Динара.

Один из ее спутников исчез за дверью в дальней стороне комнаты, пройдя вглубь станции в поисках одежды для Грейсона. Через пару минут он вернулся, сжимая в руке

несколько вещей.

Он передал их Грейсону, и Жнецы медленно заставили его одеться. Штаны оказались слишком большими, так же как и рубашка. Ботинки были на размер меньше и давили ноги. Жнецы не стали жаловаться на это.

Динара подняла руку и прижала палец к боковой поверхности своего шлема, включив встроенный передатчик.

— Доложить обстановку, — приказала она.

Своими обостренными чувствами Грейсон мог отчетливо слышать весь разговор.

— Комплекс чист, — ответил голос с другой стороны. — Тридцать шесть врагов убиты. Пленников нет.

— Отключить тревогу, — распорядилась командир, и через несколько секунд сирены неожиданно замолчали.

— Мы потеряли одиннадцать наших, — продолжал голос в передатчике уже более мрачным тоном. — Семерых из второго взвода, еще по двое из первого и третьего. Недостаёт двух спасательных капсул.

— Есть кто-нибудь, похожий на описание Призрака?

— Никак нет. Если он и был здесь, то ему удалось сбежать.

— Первому и третьему взводам — оставаться здесь и удерживать комплекс, — сказала она. — Второй взвод — встречаемся в моем шаттле. У нас пленник «Цербера», которого нужно переправить.

— Вас понял.

Она опустила руку, и передатчик со щелчком выключился.

— Идем с нами, — сказала она Грейсону. — Там ты будешь в безопасности.

Трое турианцев вели его по коридорам комплекса, который, как понял Грейсон, был космической станцией. Все вокруг носило характерный оттенок прагматичности, свойственный базам «Цербера».

Он понял, что Жнецы заставляют его голову поворачиваться вокруг и таращиться по сторонам, пытаясь запомнить как можно больше из окружающей обстановки. Машины собирали данные, сохраняя их в своих бездонных хранилищах информации, на случай если вдруг все это когда-нибудь им понадобится.

Турианцы не комментировали его несколько странное поведение. Либо они мало знали о поведении людей и не считали его действия необычными, либо просто приписывали это влиянию красного песка.

Грейсон полагал, что турианцы отведут его в стыковочный отсек. Вместо этого они, завернув за угол, оказались у огромной дыры в корпусе станции. Кусок металла примерно в два квадратных метра лежал на полу. Его края оплавились там, где их резал мощный лазер, а сам металл изогнулся от взрыва, завершившего работу.

Сквозь дыру виднелся турианский шаттл, соединенный со станцией платформой с герметичным рукавом, напрямую выходящим из шлюза шаттла. Еще трое турианцев — выжившие из второго взвода — появились из шлюза, поприветствовав их и отдав честь командиру.

— Рассказывайте, что случилось с остальными, — приказала она.

— Ледиус, Эрастиан и я отстали от остальных, чтобы осмотреть дополнительные отсеки, — ответил один из них. — Они столкнулись с вражеским отрядом. Когда мы прибыли на место, бой уже закончился, и все они были мертвы.

— Все шестеро? — спросила она, недоверчиво повышая голос.

— Большинство убиты в рукопашном бою. Похоже, на них напали сзади из засады трое или четверо противников.

— Их тела будут возвращены к Палавену, — заверила их Динара, — а их души вернутся в легион.

Все шестеро турианцев склонили головы и застыли в минуте молчания. Затем Динара включила передатчик в шлеме.

— Мы готовы улетать. Запечатайте этот сектор.

— Так точно, командир.

После короткой паузы раздалась три длинных предупреждающих гудка сирены, за которыми последовал тяжелый стук закрывающихся переборок, отсекающих все коридоры, ведущие к поврежденной части станции, так чтобы не подвергнуть декомпрессии весь комплекс, когда турианский шаттл отстыкуется.

Закончив с этим, турианцы поднялись на борт своего корабля. Жнецы заставили Грейсона последовать за ними. Шаттл был небольшим, но в нем хватало места для десяти пассажиров, не считая двух пилотов в кабине. С каждой стороны было по пять сидений, смотрящих друг на друга.

Двое турианцев прошли вперед в кабину. Трое других заняли места с одной стороны, а Грейсон и командир сели напротив.

— Мы не можем предложить вам еды или питья, — извинилась Динара, устраивая Грейсона на сиденье. Кресло с трудом можно было назвать удобным — оно было сконструировано под комплекцию турианцев. — Все наши припасы турианские. Для вас они могут оказаться ядовитыми.

Жнецы кивнули головой Грейсона.

— Летим обратно на Цитадель, — приказала командир пилотам. — И передайте им, что мы спасли одного пленника. Похоже, ему понадобится медицинская помощь.

— Лучше всего передайте им скан сетчатки, — добавила она. — Он слишком накачан наркотиками и не помнит своего имени.

Двигатели запустились, раскручивая ядро эффекта массы. Пилот ввел координаты, и Грейсон ощутил знакомое давление, когда корабль стал разгоняться до скорости света, двигаясь в сторону ближайшего ретранслятора.

Пока шаттл не вышел из сверхсветового полета, они оставались совершенно изолированными от внешнего мира, невидимыми для сканеров или радаров и были не в состоянии передавать или принимать сообщения — идеальный момент для удара врага, притаившегося внутри.

Грейсон почувствовал, как Жнецы набирают энергию, и начал бороться с ними изо всех своих сил. Он не особо любил турианцев, но не хотел, чтобы его освободители пострадали... особенно от его собственных рук.

Все на борту, кроме него, были вооружены и одеты в броню. Вполне возможно, ему удастся убить двоих или даже троих, но остальные быстро прикончат его. В тесноте шаттла использовать огнестрельное оружие было опасно, но они могли пустить в дело ножи или просто забить его до смерти прикладами штурмовых винтовок. Это будет грубо, жестоко и некрасиво. Он не хотел уходить из жизни таким образом.

Жнецы были слишком поглощены турианцами, чтобы обрушить на Грейсона очередную волну мучительной боли, но его попытки помешать их планам привели лишь к тому, что его лицо исказила жуткая гримаса.

Капитан турианцев взглянула в его сторону, и ее глаза в тревоге расширились.

— Вы в порядке? Что случилось?

В ответ кулак Грейсона со всей силы врезался ей в голову, разбивая стекло шлема и твердый панцирь, закрывающий лицо, мгновенно убив ее. Разум Грейсона испустил безмолвный крик боли, когда кости его руки треснули от силы удара.

Не замечая его страданий, Жнецы выпустили мощную биотическую волну, направленную на трех турианцев, сидящих напротив, прежде чем те успели среагировать на жестокое убийство своего командира. Биотическая сила приподняла их с кресел и ударила о стену корабля позади, выбив воздух из легких. Они свалились на пол, пытаясь восстановить дыхание.

Неповрежденной рукой Грейсона Жнецы вытащили пистолет из-за пояса капитана. Затем заставили его встать и сделать три смертельных выстрела в беспомощных турианцев на полу.

Пойманные врасплох этим непредсказуемым нападением, двое турианцев в кабине только сейчас вскочили со своих кресел, чтобы помочь друзьям. Грейсон выпустил из руки пистолет и бросился к ним с такой скоростью, что мир вокруг превратился в размытое пятно.

Здоровой рукой он обхватил запястье ближайшего турианца и рывком бросил его на пол, отшвырнув в хвост шаттла, где тот с тяжелым стуком приземлился он тела своих сородичей.

На все это ушло ровно столько времени, чтобы второй турианец успел поднять штурмовую винтовку. Но когда он нажал на курок, Грейсон ударил по стволу, опустив его вниз. Поток пуль, отразился от пола шаттла и рикошетом разлетелся по всей кабине.

Несколько пуль попали в Грейсона: одна прошла через плечо поврежденной руки, другая через колено, еще две попали в бедро. Раздался крик боли — это оглушенный турианец в хвосте шаттла тоже поймал несколько выстрелов.

Грейсон выбил винтовку у противника своей здоровой рукой так же легко, как рассерженный отец отнимает игрушку у разбаловавшегося ребенка. Он размахнулся винтовкой, словно дубинкой, обрушив ее на шлем турианца. Послышался приглушенный хрип, и бесчувственное тело свалилось на пол.

Игнорируя боль от пуль в колене и бедре Грейсона, Жнецы развернули его на месте, заставив прыгнуть в заднюю часть шаттла, где еще живой турианец пытался подняться на ноги. Удар Грейсона отправил его обратно на пол. Затем Жнецы заставили Грейсона поднять ногу в тяжелой ботинке и ударить турианца в спину, а потом еще раз, и еще раз, и еще, ломая кости и позвоночник, разрывая легкие, отчего по полу растеклась лужа пузырящейся сине-фиолетовой крови.

Только когда тело турианца под башмаком Грейсона превратилось в безжизненную, бесформенную массу, Жнецы остановились. Целенаправленными движениями, но без спешки, они сложили все тела — в том числе и все еще не пришедшего в сознание турианца, которого Грейсон ударил прикладом по голове, — в воздушный шлюз.

Если бы Грейсон сохранял контроль над своим телом, его бы, наверное, стошнило от столь жестокой расправы. Но Жнецы не давали ему проявить никакой физической реакции.

Ужаснее всего казалось то, с каким холодным, эффективным расчетом вся эта дикая атака была спланирована и приведена в исполнение. Грейсон не чувствовал злости или ярости со стороны Жнецов — они просто использовали его в качестве оружие. Это побоище не было продиктовано ненавистью или хотя бы садистским желанием уничтожить органическую жизнь. Жнецы проанализировали ситуацию, определили оптимальный порядок действий и последовательно реализовали их без малейшего намека на эмоциональность.

Это больше всего остального приводило в ужас человека, ставшего для них вместилищем. Казалось, это символизирует неотвратимость Жнецов, то, что ничто не способно остановить их в их непреклонном, бесстрастном преследовании поставленной цели.

Когда все тела были сложены в шлюзе, Жнецы заставили Грейсона занять место в кабине. Его здоровой рукой они ввели ряд команд, сначала отключив передатчик, а затем выведя шаттл из сверхсветового режима.

Грейсон был опытным пилотом, но его не учили управлять турианскими кораблями. В одиночку ему, скорее всего, пришлось бы осваивать системы методом проб и ошибок, но Жнецы действовали с точностью и уверенностью. Они обладали доскональным знанием турианской технологии, и у него возникло лишь одно разумное объяснение.

Жнецы собирали информацию о нем и его окружении, записывая все, с чем сталкивались. Он не знал, сколько чужаков захватило его голову; иногда казалось, что это лишь одно существо, а иногда, что их там миллиарды. В любом случае, можно было предположить, что они могли делиться между собой любой информацией, которую собирали. Следуя этой логике, если Жнецы когда-либо владели турианцем достаточно долго, они могли выучить практически все, что можно об их расе. А сейчас они использовали

Грейсона, что узнать все о человечестве.

Жнецы нажали кнопку продувки шлюза, выбросив тела в ледяной вакуум космоса. Затем они заложили новый курс — слишком быстро, чтобы Грейсон успел разобрать цель назначения, — и снова прыгнули на сверхсветовую скорость. После этого, несмотря на его героические попытки противостоять их воле, Жнецы закрыли его глаза и заставили заснуть.

Глава 12

Занимаясь на беговой дорожке, Кали концентрировалась на своей технике. Она не верила, что можно просто монотонно передвигать ноги, пока не запыхаешься и не взмокнешь от пота. Для нее бег был настоящим искусством — содержание следовало форме. Она поддерживала оптимальную длину шага, сохраняла дыхание под контролем и сосредоточилась на движениях рук в такт с каждым шагом. Ее темп никогда не сбивался с заданного ритма, и километры — да и минуты — катились незаметно.

Турианские ударные команды отбыли примерно 12 стандартных часов назад. Четыре часа спустя Служба Безопасности Цитадели неожиданно арестовала ключевых агентов «Цербера» для допроса, в том числе многих высокопоставленных должностных лиц Альянса. Как только аресты были закончены, Ориния ушла наблюдать за процессом допросов. Она еще вернется.

Андерсон, поглощенный водоворотом встреч с представителями Альянса и Турианской Иерархии в попытке предотвратить политическую катастрофу, был также вынужден уйти. Так Кали осталась одна в турианском посольстве, предоставленная сама себе, ожидая их возвращения. Она не любила ждать.

Терпение никогда не было ее сильной стороной. Она использовала это время для решения нескольких задач одновременно. Когда ей было скучно или беспокойно, когда она чувствовала, что мир вокруг нее словно замирал, она с головой бросалась в свою работу, в надежде занять свой разум трудной или даже на первый взгляд неразрешимой проблемой.

Для этого она пыталась анализировать данные «Цербера», но, как и в прошлый раз, она не смогла выстроить логическую цепочку фактов. Тем временем турианские ударные группы наверняка уже были приведены в действие. Она использовала ряд других методов, чтобы отвлечь себя — серфинг экстранета, анализ данных, полученных от детей из проекта «Восхождение», даже просмотр романтических комедий, но ничего не помогало. Осознание того, что осуществление плана по уничтожению «Цербера» началось, не давало ей сосредоточиться на чем-нибудь еще.

В конце концов, она прибегла к грубой, но эффективной терапии: физическим нагрузкам. Со стороны турианцев было любезностью предложить ей доступ к фитнес-центрам их посольства, и за последние три часа она погрузилась в тренировки, внутренне наказав себе ожидать обновления информации об ударных командах.

Почувствовав небольшую боль в левом колене, она неохотно снизила скорость на беговой дорожке до шага. Как классический представитель характера А-типа, она имела привычку переусердствовать сверх меры в том, чем занималась. Пережив много болезненных травм и нервных стрессов в молодости, она, наконец, научилась обращать внимание на предупреждающие сигналы, которые подавало ее тело.

При более медленном темпе, однако, ее ум начал снова возвращаться к тем вопросам, от которых она так старалась абстрагироваться. Смогут ли турианцы действительно одолеть «Цербера»? Возможно ли, что они могут на самом деле захватить Призрака? Удастся ли им отыскать Грейсона? И что они предпримут, если окажется, что он еще жив?

Вопросы терзали ее, заставив снова увеличить темп. Но теперь, когда они, трансформировавшись в навязчивые идеи, прочно обосновались в ее голове, их не удавалось загнать обратно в подсознание. Спустя еще 20 минут она прекратила занятия на беговой дорожке.

Она обещала оставаться в стороне до тех пор, пока миссия не будет закончена, но

терпеть больше не было сил. Настало время пойти в кабинет турианского посла и потребовать ответов на свои вопросы!

Теперь, когда она нашла себе занятие, даже принимать душ казалось ей невыносимой тратой времени. Вытирая лоб и шею полотенцем, она направилась к двери, распахнула ее и столкнулась прямо с Оринией и Андерсоном, входившими с другой стороны.

— Кали, стой! — воскликнул Андерсон. Он инстинктивно поднял руки, хватая ее за голые плечи и гася инерцию ее движения, чтоб избежать неминуемого столкновения.

Его хватка была твердой, но не грубой. И вдруг осознав, что ее кожа покрывается потом, Кали быстро отступила назад, высвобождаясь из его рук.

— Мы как раз искали вас, — объяснила Ориния. — У нас есть информация об операции.

Будучи не в состоянии разобрать эмоции турианки по выражению ее инопланетного лица, Кали взглянула на Андерсона, пытаясь быстро определить, как прошла операция. Она заметила, как он провел руками по бедрам, пытаясь незаметно вытереть пот, оказавшийся на его ладонях, когда он схватил Кали за плечи. Она покраснела от смущения, надеясь, что он примет это за результат недавних физических упражнений.

— Удина сильно зол, — объяснил Андерсон, и ей показалось, что он так же смущен, как и она. — Говорит, что я создал политическую дерьмо-бурю, разгрести которую можно будет в лучшем случае за несколько месяцев.

Он не стал углубляться в детали миссии, и по выражению его лица она поняла, что не все прошло именно так, как планировалось.

— Скажи мне, что произошло.

— Все базы «Цербера» были нейтрализованы, — проинформировала ее Ориния. — К сожалению, потери среди турианцев составили почти 20 процентов, то есть примерно вдвое больше, чем мы ожидали. И мы не смогли задержать Призрака.

— А Грейсон? — спросила Кали, боясь, что уже знает ответ.

— Команда Динары нашла его на орбитальной станции в Граничных Системах, — ответила Ориния.

— Он был еще жив, — быстро вмешался Андерсон. — Они прислали нам сканирование сетчатки глаза, чтобы подтвердить его личность.

Ей следовало бы почувствовать облегчение, услышав эти новости, но что-то в его словах остановило ее.

— Зачем понадобилось сканирование сетчатки? Почему он не мог просто сказать им, кто он? Что-то пошло не так?

— Динара и ее команда забрали Грейсона на борт своего корабля и передали послание, что они возвращаются на Цитадель. Это было 3 часа назад. С тех пор мы ничего от них не слышали.

— Они должны были преодолеть по крайней мере три ретранслятора, чтобы вернуться обратно на Цитадель, — предположила Кали, не желая сдаваться. — Это могло занять больше времени, чем три часа.

— Каждый раз, когда они проходили через ретранслятор, они должны были бы оставить суб-след путешествия, — объяснила Ориния. — Стандартная турианская военная процедура требует от них передавать обновленный сигнал и план полета каждый раз при переходе через ретранслятор. Мы же не имели контакта с ними с момента первоначального сообщения.

— Что могло случиться, как вы думаете? — спросила она, отказываясь воспринимать плохие новости.

— Мы не знаем, — признался Андерсон. — Возможно, у них появились определенные сложности со связью. Кали знала, что корабли были разработаны со слишком большим количеством поддерживающих друг друга систем, и чтобы случилось нечто вроде этого, должны были бы быть серьезные причины. Любая механическая неисправность могла задержать их, но, по крайней мере, они могли подавать сигналы бедствия. Если это

техническая неполадка, возможность того, что они живы, была практически равна нулю.

— Есть и другие варианты, — напомнила им Ориния. — Граничные Системы — рай для работоторговцев и пиратов.

— Окажется ли кто-нибудь из них глуп настолько, чтобы атаковать турианский военный корабль? — поинтересовалась Кали.

— Наверное, нет, — признал Андерсон. — Мы должны рассмотреть вариант, что их исчезновение как-то связано с «Цербером». Может быть, это сделано в отместку за нападение.

— Мы не обнаружили у них даже признаков судов или ресурсов, пригодных для того, чтобы нанести ответный удар так быстро, — возразила Кали. — Даже если Призрак все еще там.

— Если только они не взяли управление кораблем на себя, мрачно предположила Ориния.

Прошла секунда, прежде чем Кали поняла, что она имеет в виду. Она яростно затрясла головой:

— Нет! Это невозможно. Грейсон не предатель.

— Но мы должны рассмотреть и такую возможность, — настаивала Ориния. — Ни одно из других объяснений не имеет никакого смысла.

— Мы получили эту информацию только благодаря Грейсону! — протестовала Кали. — Почему он помогает нам в борьбе с «Цербером», если работает на них?

— Может быть, он пытается свергнуть Призрака, — предположила Ориния. — Использовал турианцев, которые сделали за него всю грязную работу. Это было бы мастерской уловкой.

— Я знаю Грейсона, — заявила Кали. — Я ему доверяю. Он бы этого не сделал.

Она повернулась к Андерсону, ища поддержки.

— Ты веришь мне, не так ли?

— Кали, — спросил он, внезапно посерьезнев. — Грейсон принимает наркотики?

Неожиданность данного вопроса полностью дезориентировала ее.

— Почему ты спрашиваешь?

— Сканирование сетчатки, высланное Динарой, чтобы подтвердить его личность, было мутным. Розовым. Похоже на то, что он принимал красный песок.

— Ублюдки, — прошипела Кали, и лицо ее исказилось от ярости. — Он уже два года как завязал. Два года! Они, должно быть, использовали наркотики, пока он был у них в плену, чтобы попытаться получить какие-то рычаги воздействия на него. Садисты! Сукины дети!

— Как ты можешь быть уверена в том, что случилось? — настаивал Андерсон. — Наркоманы не всегда самые надежные люди. Может быть, он снова развязался. Все что нужно было бы «Церберу» — это подождать, пока он не вышел из тени, а затем предложить ему исправиться в обмен на информацию.

— Он не мог так снова поступить! — возразила Кали. — Он круто изменил свою жизнь.

Андерсон ничего не говорил, но она могла высказать ему свои сомнения.

— Я верю в него, — объяснила она ему. — Так почему же для тебя так сложно согласиться со мной?

— Ты не всегда поступала правильно, — сказал он, тщательно подбирая слова. — Прошло немало времени, прежде чем ты сама убедилась, что работа доктора Чианя была опасной, и сообщила об этом Альянсу.

— Это было 20 лет назад. Тогда я была молодой и наивной, — пояснила она.

— А Джиро Тошива?

Кали не поняла, откуда Андерсон знал о ее бывшем коллеге по проекту «Восхождение», хотя это было неудивительно — отчеты проходили через его стол. Кроме того, что Джиро был ее любовником, он оказался агентом «Цербера», внедренным в проект.

— Это совсем другое, — пробормотала она, устремив на Андерсона хмурый взгляд. — Грейсон больше не с «Цербером». Он обернулся против них ради своей дочери. Он никогда бы не вернулся к ним.

— Может быть, не по своей воле, — ответила Ориния. — Но мы нашли доказательства медицинских экспериментов на той станции, где его держали в плену. Эти данные очень сильно зашифрованы, но мы думаем, что «Цербер» исследует какую-то форму психического господства и контроля разума.

— Это безумие! — закричала Кали. — Грейсон — жертва, а не враг!

— Ориния просто беспокоится за своих людей, — сказал Андерсон, пытаясь успокоить ее. — Она не хочет больше терять солдат, и у нас и так слишком много вопросов без ответов.

— Тогда позвольте мне помочь найти ответы, — сказала Кали, хватаясь за эту возможность. — Пришлите мне данные экспериментов «Цербера». Дайте мне посмотреть на их результаты, и я выясню, что они сделали с Грейсоном.

— Мы выслали на станцию наших специалистов, — ответила Ориния, отклоняя ее предложение.

Кали закусила губу, чтобы не вспылить в ответ, это принесло бы больше вреда, чем пользы. Она хотела сказать, что имеет двадцатилетний опыт анализа передовых научных экспериментов во всем, начиная от искусственного интеллекта до зоологии. Она хотела напомнить Оринии, что она была широко признана в качестве наиболее ценного статистического аналитика в Альянсе. Она хотела бы отметить, что на протяжении последних десяти лет она непосредственно изучала влияние синтетических биотических имплантатов на человеческий мозг и нервную систему. Она хотела бы обратить ее внимание на то, что шансы найти другого человека в Пространстве Совета с сочетанием знаний, опыта и таланта, равного ей практически равны нулю. И ей хотелось кричать, что она за один час сможет сделать для них больше, чем вся команда так называемых турианских экспертов — за неделю.

Но взрыв негодования на посла не поможет делу. Вместо этого, она попыталась представить разумные и резонные аргументы.

— У меня есть некоторый опыт в этой области.

— Также как и у нас, — перебила ее Ориния.

Кали сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, а затем продолжила:

— Ученые «Цербера» — люди. Они будут думать, как люди, используя методики и процессы, принадлежащие к моей культуре. Все это очень отличается от того, с чем знакомы ваши ученые.

Биология и общество вместе создают знакомые, узнаваемые модели в сознании каждой индивидуальности в пределах одного вида. Способ шифровки данных — даже способ их организации и систематизации — будет более понятен мне, чем любому турианцу, даже самому гениальному.

Ориния ответила не сразу, без сомнения, взвешивая преимущества отправки Кали для анализа данных и то, чем она рискует, давая человеку возможность присоединиться к все еще, по сути, турианской миссии.

— Если есть какая-либо надежда найти Динару и ее команду живыми, мы должны действовать быстро, — отметил Андерсон, играя на чувстве долга посла по отношению к ее солдатам. — Ваши люди смогут рано или поздно разобраться с этим, но мы, черт возьми, увидим результат гораздо быстрее, если этим займется Кали.

Ориния кивнула, и Кали почти простила Андерсона за сомнения в ней насчет Грейсона.

— Мой шаттл уходит через час. Как быстро вы можете быть готовы?

— Только скажите мне, где я могу встретиться с вами, и я буду там, — заверила ее Кали.

— И я, — добавил Андерсон.

— Я думала, что ты должен остаться здесь, чтобы помочь Альянсу, — удивленно сказала Кали.

— Альянс собирается отправить меня в отставку, после того как все здесь утрясется, поэтому я перепоручил текущие дела Удине, сказав ему, что он отвечает за расследование своей задницей, и я пока свободен.

— Дэвид, — сказала Кали, положив руку ему на плечо. — Мне очень жаль.

— Не стоит, — сказал он, пожимая плечами. — Меня тошнит от политики. Когда-то я гордился тем, что делаю, я чувствовал, что действительно могу принести своими действиями пользу галактике. А затем я стал канцелярской крысой, и все, что я пытался сделать, оказывалось погребено под горой политической чуши. Может быть, это мой шанс сделать что-то важное в последний раз, прежде чем я отравлюсь в бессрочный отпуск.

— Я скажу пилоту шаттла, чтобы ожидал вас обоих, — сказала Ориния. — Не опаздывайте, — предупредила она их, направлявшихся к двери. — Нас, турианцев, можно обвинять во многом, но не в отсутствии пунктуальности.

Глава 13

Призрак сидел в кресле в своем кабинете, погруженном в темноту, и смотрел на умирающую красную звезду, которая занимала широкую панораму окна. Он позволил разуму расслабиться, его чувство уверенности и контроля над ситуацией снова возвращалось к нему, когда он оказался в знакомой — и безопасной — обстановке. Турианцы нанесли «Церберу» серьезный урон по многим направлениям, но, к счастью, они не смогли нанести удар в истинное сердце организации.

Как бы ни был предусмотрителен Призрак с агентами и операциями, он становился параноиком, когда речь шла о защите этого конкретного места. Включая Кай Ленга, который был на борту сейчас, только шесть агентов «Цербера» бывали на этой космической станции. Каждый раз после их визита экипаж переводил станцию в другой сектор звездной системы, как только гость уходил.

Подвижность и мобильность сохраняли тайну, равно как и жесткие методы отбора, используемые для набора команды членов экипажа. Два десятка агентов «Цербера», находившиеся на безымянной космической станции, служили в его святая святых и были самыми верными и преданными его последователями. Это были ревнивые фанатики.

Они были отобраны в ходе серии психологических тестов «Цербера», представлявших из себя документы с разными степенями важности, также частью их обучения была едва различимая, но эффективная программа пропаганды, зажигающая пламя страстной веры в своего лидера. Люди, работающие здесь, не просто уважали его — они его боготворили. Поклонялись ему. Каждый из них отдал бы за него свою жизнь без каких-либо вопросов или сомнений, стоило ему только приказать.

Временами Призрак задавался вопросом, насколько далеко он переступал черту. Было ли превращение себя практически в бога необходимой мерой безопасности, или же это просто способ потешить собственное эго?

События последних 24 часов неопровержимо ответили на этот вопрос. Турианцы нанесли «Церберу» беспощадный удар. Многие из его ключевых агентов внутри Альянса в настоящее время были арестованы турианцами и содержались под стражей. Одни откажутся говорить, даже несмотря на угрозу смертного приговора за государственную измену в отношении Совета. Другие, однако, с готовностью пойдут на сотрудничество, желая спасти свою шкуру. Ряд пока еще не раскрытых агентов либо сдадутся властям, чтобы смягчить себе наказание, либо бросят свои выдуманные личности и пустятся в бега, как только все начнет рушиться подобно костяшкам домино.

Огромная финансовая сеть компаний и корпораций, которые помогали «Церберу» — некоторые сознательно, другие невольно — вот-вот будет раскрыта и уничтожена. Личный капитал Призрака не внушал никаких опасений за свою судьбу, но стоимость содержания такой организации, как «Цербер», была астрономической, и пока он будет перестраивать сеть финансовой поддержки, организация будет финансироваться за счет его средств.

Однако большее беспокойство, чем потеря своего состояния и его внешних источников внутри Альянса, вызывало уничтожение многих стратегически важных оперативных подразделений. Турианцы захватили две военные тренировочные базы и четыре основные исследовательские лаборатории. По сведениям, которые он сумел собрать, было ясно, что почти никто из научного персонала не уцелел, и это означало, что помимо уничтоженных триллионов долларов в виде оборудования, оружия и ресурсов, некоторые из самых блестящих специалистов, привлеченных к его делу, были также потеряны.

Однако, несмотря на ущерб, «Цербер» был еще жив. Сеть последователей Призрака была намного больше, чем Альянс мог себе даже представить. Были и другие базы научных исследований и учебных заведений, которые находились в системах как внутри, так и вне Пространства Совета. Рассеянная сеть агентов, действующих независимо по всей галактике, сохранилась.

Через эту неприступную космическую станцию, известную только нескольким наиболее надежным людям, Призрак мог по-прежнему контролировать и направлять своих последователей, оставаясь скрытым ото всех — и от врагов, и от друзей. Постепенно он восстановит то, что было утрачено. Он будет собирать средства, воссоздавая политическую и экономическую теневые империи, которые поддерживали его раньше. Он привлечет новых последователей и построит новые лаборатории для замены тех, которые были разрушены. Он уже составил план чрезвычайных мер, в котором согласованы имена новых сотрудников, которые будут назначаться на ключевые посты в Альянсе.

Но все это в будущем. В настоящее время перед ним по-прежнему стояла одна проблема — Грейсон все еще оставался на свободе. Он знал, что Кай Ленгу не терпится найти предателя, но он нуждается в помощи и поддержке, чтобы выследить и уничтожить монстра, которого они создали.

Но «Цербер» не сможет сделать это в одиночку. Его организация сейчас уязвима. Он должен быть осторожным. Его враги не будут удовлетворены простой остановкой деятельности «Цербера», они не успокоятся, пока Призрак не будет мертв или не окажется в тюрьме. Они будут следить за его усилиями по восстановлению, будут смотреть и ждать, когда он снова начнет действовать, пристально наблюдая за теми, кто мог симпатизировать и помогать его делу. Идти на контакт с потенциальными союзниками сейчас было слишком опасно, решение заключалось в другом.

Чтобы одолеть Грейсона, ему придется искать помощи за пределами человеческой расы и даже за пределами Пространства Совета. Ради будущего человечества ему придется проглотить свою гордость и попросить помощи у тех, кого «Цербер» презирал больше всего — у представителя чужой культуры.

Все это началось на Омеге. И если он хочет, чтобы все закончилось, он должен будет отправить Кай Ленга назад.

Кали и Андерсон спустились из шаттла по трапу, ступая позади турианских солдат, которые были направлены, чтобы встретить их. Полдюжины ученых, которых Ориния отправила с ними, высадились из соседнего шаттла и следовали за ними поодаль.

Стыковочный отсек станции «Цербера» был достаточно велик, чтобы вместить не только их собственный корабль, но и корабли турианских ударных групп, которые изначально захватили станцию. Но даже со всеми кораблями, здесь было достаточно места для тел погибших.

Турианцы еще не закончили очищать место нападения. Несколько погибших турианцев были с уважением отодвинуты в дальний угол, руки сложены на груди, их оружие лежало рядом с ними.

В контрастном отличии, человеческие жертвы были беспорядочно сброшены в середине стыковочного дока. Ими занималась группа турианцев, механически совершавших одни и те же действия. Когда они заканчивали с очередным убитым, двое из них поднимали

тело — один держал за запястья, а другой за лодыжки — раскачивали его и бросали в быстро растущую кучу трупов у дальней стены.

«Цербер» был врагом, но Кали почувствовала, как с подлинным отвращением смотрит на чужаков, обирающих тела ее сородичей. Она взглянула на Андерсона, он заметил это, многозначительно направив взгляд в другую сторону.

— Они могли бы проявить больше уважения к мертвым, — тихо прошептала она, чтобы сопровождающий их турианец, шедший в нескольких шагах впереди, не расслышал ее слов.

— Турианцы беспощадны к своим врагам, — так же тихо напомнил ей Андерсон. — Вспомни, что они сделали с кроганами.

Кали кивнула, вспоминая, как турианцы запустили генофаг на родной планете кроганов — это биологическое оружие стерилизовало 99,9 процента населения. «Цербер» навлек на себя такое отношение, открыто заявив о своем намерении уничтожить или подчинить землянам все остальные расы в галактике. С точки зрения турианцев, они вели войну за свое выживание.

Было не похоже, что они собираются выбросить тела в космос; все погибшие будут отправлены обратно Альянсу для идентификации. Вот что беспокоило саму Кали, она не могла не думать о том, что кому-то нужно будет оповестить семьи погибших. Сообщать подобное родителям или супругам всегда тяжело, но еще тяжелее говорить родственникам, что их любимый человек — предатель Альянса.

К счастью, их проводник двигался быстро, и вскоре они оставили ужасы стыковочного отсека позади. Он вел их по лабиринту коридоров и залов космической станции «Цербера». Признаки боя — пятна крови на стенах и на полу, подпалины и зазубрины от патронов — были по-прежнему ясно видны.

Проходя мимо открытой двери, Кали заметила что-то уголком глаза.

— Подождите, — отозвалась она. — Подождите секунду. Что там, в задней комнате?

Их проводник остановился и медленно обернулся. Было ясно, что он не хотел выполнять просьбы человека. Но Ориния обещала Андерсону, что турианцы на станции будут сотрудничать с ними, и он не хотел ослушаться своего начальника.

— Это какой-то операционный центр, — ответил он.

— Я хочу взглянуть.

Проводник кивнул, и Кали с Андерсоном прошли в комнату. Турианские ученые последовали за ними, их вело собственное любопытство.

Комната была пуста, почти без мебели. Яркая лампа свисала с потолка в центре. Под ней была установлена каталка с кожаными фиксирующими ремнями. Ремни и каталка были забрызганы засохшей кровью, равно как и пол вокруг нее.

— Они не использовали обезболивающие, — пробормотала Кали, чувствуя подступающую тошноту.

Медицинское оборудование на колесах было придвинуто к дальней стене. Некоторые аппараты были знакомы Кали по ее работе в проекте «Восхождение»: ЭЭГ монитор, эндоскоп, черепная дрель. О предназначении других, более зловещих на вид машин, она могла только догадываться.

Она быстро осмотрела каждый предмет, пытаясь понять, для чего все это можно было использовать. В то же время она старалась не представлять себе кричащего Грейсона, которого подвергают странным медицинским истязаниям.

Закончив осмотр, она и остальные члены группы вернулись обратно в зал, где их ждал проводник.

— Мне нужно посмотреть, где содержался Грейсон, — сказала она.

— Мы должны пройти в лабораторию, — сказал он. — Следуйте за мной.

Они продолжали двигаться через станцию, пока не достигли помещения, которое, очевидно, было основной исследовательской лабораторией станции. В центре комнаты находился большой комплекс компьютерных терминалов — базы данных. Некоторые из

терминалов были заняты турианцами, делавшими все возможное, чтобы взломать систему безопасности — уровень за уровнем.

Процесс анализа данных «Цербера» должен был пройти в три стадии. Первая — зашифрованные данные должны были быть тщательно извлечены из базы данных. Затем они должны были расшифрованы. И, наконец, их проанализируют Кали и другие ученые.

Один из техников ходил по комнате, от терминала к терминалу, координируя работу команды по извлечению данных.

— Вы, должно быть, доктор Сандерс,— сказал он, протягивая руку. — Меня зовут Сато Давария.

Кали пожала ему руку, то же сделал и Андерсон.

— Адмирал Дэвид Андерсон,— представился он.

— Для меня честь встретиться с вами, сэр,— ответил турианец с неподдельной искренностью.

Турианцы были военным обществом, поэтому неудивительно, что кто-то с такой выдающийся карьерой и репутацией, как у Андерсона, был им известен.

— Мне нужно увидеть, где держали Грейсона, — сказала Кали.

Сато посмотрел на их проводника, который кивнул, показывая, что он должен выполнить ее просьбу.

— Сюда,— сказал он, пропуская их через маленькую дверь в задней части лаборатории. Другие ученые столпились за ними; в определенной степени они, видимо, решили подчиниться Кали, по крайней мере, на какое-то время.

Дверь вела в комнату наблюдения. Здесь было большое окно, вероятно одностороннее, с видом на скудно обставленную камеру ниже. Единственным выходом из комнаты наблюдения была небольшая спиральная лестница, ведущая вниз.

Сато провел их вниз по лестнице в небольшой коридор, заканчивающийся дверью в камеру. Кали толкнула ее и вошла внутрь.

Неприятный запах витал в спертом воздухе — смесь пота, мочи и кала. Здесь была небольшая койка в одном углу и туалет в другом. В одну из стен была встроена полка с водой в бутылках и пакетами с продовольствием. Некоторые из комплектов питания были разбросаны по полу.

— Ни раковины. Ни зеркала. Ни душа, — отметила Кали. — Они относились к нему, как к животному. Пытались лишить его человеческого достоинства.

— Он был обнаженным, когда его обнаружили,— подтвердил Сато.

— Поднимемся наверх,— сказала Кали. — Я хочу посмотреть, что вы вытащили из базы данных.

— Мы движемся вперед, — объяснял Сато, пока они поднимались по лестнице, — но достаточно медленно. Пока создается ощущение, что во всем этом комплексе был только один подопытный объект. Мы расшифровали то, что может быть предварительными результатами эксперимента. Но наша задача состоит лишь в том, чтобы извлечь информацию. А вот вам предстоит определить, что все это значит.

Когда они добрались до лаборатории, Сато занял место за одним из открытых терминалов. Он начал листать файлы, пока не нашел нужные. Он нажал пальцем на сенсорный интерфейс, заставив документ развернуться, в результате чего все экраны заполнились целым набором диаграмм, графиков и числовых данных.

Он поднялся с кресла, чтобы Кали могла сесть, а сам встал у нее за спиной, наблюдая, как она стала пролистывать данные. Андерсон подошел и занял аналогичную позицию с другой стороны, выражая тем самым свою поддержку.

— Видите эту таблицу?— сказала она, касаясь одного из окон, чтобы оно расширилось и выдвинулось на переднюю часть дисплея. — Такие данные мы снимаем при работе с детьми, которым недавно вживили биотические усилители.

— Что это значит? — спросил Андерсон.

— Это подтверждает теорию, что «Цербер» имплантировал что-то Грейсону.

Возможно, какие-то экспериментальные кибернетические усилители.

Она по-прежнему смотрела на данные, а затем замерла, когда узнала что-то из прошлого и задрожала от холода, проползшего по спине.

— Я уже видела это раньше, — тихо сказала она. — Исследования усовершенствованного искусственного интеллекта. Давным-давно над чем-то подобным доктор Чиань работал на Сайдоне.

— Ты уверена? — спросил вдруг что-то понявший Андерсон.

— Уверена.

— Это должно быть как-то связано со Жнецами, — сказал Андерсон.

Незнакомая с этим именем, Кали спросила:

— Что за Жнецы?

Андерсон запнулся, собираясь с мыслями. Или, может быть, просто думал, как преподнести ту удивительную информацию, которую он знал.

— Они раса огромных, сверхразумных кораблей, запертых в глубинах темного космоса. Они уничтожили Протеан 50 тысяч лет назад. Теперь они ищут способ вернуться, чтобы снова уничтожить всю разумную органическую жизнь.

Кали заморгала от удивления.

— Я никогда в жизни не слышала ничего более фантастического.

— Я знаю, что это звучит как бред сумасшедшего, — признался Андерсон, — но это правда. Когда Сарен вел армию гетов против Цитадели, они следовали не за ним. Они отвечали на зов Жнеца. Сарен бы только агентом под его контролем.

— Сарен Артериус был предателем, — резко оборвал его Сато голосом, полным горечи. — Не пытайтесь оправдать его действия какой-то бредовой историей.

Кали знала, что Сарен был больной темой для турианцев. Хотя однажды он был почитаем как герой своего народа, его предательство сделало его источником позора для всей расы. Но Андерсон тоже не питал к нему особой симпатии. Он не стал бы говорить об этом, если бы не верил в то, что собирался сказать.

— Если это правда, — сказала она, все еще пытаюсь осмыслить эту идею, — то почему я не слышала об этом раньше? Это должно было появиться во всех официальных источниках.

— Совет замял историю. Они сказали, что нет никаких реальных доказательств, и они не хотят, чтобы эти события стали причиной массовой паники. Но я работал с командером Шепардом. Я видел отчеты без цензуры. Жнецы реальны.

— В любом случае все это чертовски далеко от того, чем занимался Чиань, — заметила Кали.

— Ты говорила мне, что Чиань, был одержим какой-то древней, сверхпродвинутой технологией искусственного интеллекта. Я думаю, он нашел что-то связанное со Жнецами. Сарен, должно быть, заполучил это, в ходе нашей миссии на Камале.

— Хорошо. Но я все равно не вижу связи с «Цербером».

— Несколько месяцев назад «Цербер» узнал, что Коллекционеры похищали людей из отдаленных колоний в Граничных Системах, чтобы проводить ужасные эксперименты на них. «Цербер» остановил Коллекционеров, и они обнаружили, что те работали на Жнецов ... как Сарен!

— Откуда вы все это знаете? — требовательно спросил Сато.

— Я видел отчеты о миссиях, — заверил их Андерсон. — Я разговаривал с людьми, которые там были. Я не выдумываю.

— Это просто нелепо! — объявил главный технолог, и общий ропот турианских ученых в комнате поддержал его.

— Посмотрите на эти файлы, — продолжал настаивать на своем Андерсон. — Вы увидите, что я прав.

Все повернулись к Кали, ожидая ее мнения по этому вопросу. Она не собиралась оспаривать теории Андерсона, но и не была готова поддержать его. Не без дальнейших

доказательств в ту или иную сторону.

— Эти файлы скажут нам правду, — напомнила она им. — Но, чем бы ни занимался здесь «Цербер», мы должны во всем разобраться.

Глава 14

Кай Ленг не беспокоился, что заблудится среди извилистых улиц и кваталов Омеги — он знал дорогу. С последнего раза, когда он был здесь, его внешность была тщательно изменена. На этот раз, в соответствии с инструкциями Призрака, не маскировался, и облачился в обычную одежду.

Тем не менее, он был настороже. Хотя он казался спокойным внешне, его чувства были крайне обострены. Он не хотел нарваться на проблемы при посещении Омеги. Беззаконная станция была наводнена наемниками и преступниками, каждое случайное столкновение грозило внезапно перерасти в насилие.

Кай Ленг посмотрел на пару батарианцев приближавшихся к нему, его горящие глаза смотрели прямо на них, оценивая их в качестве потенциальной угрозы. Четырехглазые уроды заметили его взгляд. Он увидел секундное колебание в их глазах: что это открытая угроза, или они просто уйдут? В конце концов, они сделали правильный выбор и перешли на другую сторону улицы.

Когда Призрак впервые рассказал ему об идее, занимающей его в последнее время, Кай Ленг выразил скептицизм.

«Я не думаю, что Ария Т'Лоак фанат "Цербера"».

«Она деловая женщина, — заверил его Призрак. — По крайней мере, она выслушает наше предложение».

«А если она откажется?»

«Мы не ищем с ней вражды, — напомнил ему Призрак. — Мы пытаемся наладить партнерские отношения. Мне нужен кто-то, кому я могу доверить эту миссию, — продолжал он. — Просто говори и делай все в точности, как я сказал, и все пройдет так, как мы планируем».

Приблизившись к крогану-вышибале у входа, он заявил:

— Мне нужно видеть Арию Т'Лоак.

— Имя? — спросил кроган, готовый передать его кому-то внутри для подтверждения, что его ожидали.

— Я не в списке, — признался Кай Ленг.

— Значит, внутрь не попадете.

Пара пачек, по тысяче кредитов в каждой, неожиданно появились в руке убийцы. Он протянул руку и вложил деньги в тяжелую ладонь крогана.

— Взятка не поможет вам попасть в «Загробную жизнь», — заявил кроган, заливаясь грудным смехом, и протянул руку, чтобы вернуть кредиты Кай Ленгу.

— Скажи ей, что у меня есть сведения о человеке по имени Пол Грейсон, — настаивал Кай Ленг, отказываясь принимать деньги обратно. — Она могла знать его, как Пола Джонсона, — добавил он.

Глаза крогана сузились до тонких щелочек, но он все же включил передатчик, встроенный в воротник его формы.

— Передай сообщение Арии, — сказал он кому-то в клубе. — Некий человек здесь, хочет увидеть ее и сообщить о Поле Грейсоне. Или, может, о Поле Джонсоне. В списке его нет.

Прошло 30 секунд тишины, в ожидании ответа. Затем глаза крогана расширились от удивления, когда он услышал приказы, поступающие с другого конца.

— Да. Хорошо. Я сейчас же пропущу его внутрь.

Он повернулся к ожидавшему человеку.

— Ария послала сотрудника, чтобы встретить вас. Пройдите внутрь, получить пропуск.

Он вновь попытался вернуть кредиты Кай Ленгу.

— Оставь их себе, — ответил тот вышибале, выполняя приказ Призрака и пытаясь произвести благоприятное впечатление.

Кроган покачал массивной головой.

— Ария сказала, что для вас сегодня вечером все за счет заведения. В том числе плата за вход.

Кай Ленг взял кредиты обратно и сунул их в карман, а затем прошел по коридору за пропуском. В дополнение к паре вооруженных кроганов и паре вызывающего вида азари за стойкой, которых он видел здесь в предыдущий свой визит, батарианец ожидал на пункте контроля, чтобы встретить его.

— Положите все оружие на стойку, — заявил он.

— Я думал, посетителям разрешено носить оружие в клубе, — запротестовал Кай Ленг.

— Нет, если вы хотите лично встретиться с Арией, — ответил батарианец.

Кай Ленг колебался, не желая оставлять себя уязвимым во время прогулки в логово настоящего льва.

— Вы всегда можете подать заявку на внесение своего имени в список и вернуться, после того как мы проверим вас, — расхохотался батарианец. — Это займет всего-то одну или две недели.

Кай Ленг положил пистолет и нож на стойку. Одна из азари взяла его оружие и скрылась в задней части. Другая вручила ему пропуск, одарила его зазывным взглядом и подмигнула ему. Кай Ленг проигнорировал ее.

— Встаньте здесь для сканирования, — проворчал один из кроганов.

Как только все убедились, что он чист, батарианец провел его в клуб. Он продирался сквозь толпу, освобождая перед ним путь. Кай Ленг был рад, что не нужно было протискиваться сквозь вонючие, потные тела инопланетных посетителей вокруг него.

Клуб был таким же, каким его помнил Кай Ленг: отвратительно грязный вертеп с пьяными и побитыми лицами представителей всех рас, вращающихся друг напротив друга на переполненных танцполах под непрерывающуюся пульсацию музыки в стиле техно.

Они поднялись по лестнице на верхний этаж, где громкость музыки и толпы, по крайней мере, были несколько терпимы. Батарианец провел его через клуб, где Ария Т'Лоак сидела за столом на возвышении.

Азари-служанки сидели по обе стороны от нее. Рядом стоял огромный кроган, подобных которому Кай Ленг никогда не видел. При росте более 8 футов, он должен был весить не менее 500 фунтов.

В дополнение к оружию, которое держали в руках питомцы Арии, Кай Ленг знал, что все три азари перед ним были могущественными биотиками. Вполне возможно, кроган также был биотиком, хотя это было редким явлением среди рептилиеподобных рас, но все же не невозможным. Даже если бы он не был биотиком, однако, он явно превосходил любого в клубе своей физической силой.

Батарианец привел его к небольшой лестнице у возвышения, а затем шагнул в сторону. Ария не просила его присесть, а даже если бы она сделала это, Кай Ленг отклонил бы предложение. Может быть, она об этом догадывалась и именно по этой причине не шевельнула пальцем в его сторону.

Кай Ленг вдруг понял, почему Призрак настаивал на тщательном планировании того, что он собирался делать и говорить в таких подробностях. Они даже не успели представиться друг другу, как переговоры уже начались.

— У вас есть информация о Грейсоне? — спросила Ария, прерывая молчание.

— Вы хотите найти его, — ответил Кай Ленг, следуя сценарию, который он запомнил наизусть. — Также как и мы. Я думаю, мы можем помочь друг другу.

Кай Ленг отметил, что батарианцы и кроганы незаметно поменяли свои позиции и теперь стояли прямо позади него. Люди Арии просто окружили его.

— Я не связываюсь с теми, кого не знаю, — проинформировала его Королева Пиратов.

— Так что давайте начнем с того, что вы назовете свое имя.

— Вы знаете, я не могу сказать вам мое настоящее имя,— ответил Кай Ленг. — Я могу сделать это, если вы хотите, но мне кажется, что эта пустая трата времени.

— По крайней мере, готовы ли вы сказать, на кого работаете?

В соответствии со сценарием, он ответил правдиво.

— Я работаю на «Цербер». Грейсон был одним из наших людей.

Каждый присутствующий инопланетянин напрягся, за исключением Арии.

— Что делает «Цербер» в моем клубе?— холодно спросила она.

— Мой босс хочет сделать вам деловое предложение,— ответил Кай Ленг.

— Зачем мне помогать организации, которая поклялась ликвидировать меня и таких как я? — спросила Ария. — Может быть, мне стоит убить вас прямо здесь.

— Я заберу, по крайней мере, трех ваших людей с собой, — предупредил Кай Ленг, забыв про свое обещание придерживаться сценария. — Может быть вас, если мне повезет.

Стоящий за ним батарианец расхохотался.

— Ты даже не вооружен. Что ты собираешься делать?

Ария наклонила голову вбок, ее губы согнулись в многозначительной улыбке.

— Не будь дураком, Санак, — сказала она. — Очевидно, нашему другу не нужно оружие, чтобы убивать.

— Это может закончиться насилием, — заметил спокойным голосом Кай Ленг, как будто они обсуждали погоду. — Или это может закончиться для вас огромной выгодой.

— Вы меня заинтриговали, — признала Ария.

Ария изучила этого человека, пока он пересекал первый этаж клуба и приближался к ее возвышению. Худой, татуированный мужчина был явно высококвалифицированным убийцей. Он не показал ни признаков страха, ни бравады, двигаясь в толпе с легкой грацией хищника.

Но все же она уловила отвращение в его движениях. Он относился к другим посетителям с презрением, в его глазах они были меньшими формами жизни. При столкновении, он, не колеблясь, убил бы любого из них, и она была уверена, что он не испытывал бы угрызений совести за свои действия.

— Призрак хочет поговорить с вами,— сказал ей убийца. — Где-нибудь в более приватной обстановке.

— Я предпочитаю вести дела в этом клубе, — сообщила она ему. — Он может прийти сюда и встретиться со мной, если хочет вести переговоры.

— Он не настолько глуп, чтобы ступить на Омегу. С ним можно связаться через безопасный канал связи. Он ждет вашего звонка, если вы заинтересованы.

Ария вынуждена была признать, что заинтригована. Ей хотелось узнать больше о человеке, которого она знала как Пол Джонсон, и его возможной роли в смерти Лизелль. Кроме того, «Цербер» хорошо известен своей борьбой с «чужаками», и она хотела бы знать, зачем они пришли к ней так открыто. А шанс связаться с Призраком — это возможность, от которой она не собирается отказываться. Удивительно, как много можно узнать о противнике всего за один разговор.

— Следуйте за мной, — сказала она, давая понять что согласна.

Ее служанки выскользнули из-за стола, что позволило Арии сделать то же самое. Она провела человека через клуб в частные номера. Большинство из них могли быть сданы в аренду на час, день или даже еженедельно завсегдатаям. Но была одна комната, которую Ария всегда держала пустой. Для себя — в тех редких случаях, когда хотела вести дела подальше от глаз любопытной публики Омеги.

Они вошли в комнату, и Ария заняла место у терминала связи. Человек встал в стороне, а ее собственные люди заняли позиции, разойдясь по комнате.

— У вас есть голографическая технология? — спросил человек.

Ария не обратила внимания очевидную издевку, но стоящий в углу Санак фыркнул:

— Мы не дикари.

— Давайте ваш канал связи, — сказала Ария, не обращая на батарианца внимания, и активировала голографический проектор.

Кай Ленг подчинился, и через несколько секунд образ хорошо одетого человека с серебряными волосами и голубыми глазами материализовался в центре комнаты. Он сидел в кресле и находился, очевидно, на космической станции. Закручивающаяся, но неизвестная туманность виднелась через иллюминатор за его спиной. В правой руке он держал зажатую сигарету.

— Ария Т'Лоак, — сказал он с легким кивком. — Я Призрак.

— Я разочарована, что у вас не хватает смелости встретиться со мной лично, — сказала она, в надежде, что этот пробный укол вынудит его соответственно отреагировать.

— Мы здесь чтобы играть в игры или чтобы говорить о делах? — спросил он невозмутимым тоном.

Ария не ответила сразу. Она хотела заставить его ждать.

Трехмерное голографическое изображение было реалистичным, и для нее было достаточно легко разглядеть тонкие намеки и движения тела, совершаемые человеком на другом конце линии. Она изучала его в течение долгого молчания — за это время он медленно затянулся сигаретой, — анализировала его манеры и следила за каждым его движением.

К своему разочарованию, она быстро поняла, что не увидит ничего полезного. Его действия были запутанной системой ложных сигналов и преднамеренной дезинформации, тщательно продуманной, чтобы скрыть свои истинные чувства.

— Мне сказали, что вы хотели поговорить со мной, — наконец сказала она, открывая переговоры.

— Грейсон предал нашу организацию, — сказал ей Призрак, переходя к сути своего предложения. — Мы охотились за ним в течение двух лет. Теперь я готов заплатить вам, чтобы убить его.

— Кто-то похитил Грейсона, когда он работал на меня, — сказала Ария. — Они убили одного из моих людей. Я думаю, что это сделал «Цербер».

— Никто не похищал Грейсона, — поправил ее человек. — Он бежал, потому что его прикрытие было раскрыто, а затем все инсценировал, чтобы это выглядело так, как будто он был похищен — с целью выиграть время для побега.

— Его прикрытие? Вы заявляете, что он шпионил за мной?

— Грейсон проник в вашу организацию. Быстро поднялся в ее рядах. Сделал себя бесценным сотрудником. Но все то время, что он работал на вас, он собирал информацию для своих настоящих работодателей.

Ария сосредоточила все внимание на человеке, на том, как он говорил, тщательно отмечая звучание его голоса, его позу в кресле, его мимику, произвольные движения глаз. Но она все еще не могла понять, не могла прочитать его.

Лишь немногие в галактике могли успешно лгать Арии Т'Лоак; и с некоторым страхом она поняла, что Призрак был одним из них. Но то, что он может лгать ей, не обязательно означает, что он лжет ей прямо сейчас.

Она проанализировала сказанное им. Грейсон работал на «Цербер» и предал их. Теперь они хотели отомстить. В это она могла бы поверить, иначе зачем еще Призраку посылать своего представителя на Омегу торговаться с ней?

Учитывая то, что Грейсон предал своего предыдущего работодателя, нетрудно было поверить, что он сделал то же самое с ней. Вместе с тем, по-прежнему слишком много частей головоломки отсутствовали, чтобы принять эту версию без проведения дальнейшего расследования.

— На кого работал Грейсон? — спросила она.

— На группу фанатичных турианцев. Они горько сожалеют, что человечество укрепило свое влияние в Совете. Они хотят расширить влияние турианцев. Они планируют вторжение в Граничные Системы.

Сценарий был достаточно правдоподобным. Хотя технически две расы были союзниками, все знали, что между турианцами и человечеством до сих пор существовало давнее чувство обиды. Если группа националистов хочет распространить влияние турианцев, Граничные Системы будут логичным местом для начала. И каждый, кто захочет сделать прорыв в Граничные Системы, будет иметь дело с Арией рано или поздно.

Может быть, Лизелль раскрыла секрет Грейсона. Он мог убить ее, чтобы она замолчала. Но Грейсон был достаточно умен, чтобы знать, что ему не сойдет с рук ее убийство. Каждый знал, что они спали вместе, и если бы она погибла — или даже просто исчезла, — он был бы главным подозреваемым. Тогда он бежал с Омеги, и инсценировал похищение, чтобы сбить Арию и ее людей со следа.

Чем больше она думала об этом, тем более вероятным все это ей казалось.

— Одной вещи я не понимаю, — сказал Санак, выступая вперед в характерным для него тяжеловесном стиле. — Почему Грейсон работал на про-человеческую группу вроде «Цербера», а потом вдруг переключился на союз с кучкой турианских националистов?

Голографическое изображение в комнате Призрака показывало Арию Т'Лоак, сидящую в помещении, которое представлялось ему хорошо обставленной комнатой. Проецируемое изображение было сосредоточено на ней, но по краям можно было заметить несколько инопланетян, которые также были в комнате. Кай Ленга не было видно, но Призрак полагал, что он тоже там.

Когда батарионец шагнул вперед и задал свой вопрос, Призрак не дал объяснение сразу. Он строил сложную сеть лжи, и если хотел, чтобы Ария купилась на это, то должен был позволить ей сделать некоторые выводы самой.

— Не будь идиотом, — сказала азари своему лейтенанту, и он вытянулся как по команде. — Грейсон наемник. Он не знает, что такое преданность. Он работает на того, кто предложит более высокую цену.

Призрак хорошо знал это интересное явление. Чем умнее собеседник, тем легче заставить его поверить сложной паутине лжи. Недалекие сосредоточены на очевидном, им необходимо все объяснять, прежде чем они сами начнут делать выводы. Умный заполнял пробелы самостоятельно, используя логику, разум и творческое мышление, чтобы сплести все нити воедино, в один цельный ковер обмана.

Тем не менее, важно также, чтобы в этой паутине были и правдивые моменты в целях укрепления и поддержки слоев истории, которые были заведомой ложью. Он знал, Ария расследовала исчезновение Грейсона. Если она смогла отследить его сообщения, она неизбежно встретила бы одно имя, появляющееся снова и снова.

— Грейсон работает не в одиночку, — объявил Призрак. — У него есть партнер. Женщина по имени Кали Сандерс.

Он надеялся, что имя вызовет определенную реакцию у Арии, но выражение ее лица не изменилось. Нехотя, он вынужден был признать, что она почти так же хорошо скрывала свои истинные чувства, как и он.

— Сандерс является ключом к поиску Грейсона, — продолжил он. — Она не знает правды о нем, она думает, что он оставил «Цербера», потому что понял свои ошибки. Она также считает, что турианцы, с которыми он работает, служат Совету. Она всего лишь пешка в его игре. Он использовал ее. Но мы тоже можем использовать ее.

— Сандерс является единственным человеком, о котором Грейсон заботится больше чем о себе, — объяснил Призрак, продолжая плести свою ложь. — Он попытается связаться с ней рано или поздно. Заставьте ее послать запрос с просьбой о помощи, и он придет.

Призрак остановился, зная, что монолог был наименее эффективным способом подачи лжи. Дело всегда двигалось более продуктивно, если происходил какой-то обмен словами. Ему нужна была Ария или ее люди, и он старался быть по-настоящему убедительным.

К счастью, батарионец на ее стороне допустил ошибку.

— До Сандерс не добраться, — возразил он, подтверждая подозрения Призрака о том, что Ария уже знала о ней. — Она скрывается в одном из посольств Цитадели.

Кай Ленг подготовил обстоятельные доклады по Арии и ее людям в ходе подготовки захвата Грейсона. По внешнему виду батаринца и манере его поведения Призрак заключил, что это, должно быть, Санак — один из самых преданных лейтенантов Королевы Пиратов.

— Сандерс больше не в посольстве, — объяснил Призрак. — Турианцы взяли ее с собой на секретную научно-исследовательскую станцию. Она в значительной степени защищена, но хорошо вооруженное подразделение и элемент неожиданности могли бы подавить защитников и получить Сандерс в качестве заложника.

— Ваша информация по этому вопросу надежна? — спросила Ария.

— Мои источники всегда надежны, — заверил ее Призрак.

— Так иди и получи ее сам, — возразил Санак.

— Турианские националисты знают, что мы их враги. Они стараются следить за всеми движениями «Цербера». Мы никогда не сможем осуществить подобную операцию так, чтобы они не узнали об этом заранее.

— Но, — добавил он, кивнув Арии, — они не будут ожидать вас.

— Сколько вы заплатите? — хотела знать Ария.

— Четыре миллиона кредитов, — заявил Призрак. — Один миллион авансом. Еще три, когда смерть Грейсона подтвердится.

— Грейсон стоит четыре миллиона? — воскликнул в недоумении батарианец.

— То, что он знает о «Цербере», важно, — ответила Ария. — Эти секреты они хотят похоронить. Может быть, мне следует попытаться взять его живым.

Призрак был впечатлен. Хотя цена его предложения была высокой, он ожидал, что Королева Пиратов будет торговаться просто из принципа. Но она была достаточно умна, чтобы понимать, что ключ к сделке не количество кредитов, а сам Грейсон.

— Вы могли бы продать его информацию, но вы никогда не найдете покупателя, который может даже приблизиться к нашему предложению, — сказал он. — Он стоит больше для нас обоих мертвым, чем живым.

Ария подумала об этом раньше, кивая в знак согласия.

— Я принимаю ваше предложение. Ваш представитель может оставаться здесь и быть у меня в гостях, пока дело не будет сделано.

— Нет, — ответил Призрак, наотрез отклоняя ее предложение. — «Цербер» свяжется с вами, только когда Сандерс благополучно окажется на Омеге.

— Вы хотите меня оскорбить? — спросила Ария. — Всем известно, что мое слово — это моя репутация.

— Ничего не изменится, пока мы не выйдем на связь, — настаивал Призрак. — Когда у вас в руках будет Сандерс, вы сможете дать инструкции для передачи кредитов на ваш счет, и мы вышлем авансовый платеж.

Она несколько минут обдумывала предложение, потом кивнула в знак согласия.

— Мы заключили сделку.

Голографическое изображение внезапно исчезло, после того, как Ария немедленно отключила вызов, решив оставить за собой последнее слово.

Призрак понял этот намек и с довольной улыбкой на губах развернулся на кресле, чтобы лучше насладиться великолепным видом, докуривая свою сигарету.

Кай Ленг прикусил язык, чтобы не комментировать резкое прекращение Арией ее общения с Призраком. Он подозревал, что она сделала это, чтобы попытаться не дать ему оставить за собой последнего слова, однако он не собирался дать ей насладиться удовольствием от заключенной сделки.

— Одна из наших оперативников свяжется с вами через экстранет, когда я буду на станции, — сказал он, подтвердив условия Призрака. — Она организует перевод средств.

— Почему вам так не терпится уйти? — спросила она. — Мы должны радоваться этому партнерству. По крайней мере, останьтесь и выпейте в клубе. За мой счет.

— Наше дело сделано. Я готов уйти, — настаивал Кай Ленг.

Он не хотел оставаться в ее присутствии дольше, чем это было необходимо, и он не

беспокоился о том, что обидел ее своим честным ответом. Ария приняла логичное решение, заключив сделку, она не собиралась его изменять из-за маленькой грубости с его стороны. Она была слишком умна, чтобы позволить эмоциям встать на пути бизнеса.

Азари равнодушно пожала плечами, подтверждая его теорию.

— Как хотите. Санак, проводи нашего анонимного гостя.

Батарианец провел его из частного номера через клуб обратно к выходу. Кай Ленг был просто счастлив получить свое оружие назад и, оставив позади грохочущую музыку «Загробной Жизни», выйти на людные улицы Омеги.

Он прошел по улице несколько кварталов в сторону ближайшего космопорта, наблюдая, следят ли за ним. Когда он убедился, что Ария не пустила за ним слежку, он изменил курс.

Несмотря на то, что он сказал Арии, Призрак дал Кай Ленгу конкретные указания остаться на Омеге после встречи.

«Следи за Арией и ее людьми, — сказал он. — Убедись, что они выполняют свою часть сделки. Если они не справятся, — добавил он. — Возьми дело в свои руки. Сделай все, что необходимо. Грейсон не должен жить».

Глава 15

Когда Грейсон пришел в себя, он обнаружил, что сидит, наклонившись вперед, в кресле пилота турианского шаттла, положив подбородок на грудь.

Он медленно поднял голову — мышцы шеи затекли, во рту пересохло, голова гудела, и он весь покрылся потом: хорошо известные ему первые симптомы ломки после красного песка. Теперь, когда «Цербер» прекратил подачу наркотика в его организм, тело в очередной раз вступило на путь очищения.

Осторожно поднимаясь с кресла, он вытянул руки к потолку и попытался размять ноющую спину. И только тогда он вспомнил, какие раны получил во время нападения: сломанная рука, огнестрельные раны в плече и в ноге... все они непостижимым образом исчезли, пока он спал.

Через несколько секунд он окончательно догадался, что Жнецы починили его тело, пока он был без сознания. Но сейчас это он стоял и потягивался! Он снова контролировал себя!

Жнецы все еще были здесь. Он чувствовал их в глубине своего сознания, как они ворочаются подобно огромному животному. Выброс биотической и физической энергии заставил их отступить в темные уголки его подсознания, чтобы отдохнуть и восстановить силы.

Это доказывало, что их сила была не бесконечна. Но он знал, что когда они снова попытаются захватить контроль над ним, они будут еще сильнее. Кибернетические имплантаты, вмонтированные в его тело, разрастались. Вскоре Жнецы полностью захватят контроль над ним, и у него будет все меньше и меньше подобных возможностей.

Неожиданная желудочно-кишечная колика заставила его сложиться пополам: еще один побочный эффект красного песка. Двигаясь быстро, но осторожно, он побежал в заднюю часть шаттла. Физиология людей и турианцев была достаточно похожа для того чтобы он мог воспользоваться турианским туалетом. Он успел вполне порадоваться этому, пока его тело изливало жидкости со всех сторон.

Прошло почти десять минут, пока его желудок настолько успокоился, что он смог выйти из туалета. Хотя Жнецы и спали, он почувствовал их отвращение к такому явному проявлению слабости органической жизни. Грейсону тоже не по душе была эта слабость, но у него появилась надежда: теперь, когда его мысли очистились от красного песка, он сможет лучше противостоять Жнецам, если они попытаются снова взять его под контроль.

Он не знал, чего хотели Жнецы. Их постоянное присутствие в его сознании не проясняло их целей. Но, чего бы они ни желали, он намеревался им помешать.

Конечно, простейшим выходом было бы самоубийство. Покончи с собой, и угроза исчезнет. Простейшим решением было бы закончить жизнь сейчас, одним выстрелом в голову. Но вместе с телами турианцев Жнецы выбросили за борт и все оружие. Он не знал, было ли это простым совпадением, или же они предвосхитили возможность такой его реакции.

Но у него оставались и другие варианты. Он поднялся и пошел за набором первой помощи в заднюю часть шаттла.

Что-то не так.

Через сеть наблюдений за мозговой деятельностью Жнецы почувствовали изменения в импульсах мозга своего носителя. Они почувствовали основной мотив этих изменений: безнадежность, самоуничтожение. Однажды они уже потеряли носителя. На этот раз они были готовы.

Грейсон открыл аптечку. Там был панацелин, большая доза которого может отправить его в кому, от которой он не проснется никогда. Но остановит ли это Жнецов? Или они просто анимируют его плоть и отправят бродить как какого-то зомби?

Отказавшись от идеи с лекарством, Грейсон обратил внимание на следующий предмет — длинный скальпель. Но просто взрезать себе вены не годится. Способности его тела к регенерации нарушат план. Ему надо перерезать себе горло, так глубоко, что он истечет кровью до того, как Жнецы поймут, что происходит.

Носителю нельзя позволить причинить себе вред.

Жнецы поняли, что Грейсон проявляет большее сопротивление к их попыткам захватить контроль. Его сознание адаптировалось и стало находить новые варианты защиты от их доминирования. Но существуют и другие способы контроля.

Осторожно проникнув в подсознание, Жнецы увеличили в организме Грейсона уровень гормонов и аккуратно изменили импульсы мозга, чтобы повлиять на его эмоциональное состояние.

Сердце Грейсона забилось чаще, он старался не думать о том, что будет делать, если струсит в последний момент. Когда он поднял нож, его руки дрожали. Он поднес дрожащий скальпель к горлу и закрыл глаза.

Странная смесь переживаний наполнила его. Он ожидал страх, и он был. Но было также и странное чувство надежды и просветления. Он ощутил прилив энергии, дерзновение, экстаз.

Он положил скальпель обратно в аптечку и открыл глаза. Он не желал, чтобы все закончилось вот так. Самоубийство было бы выходом для труса, а он достоин большего.

Вернувшись к креслу пилота, он сел в него и принялся изучать навигационные системы, чтобы понять, где он находится. Если бы он узнал, куда направляются Жнецы, может быть, он догадался бы, что они затевают.

К его удивлению, он был в зоне влияния Совета, на орбите ретранслятора, располагавшегося на расстоянии одного прыжка от Цитадели... и от Кали.

Он знал, что она находилась на этой станции, которая была сердцем цивилизованной галактики. Теперь стало понятно, как турианцы нашли его. Она, должно быть, передала те данные «Цербера», которые он ей отправил, кому-то, кому она доверяла, а тот, в свою очередь, нанял турианцев, чтобы они помогли им.

Он быстро задал шаттлу новый курс — в противоположном направлении. Как можно дальше от Цитадели. Как можно дальше от Кали. Он не знал, куда направиться. Он просто хотел отправить шаттл в самый дальний и малонаселенный уголок галактики. Если ему повезет, это будет путешествие в один конец: у него кончится топливо, и он затеряется где-то в космосе без шанса на возвращение.

Это было то же самоубийство, но теперь у него была для этого причина — оказаться как можно дальше от Кали. Он должен был защитить ее.

Он решил на всякий случай отправить ей послание, но не хотел, чтобы она видела, в какого монстра он превратился, поэтому послал звуковое сообщение.

Ему нужно было предупредить ее, чтобы она держалась от него подальше, что бы ни случилось. Он должен был сказать, чтобы она не искала его и не пыталась ему помочь. Он любил ее.

Жнецы еще немного изменили образ мыслей Грейсона. И вместо того чтобы концентрироваться на том, что подсказывал ему его разум, он пошел на поводу у своих инстинктов и желаний.

— Кали, это Грейсон. Слушай внимательно. Мне нужно тебя видеть, немедленно. Ответь мне, как только получишь это сообщение.

Грейсон закончил запись и отправил ее, не зная, что сделали Жнецы.

— Внимание! — заорал Санак собравшейся в грузовом отсеке команде. — Начинаем через десять минут! Будьте готовы к вооруженному и организованному сопротивлению!

«Цербер» ожидал, что против них будет около двадцати солдат. На всякий случай Ария отправила на задание сорок своих лучших бойцов-наемников: батарианцев, кроганов и азари.

— Турианцы не сдаются, — предупредил Санак. — Будьте готовы к полному беспределу.

В рядах бойцов раздался понимающий смех, они с нетерпением ожидали драки. Они не сомневались в успехе. На их стороне были неожиданность и численное превосходство. Санака беспокоило другое.

— Помните, главное взять человека живым! Это понятно? Взять человека живым!

В ответ раздался согласный гул. Но это его не удовлетворило, он знал, как легко такие вещи выходят из-под контроля. Особенно когда в деле участвуют кроганы.

— Это не просьба! Это даже не мой приказ. Это — требование самой Арии! Если человек умрет, то мы — тоже.

По выражению их лиц он понял, что важность сказанного начала до них доходить. Но на всякий случай повторил еще раз:

— Взять человека живым!

Кровать в комнате, предоставленной в распоряжение Андерсона, была достаточно удобной. Но уснуть он не мог. Это было вызвано не только необычностью ситуации, хотя то, что он находился на захваченной турианцами станции «Цербера», было достаточно необычно, чтобы лишить его сна. И он испытывал определенный дискомфорт от того, что занял спальню того, чье тело, скорее всего, было размазано по стенке стыковочного дока.

Он не спал по гораздо более личной причине. Он беспокоился о Кали.

Она не могла оторваться от файлов, содержащих результаты исследований, пытаясь понять, что «Цербер» сделал с Грейсоном. Турианские ученые и техники старались помочь ей как могли, работая по десять часов посменно. Но сама Кали, с тех пор как они прибыли, ограничивалась лишь короткими перерывами в работе. Она взвалила на себя слишком много, и если в скором времени она не отдохнет, то просто свалится от усталости.

Андерсон просил ее остановиться, утверждая, что с каждым часом она теряет продуктивность работы и увеличивает свои шансы сделать ошибку. Он подчеркивал, что турианцы смогут продолжать собирать данные, пока она отдыхает, и, проснувшись, она получит новый материал для анализа. Но она лишь вежливо выслушивала его и уверяла, что знает, на что способна, и обещала остановиться, когда окажется на пределе.

Убедившись в том, что не способен убедить ее отдохнуть, Андерсон удалился, чтобы самому попытаться хоть немного вздремнуть. Вместо этого он лежал на спине, глядя в потолок, в неясном свете каюты.

Все было бы не так плохо, если бы он не чувствовал себя настолько бесполезным. Однако, когда дело доходило до исследований и анализа информации, его навыки оказывались ненужными: он был солдатом. Ему не нравилась эта беспомощность, ему тоже

хотелось что-то делать.

Через секунду он пожалел об этой мысли: на станции прозвучал сигнал тревоги.

Он вскочил с койки и выбежал в зал в одном нижнем белье. Из соседних кают выбегали турианцы.

Не понимая, что происходит, Андерсон побежал к лаборатории. Кали была там, вместе с несколькими вооруженными турианцами, хотя ученые и техники исчезли.

— Что случилось с Сато и остальными? — спросил он, перекрикивая сигнал тревоги.

— Они побежали за своим оружием, — объяснил один их турианцев. — Нас атакуют!

Не удивительно, что ученые и техники побежали за оружием: для всех турианцев военная служба была обязательна. Учитывая характер миссии, было понятно, что все на борту, кроме Кали и Андерсона, находились при исполнении.

— Что нам известно? — спросил Андерсон.

— Приближается корабль, фрегат среднего размера. Не отвечает на приветствия. Такое впечатление, что они хотят захватить нас.

— Ты думаешь, это «Цербер»? — спросила Кали.

Андерсон покачал головой:

— Я не уверен, что они так быстро способны нанести ответный удар. Только не после того ущерба, который мы им причинили.

— Кто бы это ни был, они будут здесь с минуты на минуту, — предупредил турианец. — Капитан хочет, чтобы мы собрались здесь, у лаборатории. Стянем все силы и встретим врага единым отрядом.

— Понял, — ответил Андерсон. — Где нам расположиться?

Турианец покачал головой:

— Оставайтесь здесь и закройте дверь до окончания боя.

— Мы умеем драться, — запротестовала Кали. — Мы можем помочь!

— У вас нет ни естественной, ни какой-либо другой брони, — напомнил ей турианец. — Вы не владеете нашей тактикой. Вы будете нам только мешать.

— Он прав, — ответил Андерсон, перебив Кали до того, как она начала возражать. Он не был согласен с турианцем, но знал, что для военного отряда нет ничего хуже, чем посторонние лица, обсуждающие приказы.

— А можно нам на всякий случай хотя бы оружие? — спросил он.

Турианец передал Андерсону штурмовую винтовку и пистолет, после чего вышел. Андерсон отдал пистолет Кали, нажал на дверную панель и набрал код, чтобы запереться изнутри.

Он осмотрел оружие. Стандартная турианская винтовка, неплохая, эффективная и надежная. Хотя, если ему придется ее использовать, это, скорее всего, будет означать, что бой проигран.

— Что теперь? — спросила его Кали.

— Будем ждать и надеяться, что когда кто-то войдет в эту дверь, это будут наши союзники.

Следующие несколько минут все было тихо, если не считать сигналов тревоги. Затем из залов послышались звуки выстрелов, оглушительные даже через закрытую дверь. Они продолжались в течение нескольких минут, изредка прерываемые криками сражающихся и взрывами гранат.

Все закончилось как-то слишком неожиданно и резко. Несколько секунд спустя затих и сигнал тревоги. Кто-то или отключил его, или взломал систему сигнализации.

— В укрытие, — прошептал Андерсон.

Он подполз к большой компьютерной консоли, стоящей посередине комнаты, расположил на ней винтовку, направив ее на дверь. Кали сделала то же самое, направив на дверь пистолет.

Они слышали в зале тяжелые шаги и сразу же — звук взламываемой с внешней стороны двери. Когда она открылась, и в проеме возник кроган в тяжелой броне, Андерсон и

Кали открыли огонь.

Но кроган не отступил, а направился прямо к ним. Он успел сделать три длинных шага до того, как их выстрелы пробили его кинетические барьеры. По инерции он сделал еще два шага вперед, и они смогли свалить его лишь в метре от своего укрытия.

Андерсон заменил термозаряд, чтобы оружие не перегрелось, и стал ждать новой атаки. Двое батарианцев, расположившихся по разные стороны от дверного проема, открыли огонь, не давая людям высунуться из своего укрытия до тех пор, пока в комнату не вошла азари, выпустив в них биотическую волну.

Под воздействием волны компьютерная консоль смела Андерсона и Кали, отправив их к дальней стене лаборатории. Андерсону удалось быстро встать на одно колено и вновь прицелиться. Краем глаза он заметил, что Кали перевернулась на живот и схватила пистолет двумя руками, приготовившись стрелять.

Но они не успели сделать ни единого выстрела, как оказались заморожены полем биотического стазиса, выпущенным неожиданно появившейся второй азари. Столкновение гравитационного и магнетического полей полностью обездвижило их на несколько секунд, давая батарианцам время подойти к ним вплотную и разоружить.

Один из них подошел к Андерсону и ударил его в лицо прикладом своего дробовика в тот момент, когда поле стазиса рассеялось. Он услышал, как закричала Кали, когда другой батарианец опустил свой тяжелый ботинок на зажатый в ее руках пистолет, ломая и выворачивая ей пальцы.

Андерсон попытался встать и дать отпор, но батарианец опустил свое колено ему на грудь, пригвоздив его к полу. Повернув голову Андерсон увидел, как Кали катается от боли по полу, прижимая к животу покалеченные пальцы.

К его удивлению нападавшие не убили их. Вместо этого их подняли на ноги и надели на них наручники.

— Санак ждет на корабле, — сказала одна из азари.

Андерсон чувствовал, что по его лицу бежит кровь. Приклад винтовки сломал ему нос и разбил верхнюю губу. Но он гораздо больше беспокоился о Кали. Она была очень бледной, а глаза ее затуманились. Одновременные переломы всех десяти пальцев, помноженные на физическое и моральное истощение, ввели ее в состояние глубокого шока. К сожалению, он ничем не мог ей помочь.

Похитители поволокли их через зал. По всему коридору лежали мертвые тела, в основном — турианцы, но встретилось несколько батарианцев, пара кроганов и даже азари.

Их провели через всю станцию к большой дыре в наружной обшивке. Из дыры торчал выход стыковочного трапа, очевидно ведущий к судну похитителей. По нему туда-сюда сновали вооруженные солдаты, повинующиеся приказам одного из батарианцев.

Когда они приблизились, батарианец повернулся к ним. Увидев их, он удивленно заморгал всеми четырьмя глазами:

— А это кто такой? — сказал он, направляя оружие на Андерсона.

— Ты сказал брать людей живыми, — ответила одна из азари.

— Я имел в виду ее, а не его! — воскликнул батарианец.

— Ты уверен, что этого хочет Ария? — уточнила азари.

По крайней мере, теперь Андерсон знал, на кого работают их похитители, хотя он не мог понять, зачем они могли понадобиться легендарной королеве пиратов.

— Ну хорошо. Веди их на корабль.

Андерсон решил заговорить:

— Она в шоке, — сказал он, кивнув на Кали.

Его голос показался ему самому странным — из-за сломанного носа.

— Если Арии мы нужны живыми, осмотрите ее раны.

— Ведите их на корабль и сделайте обоим по уколу панацеина, — приказал батарианец. — Потом загрузите данные из лаборатории и установите взрывчатку. Я хочу убраться отсюда до прибытия подкрепления.

Батарианцы протащили их по стыковочному трапу вовнутрь пиратского фрегата и грубо усадили их в расположенные у стены кресла. Андерсон взвыл, когда всем весом упал на свои руки, скованные сзади наручниками, а Кали закричала от боли, и он мог только представить, что она почувствовала, упав на свои сломанные пальцы.

— Снимите с нее наручники, — сказал он.

— Побеспокойся о себе, — сказала одна из азари, всаживая ему в плечо длинную иглу.

Через несколько секунд все погрузилось в темноту.

Глава 16

Когда Андерсон пришел в себя, он обнаружил, что лежит на большом удобном диване в хорошо обставленной гостиной.

Страхивая остатки головокружения, вызванного панацелином, он повернулся набок, спустил ноги на пол и встал. Он тут же понял, что на нем нет одежды, и заметил, что его майка и трусы аккуратно сложены на стоящем рядом с кроватью стуле. Они совершенно явно были тщательно выстираны, никаких следов крови из разбитого носа. Рядом с нижним бельем лежали брюки, рубашка, носки, и даже стояла пара ботинок.

Удивленный, он медленно оделся и быстро обследовал комнату. В одном конце комнаты находились старинные двойные двери на петлях, слегка приоткрытые. За ними он увидел большую шикарную постель. На другом конце комнаты находилась современная автоматическая дверь — закрытая и, судя по красному огоньку на дверной панели, запертая.

Одежда ему не принадлежала. Но сидела отлично. Стараясь двигаться как можно бесшумнее, он подошел к запертой двери и нажал на дверную панель. Он услышал сигнал, но дверь не открылась. Несмотря на дорогое окружение, он был пленником.

Но где Кали?

Двигаясь быстро, но тихо, он подошел к двойным дверям и осторожно приоткрыл их. К его облегчению, Кали лежала на кровати, укрытая несколькими одеялами. Видимо ее тоже раздели. Кто-то сложил ее одежду на стул рядом с кроватью, но Андерсон заметил, что это та же одежда что была на ней, когда их взяли в плен.

Она мягко сопела, все еще не придя в себя от воздействия панацелина и длительного недосыпания.

Подойдя ближе, он с облегчением увидел, что ее пальцы не сломаны, а вывихнуты. Может, ей потребуется неделя, чтобы восстановить руки, но, по крайней мере, кто-то оказал ей первую помощь.

Он подошел к зеркалу и осмотрел свое отражение. Его раны тоже кто-то обработал, нос был вправлен, и разбитая губа залечена. Если бы не пара небольших синяков и припухлостей, было бы трудно сказать, что ему крепко досталось.

Он было подумал разбудить Кали, но потом решил дать ей еще немного поспать. Они все равно не смогли бы ускользнуть из золотой клетки прямо сейчас, а ей был необходим отдых. Он вернулся на диван и на минутку закрыл глаза.

— Эй, солдат, — прошептал ему прямо в ухо чей-то голос. — Подъем.

Андерсон открыл глаза и увидел, что перед ним стоит Кали, полностью проснувшаяся и одетая.

— Я, должно быть, задремал, — пробормотал он, садясь.

— Ты храпел как элкор-астматик, — сказала она ему.

— Я не виноват, — возразил он. — Эти ублюдки сломали мне нос.

Кали подняла свои вывихнутые пальцы:

— Ты еще легко отделался.

— Как же ты оделась? — спросил Андерсон.

— Это было нелегко, — признала она и добавила кокетливо, — если бы ты не спал, я бы попросила тебя помочь мне.

Ситуация была слишком щекотливой для Андерсона, чтобы улыбаться, но он

постарался.

— Мне кажется, тебе надо выпить, — сказала Кали. — И я бы тоже не отказалась. Я нашла в углу бар, но я не могу налить себе.

Андерсон поднялся и направился в угол.

— Вот там. Открой шкафчик.

Выполнив ее просьбу, он обнаружил богатый ассортимент качественного дорогого алкоголя на вкус любой расы: от кроганского ринкола до илассы — любимого напитка азари.

Он решил не выбирать ничего экзотического и налил в два стакана бренди.

— Со льдом? — спросил он.

— Чистый, — ответила Кали.

Андерсон принес стаканы к дивану, на котором сидела Кали. Она неуклюже — из-за своих поврежденных пальцев — взяла у него стакан.

— Ты знаешь, почему нас здесь держат? — спросила она, сделав глоток.

— Я думаю, с нами хочет встретиться Ария, — ответил он, все еще стоя перед ней. — Но я не знаю, сколько нам придется ждать.

— Устраивайся поудобнее, — сказала Кали, похлопывая по дивану рядом с собой.

Андерсон сел рядом ней и осушил свой стакан одним глотком.

— Как ты думаешь, это имеет отношение к Грейсону? — спросила Кали, пока он наклонялся, чтобы поставить свой стакан на журнальный столик.

— Я удивлюсь, если нет.

Кали потягивала свой бренди, и Андерсон вдруг понял, что они сидят гораздо ближе друг к другу, чем это было необходимо — на диване было много свободного места. Но он почему-то подвинулся к ней еще ближе.

Он знал, что есть вещи, о которых Кали не хотелось бы разговаривать прямо сейчас. Но он все же решил спросить:

— Что тебе удалось обнаружить в лаборатории?

— Ты был прав, — признала она. — «Цербер» имплантировал Грейсону какую-то технологию Жнецов. Что-то сходное с кибернетикой, только более агрессивное, быстро развивающееся. И гораздо более сложное. У них были только предварительные результаты, но они как-то изменяли его, превращали его в... я не думаю, что сама понимаю, во что.

— Это можно остановить? — спросил Андерсон. — Обратить?

— Я не знаю, — мягко ответила Кали.

— Мне жаль, что я втянула тебя во все это, — сказала она, сделав еще несколько глотков бренди. — Если бы не я, ты бы здесь не оказался.

— Я останавливался и в гораздо худших гостиницах, — ответил Андерсон, пытаясь обратить все в шутку.

— Но, по крайней мере, ты мог выехать оттуда, — мрачно ответила она.

Андерсон протянул руку, обнял Кали за плечи и привлек к себе. Она повернулась и положила голову ему на плечо.

— Мы и это переживем, — пообещал он ей. — Когда-нибудь. Как-нибудь. Мы это переживем.

Он посмотрел ей в глаза, и она запрокинула голову, чтобы он мог лучше ее разглядеть. Он медленно приподнял ее голову, приближая свои губы к ее.

Автоматическая дверь отворилась с резким скрипом, и их обоих словно отбросило друг от друга.

— Черт, — выругалась Кали, стакан неловко выпал из ее руки, и остатки бренди пролились на колени.

Послышался грубый смех и вскоре в комнате появились три азари, кроган и два батарианца. Пока дверь за ними закрывалась, Андерсон краем глаза заметил в коридоре за ней еще двух кроганов.

Батарианцы и кроган ухмылялись, Андерсон догадался, что смеялись именно они. Он узнал одного из батарианцев: это был Санак, командир тех, кто напал на них на станции.

Две азари выглядели как близняшки, хотя были ли они таковыми на самом деле ему — как человеку — было непонятно, но разницы между ними он не видел. Третьей азари, стоящей посередине, была сама Ария Т'Лоак.

— Мы не помешали? — спросила она, чуть приподняв уголки губ в улыбке, словно увиденное ее забавляло.

И Андерсон, и Кали поднялись, но ни один не ответил. Андерсон почувствовал, что краска стыда заливает лицо, но Кали была невозмутима. В ее взгляде не было ничего, кроме ненависти к незванным гостям.

— Вы знаете, кто я? — спросила Ария.

— Мы знаем, — холодно и твердо ответила Кали. — Что вам нужно?

— Грейсон, конечно.

— Почему? — требовательно спросила Кали.

— Это мое дело.

— Мы даже не знаем, где он, — возразил Андерсон, вмешиваясь в разговор.

— Нет, но вы можете помочь мне найти его.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовалась Кали.

— Мы взломали твой почтовый ящик в экстранете. Там есть сообщение от Грейсона. Он хочет тебя видеть. Так что ты ответишь ему и скажешь, что ждешь его здесь.

— А почему вы считаете, что он придет? — спросила Кали.

— Мне известно, что у тебя с Грейсоном особенные отношения.

— Возможно, они не настолько особенные, как мы думали, — перебил Санак. — Или ты засовываешь свой язык в глотку каждому, с кем проводишь время?

Он явно ожидал какой-то реакции. Андерсон с удовлетворением отметил, что Кали оказалась достаточно умна, чтобы промолчать, не доставив ему такого удовольствия.

— Возможно, твои источники тебя обманывают, — предупредил Андерсон, осененный догадкой. — «Цербер» так обычно и делает.

Ария даже не стала отрицать свои отношения с Призраком:

— «Цербер» знал, где найти тебя, — сказала она Кали. — Они знали, что Грейсон попытается с тобой связаться. Так почему бы мне не поверить им, когда они говорят, что если ты ответишь на его сообщения, он придет?

— Почему вы связались с прочеловеческой группировкой? — поинтересовалась Кали.

— Нам обоим интересен Грейсон, — призналась Ария. — Он предал и нас, и их.

— Вы собираетесь убить его! — воскликнула Кали.

— Именно, — ответил Санак, ухмыляясь.

— Если вы думаете, что я помогу вам, то вы сошли с ума!

— Ты действительно пожертвуешь жизнью... обеими вашими жизнями, чтобы защитить Грейсона?

Андерсон выступил вперед до того, как Кали нашлась, что ответить:

— Откуда мы знаем, что вы все равно не убьете нас в конце?

— Вам придется рискнуть, — мило улыбнулась Ария.

— Я помогу вам. С одним условием, — предложила Кали. — Я попытаюсь заманить Грейсона, если вы пообещаете мне не убивать его.

— Ты не в том положении, чтобы ставить условия, — подчеркнула Ария.

— Грейсон умен. Если вы хотите, чтобы план сработал, вам нужно мое добровольное сотрудничество.

— Рано или поздно ты станешь сотрудничать, — сказал Санак, и другие батарианцы злобно засмеялись.

— Я не знаю, что сказал вам «Цербер», — продолжила Кали, обращаясь напрямую к Арии и не устаивая вниманием Санака, — но я знаю, что они не рассказали вам правды. Что бы они вам ни предложили, вы получаете худшую часть.

— Возможно. Но я сомневаюсь, что ты можешь предложить что-то получше.

— Насчет этого вы правы, — признала Кали, но Андерсон почувствовал, что она не

отступила. — И я не знаю, что произошло между вами и Грейсоном. Все, о чем я прошу, это чтобы вы позволили Грейсону изложить свою версию событий — до того, как вы примете решение. То, что вы узнаете, может вас очень сильно удивить.

— Я обдумую твои слова, — пообещала Ария. — Предлагаю тебе сделать то же самое. Через час я пришлю кого-нибудь, чтобы записать твоё сообщение для Грейсона. Вне зависимости от моего решения, я бы посоветовала тебе сотрудничать добровольно, — добавила она голосом настолько холодным, что у Андерсона вдоль позвоночника побежали мурашки.

Королева пиратов повернулась на каблуках и вышла из комнаты, сопровождаемая своей свитой. Автоматическая дверь закрылась, и на панели загорелась красная надпись «ЗАКРЫТО».

Когда они остались одни, Кали повернулась к Андерсону.

— Хочу, чтобы ты знал, — сказала она ему. — Я блефовала. Я не позволю им причинить тебе вред. Когда Ария вернется, я сделаю все, что она хочет.

— Не беспокойся за меня, — подбодрил ее Андерсон.

— Батарианец был прав, — Кали покачала головой, — в конце концов, я сделаю все, что они хотят. Так что лучше соглашаться сразу и избавить нас обоих от боли и страданий.

Андерсон знал, что она за человек. Если бы она была одна, она бы сопротивлялась до конца. Она пошла на компромисс только из-за того, что с ней был он, и мог пострадать в результате принятых ей решений. Но он также знал, что она не оставляет своих в беде, и она все еще надеется помочь Грейсону.

— Ты все еще надеешься, что она согласится его не убивать, — сказал он. — Ты надеешься, что Ария увидит, что сделал «Цербер», и позволит тебе помочь Грейсону.

— Я знаю, это звучит глупо, но если ты можешь предложить что-то лучше — я слушаю.

— Почему ты не рассказала ей все? — поинтересовался Андерсон. — О том, как «Цербер» имплантировал Грейсону технологии Жнецов.

— Ты действительно думаешь, что она мне поверит? Я видела отчеты об исследованиях, но сама не могу им верить. Кроме того, — добавила она, — я думаю, лучше нам пока припрятать пару козырей в рукаве.

Андерсон видел, что Кали нуждается в его поддержке. Но он не мог избавиться от ощущения, что все это кончится плохо.

— Даже если она пообещает не причинять ему вреда, — предупредил он, — мы не узнаем, сдержит ли она свое обещание.

— Я знаю, но это лучше, чем ничего. По крайней мере, я посеяла семена. Теперь я просто буду ждать и посмотрю, что вырастет.

Больше говорить было не о чем. Они молча сели на диван и в тишине стали ждать возвращения людей Арии.

Они вернулись за Кали ровно через час, как и обещали. Андерсон думал, что Ария пришлет Санака — батарианец был явно одним из вожakov в ее стае. Однако она прислала крупного крогана и одну из близняшек-азари.

— Что Ария решила насчет Грейсона? — спросила Кали, как только они вошли. — Она собирается оставить его в живых?

— Она все еще обдумывает твоё предложение, — сказала азари. — А ты все обдумала? Ты готова сотрудничать?

Кали кивнула.

— Умница, — прорычал кроган, выводя ее из комнаты и закрывая за собой дверь.

Те полчаса, что Кали отсутствовала, были самыми длинными тридцатью минутами в жизни Андерсона. Умом он понимал, что Кали была в опасности вне зависимости от того, с ним она или одна, но чувства настаивали, что будь он рядом, он мог бы защитить ее.

Когда дверь, наконец, открылась, и Кали вошла, она была одна. Он вскочил с дивана и бросился к ней.

— Что они с тобой сделали?!

На ней не было заметно никаких повреждений, но по ее лицу было видно, что ей не по себе.

— Я сделала, что они хотели, — тихо сказала она. — Я отправила Грейсону сообщение.

— У тебя не было выбора, — прошептал Андерсон, обняв ее, чтобы утешить. — Ты все сделала правильно.

— Для нас, — прошептала она, — но не для него...

Глава 17

Грейсон то проваливался в забытие, то снова приходил в сознание, пока шаттл бесцельно дрейфовал в космосе. Каждые несколько часов его накрывала усталость, и мир расплывался. Всякий раз, когда он приходил в себя, он не мог точно сказать, сколько времени провел без сознания. Он подозревал, что в его обмороках повинны Жнецы.

Едва он приходил в сознание, он быстро проверял навигационное оборудование шаттла, чтобы удостовериться, что Жнецы не проложили новый курс в его отсутствие. И каждый раз он обнаруживал, что курс не изменился.

Казалось, что они ждут чего-то, собирая силы, выгадывая момент. Однако он не мог даже догадаться, когда этот момент наступит.

Когда он проснулся в шестой или седьмой раз, он заметил на коммуникационной консоли шаттла мерцающий огонек индикатора нового сообщения. Это было невероятно, ведь он заглушил все частоты, и никто не мог бы связаться с шаттлом напрямую. Единственный способ, каким он мог бы получить сообщение, это если бы он сам подключился к сети или кто-то сделал бы это за него.

Внезапно причина обмороков стала ясна — Жнецы на время отключали его, чтобы воспользоваться коммуникационным оборудованием. Он удивился, почему они не держали его без сознания все время. Но вспоминая другие разы, когда они использовали его, он догадался, что нужен им в полном сознании для того, чтобы они могли нормально функционировать. Захватив контроль над его телом, они оказались связаны ограничениями его физической оболочки. Если он находился без сознания, его реакции были медленными и неуклюжими, как у лунатика.

К тому же, Жнецы больше уставали, когда управляли им во сне. Это могло бы объяснить, почему, просыпаясь последние несколько раз, он не чувствовал их контроля. Если его догадки были верны, значит, он узнал что-то новое о чужеродных паразитах, присосавшихся к нему. Эти знания могли сами по себе ничего не стоить, но чем больше он понимал, что с ним происходит, тем больше становилось у него шансов с этим справиться.

Индикатор сообщения все еще мигал. Первым порывом было удалить его, не прослушав, и нарушить таким образом планы Жнецов.

Если в этом сообщении есть что-то важное, то, удалив его, можно было помешать врагам.

Но пока он тянулся, чтобы стереть запись, новая мысль пришла ему в голову. Его единственным оружием против Жнецов было знание. Прослушав сообщение, он мог бы узнать что-то полезное. Если бы он узнал, что нужно Жнецам, возможно, их было бы легче остановить.

Он нажал на кнопку воспроизведения, и, к немалому его удивлению, на экране коммуникационной панели возникло лицо Кали.

— Пол. Мне нужна твоя помощь. Я на Омеге, высылаю координаты. Пожалуйста, торопись. Это срочно.

Что-то странное было в том, как она разговаривала: голос ее был ровным и безжизненным. Почти монотонным. Это было подозрительно.

«Возможно, она напугана или ранена».

Может это была паранойя, она могла вести себе необычно по многим причинам. Более

того, существовала возможность, что она не изменилась, и это физическое влияние Жнецов на его тело притупило его восприятие.

Ее сообщение встряхнуло его. Он очень хотел увидеть Кали, и если она попала в беду, он хотел бы сделать все возможное для того, чтобы помочь ей. Но он не мог рисковать, появившись перед ней таким, каким он стал. Он не мог рисковать и позволить ей вступить в контакт со Жнецами.

«Ей больше не к кому обратиться. Она в отчаянии. Не бросай ее».

Он проиграл сообщение еще раз, внимательно прислушиваясь к четырем последним словам.

«Пожалуйста, торопись. Это срочно».

Кали не была склонна к драматическим эффектам. Если она сказала, что это срочно, значит, случилось что-то серьезное. И в глазах у нее было отчаяние, как будто он был ее последней надеждой. Он был нужен ей. И он не мог от нее отвернуться.

Приняв решение, Грейсон ответил на сообщение:

— Я иду, Кали.

«Омега опасна. Когда ты будешь там, тебе понадобится вся твоя сила».

Он задал навигационному компьютеру курс на Омегу, откинулся в кресле и закрыл глаза. Ему нужно было отдохнуть, чтобы подготовиться к тому, что он увидит там — на космической станции, где закон бессилён.

— Один за другим, — ободряюще сказал Андерсон. — Попробуй согнуть пальцы.

— Из тебя получился бы отличный медбрат, — ответила Кали.

Они сидели рядом на диване в комнате, из которой им так и не разрешили выйти, повернувшись друг к другу так, чтобы видеть лица. Кали держала перед собой руки ладонями вверх. Руки Андерсона поддерживали ее запястья. Он вправил вывихи, так что она смогла попытаться шевелить пальцами.

Они сидели достаточно близко друг к другу, но приличия были соблюдены. Кали знала, что они оба начеку, ожидая, что в любой момент может появиться Ария и ее приспешники. Ни ей, ни Дэвиду не хотелось снова попадать в столь ужасающее положение.

Кроме того, она заметила, что после каждого обсуждения Грейсона — наподобие того, которое состоялось у них с Арией вчера — он немного отдалялся. Вряд ли это была ревность. Казалось, прежде чем позволить себе сделать первый шаг, он ждет, что она забудет о своих чувствах к Полу.

— Ты не сконцентрирована, — прервал Андерсон ее размышления. — Сосредоточься.

Кали кивнула и переключилась на свои покалеченные пальцы. Она сгибала и разгибала их один за другим. Суставы казались неэластичными и хрупкими. Ей даже чудилось, что она слышит, как они хрустят.

Не успели они закончить, как дверь в комнату отворилась, и вошла Ария в сопровождении эскорта из азари, крогана и батарианца.

Кали инстинктивно отдернула руки от Андерсона и мысленно отругала себя, что переживает о том, что подумает о ней и их отношениях с Андерсоном горстка преступников.

— Грейсон ответил на твое сообщение, — проинформировала ее Ария.

— Я хочу это видеть, — ответила Кали, поднимаясь на ноги.

Азари покачала головой:

— Нечего тебе видеть. Он согласился на встречу. Там и увидите.

Кали почувствовала, что Ария что-то скрывает. Она стала вспоминать о том, что обнаружила в досье «Цербера»: физические изменения, обширные мутации, смена назначения оболочки.

«Насколько все серьезно? Как сильно он изменился?»

— Что теперь? — спросил Андерсон.

— Когда он прибудет на станцию, меня известят, и тогда мои люди доставят Кали к

месту встречи.

— Я тоже пойду, — сказал Андерсон, вставая и становясь рядом с Кали, выказывая свою поддержку.

— Что ты хочешь — никого не интересует, — напомнила ему Ария.

— Где мы встречаемся? — спросила Кали.

— Я хочу, чтобы это была частная встреча. На одном из моих складов рядом с погрузочными доками.

Кали это не понравилось. Она бы предпочла встречу в более людном месте.

— Почему не в «Загробной жизни»?

— Слишком много народу, — насмешливо ответил Андерсон. — Она боится, что прольется кровь.

— Ты обещала, что не тронешь его! — закричала Кали, сделав полшага к их похитительнице.

В мгновение ока между ними возник кроган-телохранитель. Андерсон тоже выступил вперед, заслоняя Кали. Эти двое уставились друг на друга. Массивный кроган навис над Андерсоном, но тот не отступил.

Ария положила руку на плечо крогана, и он отошел в сторону. Удовлетворенный Андерсон сделал шаг назад и снова встал рядом с Кали.

— Я тебе ничего не обещала, — снова напомнила ей Ария. — Я говорила, что обдумую то, что ты рассказала мне о «Цербере».

— Грейсон уже мог убить одного из моих людей, — добавила она. — Я не собираюсь рисковать.

— Я требую гарантий, что мы с Кали после этой встречи будем свободны, — настаивал Андерсон.

— Каждый хочет того, чего не может получить!

— Ты собираешься вечно держать нас здесь? — поинтересовалась Кали. — Или ты просто убьешь нас, когда все закончится?

— Я еще не решила, — улыбнулась Ария. — Но если вы будете сотрудничать, ваши шансы покинуть Омегу значительно увеличатся.

— Когда состоится встреча? — наконец спросила Кали, понимая, что Ария в своем праве.

— Я пришлю за вами через несколько часов. Будьте готовы к этому времени.

Кали и Андерсон оставались на ногах до тех пор, пока Ария и ее эскорт не ушли, и дверь за ними не закрылась.

Ни один из них не произнес ни слова, когда они повернулись друг к другу. Кали думала, заметил ли Андерсон в ее глазах то же сомнение, какое она увидела в его.

Он нежно взял ее за запястья и усадил на диван.

— Твои пальцы могут навсегда остаться неподвижными, если мы не закончим упражнения, — сказал он ей.

Кивнув, Кали снова принялась сгибать и разгибать пальцы, с готовностью занявшись чем-то, что могло отвлечь ее мысли от неминуемой встречи с Грейсоном... и от страха перед тем, что ее ждет.

Ария все еще не решила, что делать с пленниками. Она не хотела убивать их без нужды — от трупов мало толку. Но отпускать их ей тоже не хотелось. Особенно Андерсона, который выглядел как парень, способный затаить обиду, а у нее и без того было много врагов. Но, так или иначе, ее решение будет зависеть от исхода встречи с Грейсоном.

Он представлял собой другую проблему, которую она тоже еще не разрешила. Это было не похоже на нее, она очень редко претворяла в жизнь свои планы, если не была уверена в результате. Но ей не хотелось ложиться под «Цербера», какой бы привлекательной ни была плата.

— Как будем действовать, когда прибудет Грейсон? — спросил Санак, заставив ее с некоторым удивлением повернуть к нему голову.

Она никогда не считала батарианца перспективным, но, может быть, она его недооценивала? Или, может быть, он случайно задал этот вопрос именно в тот момент, когда она сама об этом думала?

— На складе будет много народа, — заверила она его. — Более чем достаточно, чтобы удержать ситуацию под контролем.

— Зачем так сложно? Почему бы нам просто не застрелить его в тот момент, когда он высадится?

— Я еще не решила, как он будет мне полезнее — живой или мертвый, — предупредила она.

— Оставлять его в живых, значит выбросить три миллиона кредитов! — запротестовал Санак. — И зачем?

— Действительно, зачем, — ответила она, заставив его в удивлении тряхнуть головой.

Она не собиралась объяснять ему ход своих мыслей. Предложение «Цербера» было щедрым, слишком щедрым. Какие секреты хранит Грейсон, что его голову оценивают так дорого? И могут ли эти секреты пригодиться ей самой?

— Это очень большие деньги, — пробормотал Санак. — Это все, что я хочу сказать. За такие деньги я бы ни за что не оставил его в живых.

Внезапно Ария поняла, что ей делать, по крайней мере, в том, что касалось Грейсона. У Санака было много достоинств: он был преданным, умелым, безжалостным и целеустремленным. Но он был не в состоянии оценивать перспективы, он жил только сегодняшним днем. То, что он принял бы предложение «Цербера», означало, что ей следует отказаться.

— Я хочу попробовать взять Грейсона живым, — заявила она. — Но если он будет сопротивляться, убейте его.

Санак закусил губу, но не осмелился возражать.

— Оргун будет командовать отрядом, который я пошлю на склад, — добавила она, подумав, что напряжение между ее лейтенантом и Грейсоном лишь повысит шансы превращения встречи в драку.

— А я?

— А ты отвечаешь за Кали. На тебе — доставить ее к месту встречи.

Глава 18

Пальцы Грейсона порхали над терминалом управления турианского судна, заводя его в док одного из космопортов Омеги. Он был поражен, насколько легко он почувствовал чужое судно. Ощущение было такое, будто он управлял турианскими шаттлами тысячи раз.

Встреча с Кали была назначена в доке, расположенном в полностью контролируемом Арией Т'Лоак районе. Грейсон не знал, хорошо это или плохо. Неизвестно, работает ли Кали на Арию, или это просто совпадение. Шансы на то, что любое место на Омеге будет так или иначе связано с Королевой Пиратов, были достаточно высоки. Она контролировала по крайней мере треть всей станции, и еще одна треть управлялась разнообразными группировками, подконтрольными или лояльными ей.

«Ария сильна. Угроза. По возможности — избегать».

Тем не менее, предосторожность не помешала бы. Он не знал, как Ария отреагировала на его исчезновение и смерть Лизелль. Так что он предпочел приземлиться в одном из отдаленных портов Омеги, расположенном в зоне, свободной от ее влияния.

Оттуда до места встречи было достаточно далеко. Хотя он и не бежал, пейзажи Омеги сменяли один другой с удивительной быстротой. Через несколько минут, он с удивлением отметил, что несмотря на то, что двигался очень быстро, он даже не запыхался.

Он мог бы попасть туда даже быстрее, если бы не останавливался постоянно, чтобы

изучить планировку и архитектуру станции. Конечно, он видел все это и раньше, но сейчас ему казалось, что он знакомится с Омегой заново, сравнивая увиденное с полузабытыми впечатлениями.

«Цикл продолжается. Каждая цивилизация привносит что-то, но наша работа вечна».

Омега славилась своей запутанной планировкой. Считалось, что она была создана протеанами из ядра астероида еще в древности. Но за многие века различные расы оставили здесь свои следы. Эти противоречия вызывали почти жуткое ощущение. И хотя раньше это его не беспокоило, теперь этот хаос показался ему на глубоко подсознательном уровне нестерпимым.

Хотя Омега в целом вызывала у него отвращение, каждый отдельный элемент восхищал. Ему вспомнился муравейник, за которым он любил наблюдать в детстве. Насекомые с рабской покорностью отдавались строительству сети тоннелей, формируя и обустривая небольшой холмик, который был смыслом их существования. Он наблюдал, как они работают, через стекло: трудолюбивые и безжалостные, не ставящие под вопрос смысл собственного существования в бесконечной Вселенной.

Район складов был все ближе. Скоро он снова увидит Кали. Мысли о ней ускоряли его пульс и шаги. Он двигался легко, как будто какая-то невидимая сила несла его. Но это ощущение отличалось от тех моментов, когда его тело контролировали Жнецы. Тогда он наблюдал за собой со стороны, а теперь полностью участвовал в этом процессе, переставлял ноги, чтобы двигаться вперед. Просто для этого не требовалось никаких усилий, как будто бы ему кто-то помогал.

Симбиоз.

Внезапно Грейсон остановился. Его спокойное приятное настроение растворилось в темном облаке подозрений. Он попытался развернуться и посмотреть туда, откуда пришел, но ноги отказывались ему повиноваться. Он смог пройти только десяток шагов, прежде чем покрылся испариной и стал задыхаться. Его собственное тело боролось с ним.

Страшная правда медленно открывалась перед ним. Чужеродная технология настолько глубоко проникла в его тело и разум, что теперь Жнецы стали неотделимы от него. Когда он направлялся к Кали, они работали в унисон: паразит и его носитель, объединенные общей целью. Их незаметное влияние проникло в самую его суть настолько глубоко, что он не только не мог сопротивляться, а даже с энтузиазмом помогал им достичь цели.

— Нет! — закричал он резко и уверенно. — Я не отведу вас к ней!

Он приготовился к невыносимой боли, на случай если чужаки в нем станут бороться за его волю. Но ничего не произошло. Отсутствие сопротивления озадачило его. Он знал, что они все еще были здесь — провода и трубки, проходящие сквозь его суставы и переплетающиеся под его плотью, доказывали это, вне всякого сомнения. Но они теперь были невидимы, они больше не были чужими, они стали неотъемлемой частью его личности.

«Это хорошо. Влияние может направляться в обе стороны».

Сумасшедшая мысль пришла ему в голову. Если технология Жнецов теперь стала частью его самого, возможно теперь он сможет влиять и контролировать их так же, как раньше Жнецы контролировали его тело. Может быть, он сможет пользоваться кибернетическими улучшениями и новыми биотическими способностями в любой момент, когда ему этого захочется. Может быть, он сможет использовать их для достижения собственных целей.

«Ты несравненно выше этих жалких комочков плоти, которые тебя окружают».

Выводы были ошеломляющими. Потрясающими. Ему удалось избежать медленного и трудного процесса естественного отбора. Он разорвал цепь передачи мутированных генов от одного поколения другому, существующую ради жалких попыток обрести незначительное естественное преимущество. Он менялся сам по себе — быстро и уверенно. Он становился идеальным созданием.

«Не прячь того, чем ты стал. Яви свою славу».

Он боялся встречаться с Кали, боялся того, что она может о нем подумать. Он выглядел странно. Иным. Но она исследователь, она поймет и оценит по достоинству то, что с ним происходит. Она увидит его улучшения. Его новую цель. Она будет восхищаться им. Обожать его.

Крутанувшись на пятках, он снова побежал по направлению к складам, с нетерпением ожидая встречи, от которой готов был отказаться всего лишь минуту назад.

Кай Ленг сидел на диване в маленьком номере, снятом им два дня назад. Он ужинал, не отрывая взгляда от монитора, куда было выведено изображение с камеры слежения, помещенной на задней стене «Загробной жизни».

Его жилье располагалось менее чем в квартале от клуба. Обветшалое, полуразвалившееся здание, превращенное предприимчивым волусом в гостиничку с почасовой оплатой. В основном номера здесь снимали клиенты клуба, которые не могли себе позволить приватные кабинеты в «Загробной жизни».

Комната была слабо освещена, и в ней воняло тем, что Кай Ленг определил как смесь пота и рвоты представителей всех галактических рас. Но она располагалась достаточно близко к клубу, чтобы он имел возможность вести наблюдение, а в случае чего — моментально отреагировать.

Изображение на мониторе не менялось. Он знал, что то, что на первый взгляд казалось гладкой стеной, на самом деле было хорошо замаскированной дверью, ведущей к приватным кабинетам в задней части клуба. Широкоугольные линзы камеры наблюдения показывали, что узкая улочка была абсолютно пуста. В отличие от главного входа, где всегда стояла толпа, эта тайная дверь была наверняка известна только особо приближенным к Арии.

По инструкции Призрака он должен был проследить за людьми Арии и убедиться, что они выполняют свое обещание и уничтожат Грейсона.

Кай Ленг обладал ограниченными ресурсами и не мог отследить каждого в этой организации. Поэтому он с самого начала решил сфокусироваться на Санаке, батарианском лейтенанте Арии.

Менее опытный агент мог бы попытаться установить хвост за самой Арией. Но риск быть обнаруженным был слишком велик, и Кай Ленг знал, что она слишком осторожна, чтобы встречаться с Грейсоном лицом к лицу. К тому же, она почти никогда не покидала клуб. Так что слежка за Санаком казалась оптимальным выбором, учитывая ту информацию, которую Призрак собрал о батарианце, проведя несколько частных расследований. Батарианец был ее цепным псом, слепым орудием. Каждый раз, когда требовалось применить устрашение или грубую силу, она обращалась к нему.

Инстинкты Кай Ленга не подвели его. Три дня назад Санак покинул клуб через парадный VIP-вход. Кай Ленг проследил, как он собирал отряд тяжеловооруженных наемников и загружался в корабль. На следующий день, когда корабль вернулся, Санак и его наемники были уже не одни. С ними прибыли Кали Сандерс и адмирал Дэвид Андерсон, один из самых знаменитых солдат Альянса.

То, что эти люди были не гостями, а пленниками, стало понятно моментально. Они оба были без сознания, и Кай Ленг заметил на них наручники — в тот момент, когда крупный телохранитель-кроган проносил их, взвалив на свои плечи.

Кай Ленг незаметно следовал за Санакom и его командой, пока они тащили заложников к «Загробной жизни». Они держались безлюдных переулков, чтобы не привлекать лишнего внимания. Добравшись до клуба, они воспользовались секретной задней дверью, а не парадным входом, нечаянно открыв следовавшей за ними тени тайну ее существования.

Пока что все шло в соответствии с планом Призрака. Они схватили Сандерс и теперь использовали ее как наживку, чтобы поймать Грейсона. Кай Ленг догадался, что у него есть в запасе по меньшей мере день до того, как состоится эта встреча. Где бы Грейсон ни был, потребуется какое-то время, чтобы связаться с ним и назвать ему координаты. Это дало ему

время, чтобы приобрести оборудование для слежки, установить камеру у заднего входа, снять омерзительную комнату на соседней улице и запастись едой и питьем для последующего наблюдения.

Монитор был переносным, поэтому Кай Ленг мог ходить с ним даже в туалет, чтобы ничего не пропустить. На нем также был установлен звуковой индикатор, на случай если камера засечет движение, поэтому Кай Ленг мог позволить себе вздремнуть. Однако он не позволял себе глубокого сна. Доверия к продавцу оборудования у него не было, и в глубине души он опасался, что монитор может отключиться, пока он будет спать.

Этого нельзя было допустить. Особенно теперь, когда история, казалось, близилась к завершению.

Люди Арии привели Кали через потайной вход. Он не сомневался, что они выведут ее через эту же дверь, чтобы отправиться на встречу с Грейсоном. Все, что ему оставалось — это смотреть и ждать.

Андерсон знал, что время приближается.

— Ты готова? — спросил он Кали.

— Как никогда.

— Все будет в порядке, — успокоил он ее. — Просто придержиайся плана.

Они обговорили его, когда Ария оставила их наедине, и договорились, что если они хотят выбраться отсюда живыми, им нужно держаться вместе. Кроме того, он не мог позволить, чтобы Кали встречалась в Грейсоном один на один.

Он сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, усилием воли заставив бешено колотящееся сердце биться ровно.

Через несколько минут дверь открылась, и вошел Санак. Андерсон не ожидал, что именно его пришлют за Кали, но это ничего не меняло. Более того, это было им даже на руку.

Пара кроганов вошла в комнату вслед за ним с оружием наготове, на случай, если пленники попытаются оказать сопротивление.

— Пора идти, — отрывисто сказал Санак. — Вперед.

Кали демонстративно скрестила руки, стараясь не сгибать поврежденные пальцы. Андерсон сделал то же самое.

— Мы идем вместе, или я никуда не пойду, — сказала она.

Санак достал пистолет и сделал шаг вперед, прижав дуло ко лбу Кали.

— Он остается здесь. Ты пойдешь со мной или умрешь.

— Ты не убьешь меня, — спокойно и уверенно произнесла она. — Я нужна тебе для этой встречи.

Батарианец склонил голову вправо, инстинктивно демонстрируя работу мысли. Затем он повернулся и направил пистолет на Андерсона.

— Он не нужен нам для этой встречи, — предупредил он ее. — Идем со мной, или я размажу его мозги по всему полу.

— Ты этого не сделаешь, — заявил Андерсон. — Грейсон заподозрит неладное, он не объявится, пока не увидит Кали, а если почует, что что-то пошло не так, он скроется.

— Я нужна тебе, чтобы решить эту проблему, — настаивала Кали. — Причинишь Андерсону неприятности, и я не стану тебе помогать.

Андерсон видел, как лихорадочно Санак пытается что-нибудь придумать. Ария, вне всякого сомнения, упомянула, как важно привести на встречу Кали. Батарианец старался найти способ выполнить ее приказание и не пойти на поводу у пленников.

— У тебя два варианта, — медленно объяснила Кали. — Или Дэвид идет со мной, и все мы отправляемся на встречу с Грейсоном, или ты пытаешься остановить его, и тогда встреча не состоится.

— И тебе придется объяснить Арии, почему ты провалил задание, — добавил

Андерсон.

Он подозревал, что лейтенант неплохо выполняет приказы, но надеялся, что у него плохо с принятием самостоятельных решений. На этом строилась их игра.

Санак опустил пистолет, посмотрел на них и пристегнул его обратно к бедру.

— Если один из вас попытается что-нибудь учинить, я убью обоих, — предупредил он.

Глава 19

Монитор Кай Ленга подал сигнал, дав знать, что камера засекла движение, но предупреждение было необязательно. Он уже внимательно смотрел в экран, где Сандерс, Андерсон, Санак и пара телохранителей-кроганов выходили из «Загробной жизни».

Схватив свой пистолет и нож, он выбежал за дверь маленького гостиничного номера. Он и не подумал собрать камеры и прочее оборудование — даже если следующий постоялец увидит все это, ему наплевать. После этой встречи оно ему точно не понадобится.

Он не стал дожидаться лифта и помчался вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Он добежал до первого этажа и выскочил на улицу. Забежав за угол, он настиг свою добычу как раз тогда, когда компания достигла перекрестка, где улица, на которой располагалась «Загробная жизнь» вливалась в главную магистраль.

Любому другому они показались бы просто группой прохожих, разве что они слишком близко держались друг к другу, но Кай Ленг знал, что это значит. Санак со штурмовой винтовкой на спине и пистолетом в набедренной кобуре возглавлял шествие. Андерс и Сандерс, оба безоружные, шли за ним. Замыкавшие процессию два крогана были также вооружены штурмовыми винтовками, но, в отличие от Санака, они держали винтовки открыто, спокойно, словно между делом, покачивая ими во время ходьбы.

Держась на безопасном расстоянии, Кай Ленг следовал за ними через деловые и жилые секции центрального района Омеги. Через некоторое время магазины и дома сменились складами — они вступили в слабоосвещенную промышленную зону.

Пройдя мимо нескольких двух— и трехэтажных, ничем не примечательных зданий, процессия скрылась внутри склада в конце квартала. Несмотря на уличный полумрак, Кай Ленг видел, что окна склада то ли занавешены, то ли закрашены, чтобы никто снаружи не увидел, что творится внутри.

Он спрятался в дверном проеме одного из соседних зданий, так, чтобы, оставаясь невидимым, наблюдать за обеими сторонами улицы, и расположился поудобнее в ожидании Грейсона. Тот прибыл часом позже.

Он мало изменился с того дня, когда Кай Ленг видел его в последний раз. Обычно коротко стриженные волосы были немного длиннее, да борода более клочковатая, чем обычно, и имплантаты бросались в глаза. Несмотря на то, что плохо сидящая на нем одежда скрывала почти все тело, трубки, тянущиеся от его шеи к черепу, было трудно не заметить. Под упругой, почти прозрачной кожей на его щеках и руках были хорошо видны сверкающие, пульсирующие провода.

Призрак предупредил его не ввязываться в конфликт с Грейсоном без крайней необходимости. Он больше не был тем человеком, над которым Кай Ленг с легкостью одержал верх, а потом накачал наркотиками в камере; он стал куда сильнее. По плану, всю грязную работу должны были сделать люди Арии, а его миссия ограничивалась тем, чтобы доложить, если что-то пойдет не так.

Но даже без предупреждения Кай Ленг чувствовал, как изменился Грейсон. Он двигался с невиданной у него прежде грацией, и от него явственно исходило чувство опасности, как от хищника, охотника в поисках добычи.

Он прошел менее чем в пяти метрах от того места, где скрывался Кай Ленг. Несмотря на сумерки, убийца инстинктивно сильнее вжался в тень, чтобы оставаться незамеченным. Грейсон прошел мимо, не увидев его, и продолжил свой путь к складу в конце улицы.

В нескольких метрах от двери он остановился, вращая головой из стороны в сторону,

как бы изучая здание. Он выглядел настороженным, будто заподозрил ловушку.

Кай Ленг затаил дыхание, молясь, чтобы он вошел внутрь.

Грейсон быстро продвигался вглубь темного ряда зданий. Несмотря на плохое освещение, его улучшенное зрение позволяло ему видеть четко. Он заметил одинокую фигуру, затаившуюся в дверном проеме одного из сооружений, но счел ее незначительной. Он пришел встретиться с Кали, все остальное не имело значения.

Когда он достиг входа в здание, адрес которого ему дала Кали, он, однако, заколебался, внезапно ощутив беспокойство. Почему Кали выбрала такое заброшенное место для их встречи? Почему она не захотела встретиться с ним где-нибудь в людном месте? Она сообщила ему, что попала в беду — может быть, она слишком напугана, чтобы показаться где-то на людях?

Но это могло бы быть и ловушкой. Можно ли ей доверять?

Он встряхнул головой, отгоняя нелепое предположение о том, что Кали могла предать его. Она стольким рисковала, чтобы помочь ему и Джиллиан скрыться от «Цербера». Она поставила под удар свою жизнь и карьеру ради того, чтобы помочь Грейсону спасти дочь.

Джиллиан.

Теперь Джиллиан была в безопасности, и даже Призрак не смог бы найти ее на борту кварианского судна, исследующего глубокий космос. Воспоминания о дочери, которую он не видел два года, нахлынули на него: как она улыбалась, как разговаривала. Джиллиан была не такой, как все — ее аутизм затруднял ее общение с окружающими. Несмотря на огромный потенциал, она отставала от других детей проекта «Восхождение».

Проект «Восхождение».

Его целью было помочь человеческим детям-биотикам контролировать и даже совершенствовать свои скрытые возможности. Кали из всех сил старалась помочь Джиллиан, лично занимаясь с ней, давая ей больше, чем получали другие ученики.

Дети-биотики.

Он мало знал о других учениках. Пока Джиллиан была частью проекта, он навещал ее один или два раза в год, в зависимости от приказов Призрака. Но он был уверен, что Кали питала личный интерес к каждому ученику в Академии Гриссома. Зная ее, он мог сказать, что она выучила наизусть каждого...

Неожиданно Грейсона осенило, и он мучительным усилием воли остановил поток мыслей. Жнецы стали сильнее! Связь между ним и Жнецами усилилась. Его самые сокровенные мысли теперь открыты для них. Они рылись в его воспоминаниях, придирчиво отбирая нужные им знания. И внезапно им стало очень интересно, кто такая Кали и какую роль она играла в проекте «Восхождение».

Ужас объял его, и он попытался развернуться и убежать. Он должен держаться от Кали как можно дальше. Но воля врага вступила в противоборство с его волей. Он отчаянно сопротивлялся, но Жнецов не так-то просто пересилить.

Они заставили его двигаться вперед. Шаг за шагом он приближался к двери, до тех пор, пока не оказался настолько близко, что смог протянуть руку и коснуться панели доступа.

Грейсон продолжал бороться, используя все ментальные уловки, которые в прошлом помогали ему избавиться от влияния Жнецов. Но все было напрасно. Жнецы стали гораздо сильнее, чем он себе представлял. Они затаились, и, вместо того, чтобы доминировать, манипулировали им, скрывая свою истинную силу.

Дверь отворилась, и Грейсон вошел в слабоосвещенный склад. Он увидел Кали — она стояла посреди комнаты. Когда она увидела, как он выглядит, на ее лице отразилась жалость, смешанная с отвращением.

— О, Грейсон, — сказала она, готовая разрыдаться.

Но, хотя его внимание было полностью сфокусировано на ней, Жнецы сканировали все, что их окружало. Кали была не одна — по меньшей мере, дюжина вооруженных бойцов

были разбросаны по всему периметру.

Он ощутил выброс адреналина — его кукловоды поняли, что попали в ловушку, и вот-вот разверзнут врата ада для тех, кто посмел заманить их сюда.

Люди Арии уже были на месте, когда Андерсон и Кали прибыли на склад: с десяток человек располагались на земле, еще восемь — на мостках, тянувшихся вдоль задней стены склада. Ящики и погрузчики были с умом расставлены так, чтобы обеспечить укрытие людям Арии. Некоторые препятствия были также расположены полукругом, формируя что-то вроде загона в центре помещения.

Андерсону не составило труда разгадать их план. Как только Грейсон пройдет достаточно далеко, некоторые из людей Арии проскользнут ему за спину, отрезав единственный путь к отступлению. Идея была неплоха, с одним только исключением: для того, чтобы Грейсон оказался в нужной точке, Кали должна находиться внутри полукруга... и точно на линии огня, если станет жарко.

Он высказал свои возражения, но они остались незамеченными. Ответственный за проведение операции массивный кроган по имени Оргун приказал Кали свою занять позицию и ожидать Грейсона. Он затолкал Андерсона в один из темных углов в задней части здания и приказал Санаку не спускать с него глаз. Батарианец стоял в нескольких шагах от Андерсона, и штурмовая винтовка в его руках недвусмысленно намекала на то, что, если Андерсон попробует вмешаться в ход встречи, ему не поздоровится.

Из этого угла Андерсон не мог видеть Кали, а вот входная дверь была как раз в поле его зрения. Как раз на нее он и смотрел, когда вошел Грейсон.

То, как он выглядел, повергло Андерсона в шок. Кали говорила, что Грейсона видоизменили при помощи технологии Жнецов, но такого Андерсон не мог себе даже представить. Это существо больше нельзя было назвать человеком — он стал какой-то мерзостью, которой не было названия.

Под растянутой, бесцветной кожей Андерсон видел кибернетические имплантаты, спаянные с его плотью, и это выглядело так, словно машины пожирали его изнутри.

Он сразу вспомнил о колонистах, превращенных в хасков на Иден Прайм. Эффекты подобной трансформации оказались необратимы. Он боялся, что в случае с Грейсоном может оказаться то же самое.

Он услышал, как Кали назвала Грейсона по имени, а потом Оргун зашел тому за спину, блокируя путь к отступлению.

— Сдавайся, — прорычал огромный кроган, направляя штурмовую винтовку Грейсону прямо в спину. — Или мы убьем тебя на месте.

В ответ Грейсон припал к земле, развернулся на месте и направился к крогану, скрючившись так, что, казалось, он двигался, опираясь на все четыре конечности. Все это произошло в мгновение ока; Грейсон двигался так быстро, что его движения сливались в одно сплошное пятно.

Оргун выпустил очередь по противнику, но неожиданная скорость и необычность реакции Грейсона застали его врасплох. Его выстрелы, по привычке выпущенные в область верхней части тела, прошли слишком высоко, в то время как Грейсон приближался к нему.

Некоторые из рассредоточенных по складу бойцов — те, у кого получше с реакцией — успели произвести по нескольку выстрелов, но времени хорошенько прицелиться у них не было, и пули, не причиняя Грейсону никакого вреда, отскакивали от пола в том месте, где секунду назад находилась их цель.

Он врезался в Оргуна — мужчина, весом в 70 килограммов, против двухсоткилограммового крогана. К всеобщему удивлению, именно Оргун, выронив штурмовую винтовку, от этого удара отправился в полет.

Как только бойцы Оргуна оправились ступора, вызванного внезапной атакой, склад потрясла канонада выстрелов. Грейсон в ответ выставил биотический барьер, воздух вокруг

него засверкал внезапно выпущенной энергией. Пули увязали в мощном гравитационном поле, лишаясь движущей силы, и падали на землю, не причинив вреда.

Уголкем глаза Андерсон посмотрел на Санака. Батарианец был поражен вспышкой Грейсона не меньше остальных и еще не пришел в себя после потрясения. Он смотрел только на побоище, развернувшееся перед ним, совершенно забыв о своем пленнике.

Батарианец сделал первый шаг к полю боя, и в тот же момент Андерсон с разворота ударил его ногой по голове. Санак потерял равновесие, неловко взмахнул руками, и винтовка выпала из его рук и заскользила по полу.

Андерсон продолжил свою атаку, одним прыжком сбив противника с ног, и вместе с ним очутился на полу, отчаянно борясь за висящий на бедре Санака пистолет.

Пыхтя и ругаясь, они покатались по полу, и каждый пытался занять выгодную позицию. Но Андерсон оказался сверху, и это дало ему преимущество. Он схватился за рукоять пистолета, но батарианцу удалось взять в захват его локоть, не давая достать оружие.

Но все же Андерсон смог добраться до курка. Выстрел проделал дыру в бедре батарианца, заставив того завопить от боли и ослабить хватку. Андерсон быстро вытащил пистолет и, уперев его в живот противнику, трижды выстрелил.

Все четыре глаза Санака распахнулись от удивления, а тело обмякло. Андерсон откатился от него, все еще сжимая в руке пистолет. Батарианец открыл рот, словно намереваясь что-то сказать, но ему удалось издать только бульканье. Он закашлялся, и темная струйка крови скатилась из угла его рта.

Андерсон выстрелил еще раз, целясь в сердце. Санак дернулся. Голова его склонилась набок, глаза затуманились, жизнь медленно покидала его.

Эта стычка заняла не более тридцати секунд, но за это время стрельба на другом конце склада затихла. Оглядевшись, Андерсон увидел нескольких бойцов Арии, включая Оргуна, лежащих мертвыми на полу. Некоторые были в странных позах, конечности вывернуты под неестественными углами, что не оставляло сомнений в том, что они были убиты при помощи биотики. Другие были забиты до смерти; их головы разможены, будто кто-то ударил по ним кувалдой.

Но нигде среди этого побоища он не видел ни Грейсона... ни Кали.

Выбежав на середину комнаты чтобы осмотреться, он понял, что лишь он один остался в живых в этом здании. Он не представлял себе, что же случилось с Кали, но мог вообразить тысячу вариантов, и ни один из них не внушал особого оптимизма.

Опасаясь самого худшего, он бегом пересек комнату и выбежал на улицу, где и нашел ее — в неясном свете, одна, без оружия, она стояла к нему спиной, глядя куда-то вдаль.

— Ты в порядке? — спросил он, запыхавшись от бега.

Она повернулась на звук его голоса.

— Я в порядке, — успокоила она его. — Когда начали стрелять, я просто бросилась на пол и старалась быть как можно незаметней. К счастью, в меня никто не целился.

— А что Грейсон?

— Он ушел, — сказала она. — Пробился через людей Арии и выскочил в дверь. Они все побежали за ним.

Андерсон понял, что это их шанс. Пока люди Арии будут пытаться не дать Грейсону сбежать с Омеги, здесь будет царить хаос, а им, возможно, удастся ускользнуть незамеченными.

— Идем, — сказал он Кали. — Мы убираемся с этой станции.

— Как? — спросила она.

— Нам просто нужно найти кого-то, кто не подчиняется Арии и у кого есть корабль, — объяснил он, зная, что сказать подобное гораздо проще, чем сделать.

Из тени соседнего здания вышел незнакомый мужчина. Вместо приветствия он произнес:

— Возможно, я смогу вам с этим помочь.

Глава 20

Кай Ленг услышал выстрелы, раздававшиеся внутри склада — ловушка сработала. Однако, через несколько мгновений, увидев, как Грейсон, живой и невредимый, выбежал из здания, он понял, что люди Арии потерпели неудачу. Кай Ленг снова скрылся в тени, предпочитая не встречаться с Грейсоном. Его лояльность «Церберу» была велика, но самоубийство в себя не включала.

Грейсон перешел на бег. Через несколько секунд три вооруженных крогана выбежали из здания склада и бросились вслед за ним. Несмотря на тяжелый вес, кроганы бегают куда быстрее людей, но Грейсон больше не был человеком. Кибернетические улучшения, сделанные по технологиям Жнецов, позволили ему развить невероятную скорость, и к моменту появления кроганов, он оторвался уже метров на тридцать.

Кроганы на бегу открыли огонь, но точность выстрелов изрядно страдала из-за плохого освещения и быстрого бега. Грейсон двигался беспорядочными зигзагами, еще больше затрудняя попадание, но все же несколько выстрелов достигли цели — полностью уклониться от массированного огня оказалось непросто.

Грейсон оступился и на мгновение потерял равновесие, но быстро справился с собой, обернулся и выставил ладонь в направлении своих преследователей. Воздух покрылся рябью, исказившись от силы биотического удара.

Кай Ленг не сомневался, что если бы кроганы оказались чуть ближе к энергетической волне, она бы смыла их, переломав кости и превратив в кашу даже их дублирующие внутренние органы. Но Грейсон оторвался от них уже настолько, что сила атаки ослабла к тому моменту, как достигла кроганов. Поэтому волны хватило лишь на то, чтобы сбить их с ног, вместо того, чтобы сокрушить.

Пока его враги приходили в себя и поднимались, Грейсон уже снова перешел на бег. Он заметно прихрамывал, но нетвердость походки почти никак не повлияла на его скорость.

Из здания показалось новое подкрепление: полдюжины батарианцев и еще два крогана. Они присоединились к первым преследователям — те как раз окончательно пришли в себя. И те, и другие беспорядочно палили из своих винтовок, но к этому времени Грейсон был уже настолько далеко, что пули не доставали его.

Пробегая мимо укрытия, где спрятался Кай Ленг, он на мгновение попал в полосу света уличных фонарей, и убийца смог разглядеть его. Кровь хлестала из нескольких открытых ран на его правом бедре. Левая рука висела безжизненной плетью, скорее всего пуля раздробила плечо. Раны были тяжелыми, но не опасными для жизни — как ни странно, ни один из выстрелов не задел ни тела, ни головы.

Грейсон скрылся из виду, пробежав по улице и исчезнув за углом. Кай Ленг оставался неподвижным, пока мимо него, несколькими секундами спустя, пробежали люди Арии. Он знал, что любое неосторожное движение может привлечь их внимание к его укрытию. Он сомневался, что они остановятся — им было гораздо важнее догнать Грейсона. Но рисковать не стоило.

Некоторые кричали в переговорные устройства своих шлемов, отдавая распоряжения, но Кай Ленг сомневался, что вызов подкреплений поможет им одолеть Грейсона. Он был четко уверен — операция провалилась.

Грейсон сбежит, в этом Кай Ленг не сомневался. Призраку это не понравится. Но увиденное вселило в него какую-то надежду. Раны Грейсона доказывали, что, несмотря на всю свою силу, Жнецы не были неуязвимы. Если бы кто-то из людей Арии смог попасть Грейсону в голову, угроза могла быть уничтожена.

Кай Ленг все еще находился в своем укрытии, раздумывая о том, что ему делать дальше, когда на улицу вышла Кали Сандерс. И в голове убийцы созрел план.

После того как Грейсон покинет Омегу, «Церберу» нужно будет снова отслеживать его. Призрак сказал Арии Т'Лоак, что Сандерс — ключ к Грейсону. Теперь это уже не так,

учитывая то, какую роль она сыграла в этой истории с ловушкой на складе. Но все равно оставался шанс, что Кали можно будет использовать как наживку, для того чтобы снова выманить его.

Пока Кай Ленг раздумывал, что же ему делать дальше, Дэвид Андерсон вышел из здания склада и подошел к Сандерс. Несмотря на то, что он был вооружен пистолетом, Кай Ленг не волновался. Если дело дойдет до драки, у него огромное преимущество перед Андерсоном и Сандерс. Но ему не хотелось доводить дело до драки.

Он вышел из своего укрытия и быстро, но бесшумно и двинулся в их направлении. Он держался ближе к зданиям, пытаясь оставаться незаметным в отбрасываемых ими тенях. Помогало и то, что Сандерс и Андерсон были полностью сосредоточены друг на друге.

— Нам просто найти кого-то, кто не подчиняется Арии и у кого есть корабль, — он как раз подошел достаточно близко к ним, чтобы услышать, как Андерсон произносит эти слова.

Повинуясь внезапному порыву, он вышел из тени и произнес:

— Может быть, я смогу вам с этим помочь.

Кали отшатнулась, а Андерсон поднял пистолет.

— Кто вы? — спросил он.

Кай Ленг находился достаточно близко, чтобы, в случае необходимости, легко обезоружить адмирала до того, как тот успеет выстрелить. Но он знал, что «Церберу», если он хочет добраться до Грейсона, нужна Сандерс. Поэтому он решил прибегнуть к более действенному, чем насилие, методу — к правде.

— Меня зовут Кай Ленг. Мой корабль пришвартован в доке, там, где Ария не имеет влияния.

— А здесь вы просто прогуливались, не так ли? — спросил Андерсон, не скрывая сарказма. Его пистолет по-прежнему упирался в грудь Кай Ленга.

— Он агент «Цербера», — догадалась Кали. — Призрак послал его шпионить за Арией. Он хотел убедиться, что она прикончит Грейсона.

— У нас общие задачи, — заверил их Кай Ленг, даже и не пытаясь опровергнуть ее обвинение. Мы все хотим выбраться отсюда, и мы все хотим найти Грейсона. Может быть, нам стоит объединить силы?

— Может быть, мне стоит застрелить тебя прямо на месте? — сказал Андерсон, зловеще покачивая пистолетом.

— Ты можешь попытаться, — ответил Кай Ленг. — Но как это поможет тебе удрать с Омеги?

— Здесь еще не все куплено Арией, — вмешалась Кали. — Мы найдем кого-нибудь, кто вывезет нас отсюда.

— И сколько времени займут эти поиски? У вас его не так много. Сейчас все ее усилия направлены на то, чтобы отыскать Грейсона, но как только он сбежит — а он точно сбежит — Ария снова заинтересуется вами.

— Мы рискнем — сказал Андерсон, нажимая на курок.

Но Кай Ленг уже метнулся в сторону, уворачиваясь. Он поймал руку Андерсона и, прежде чем тот смог произвести еще один выстрел, схватил адмирала за запястье и вывернул ему руку.

Пальцы Андерсона разжались, пистолет выпал, но тот отчаянно сопротивлялся, пытаясь коленом попасть Кай Ленгу в пах. Кай Ленг повернулся так, что удары достигали только его бедра.

Кали прыгнула вперед, целясь ногой прямо в центр позвоночника Кай Ленга. Он амортизировал удар, подавшись вперед, будто бы намереваясь пройти колесом, не отпуская запястья Андерсона. Тот, под воздействием силы инерции, потерял равновесие и упал на землю.

Не разгибаясь, Кай Ленг выставил ногу и подсек ноги Кали, так что она упала поверх обоих мужчин. Нейтрализовав Андерсона ударом локтя в солнечное сплетение, Кай Ленг откатился от них, подобрал пистолет и вскочил на ноги.

Он наставил оружие на своих противников, все еще лежащих на земле. Вреда он им не причинил, если не считать того, что Андерсон все еще хватал ртом воздух после удара в солнечное сплетение.

Он держал их на прицеле достаточно долго для того, чтобы дать им понять, что если бы он захотел, они были бы уже мертвы, затем заткнул оружие за пояс.

— «Цербер» вам не враг, — сказал он. — Мы — защитники человеческой расы. Нам нечего с вами делить.

Кали осторожно поднялась на ноги. Андерсон все еще не мог восстановить дыхание. Она наклонилась и подала ему руку. Он покачал головой и отмахнулся от нее, кашляя и хрипя, пока поднимался на ноги.

— Не нужно меня агитировать, — сплюнула Кали, отказываясь сотрудничать даже после того, как Кай Ленг продемонстрировал свое физическое превосходство. — Я знаю, кто вы такие. Я видела, что вы сделали с дочерью Грейсона. Я видела, что вы сделали с ним.

— Порой необходимо приносить жертвы ради всеобщего блага.

— Чепуха, — скривился Андерсон. — Можешь оправдывать свои действия как тебе угодно, но вы всего-навсего банда террористов.

— Жнецы представляют собой такую угрозу, с которой человечество не сталкивалось никогда, — напомнил им Кай Ленг. — Вы думаете, что Призрак зашел слишком далеко, но это было необходимо для того, чтобы изучить врага. От этого зависит выживание нашей расы.

— Вы создали монстра и отпустили его гулять по галактике, — парировал Андерсон.

— Мы виноваты в этом не больше, чем вы. Но взаимными обвинениями мы ничего не добьемся. Нам надо объединиться, чтобы найти Грейсона.

— Я стану помогать вам убивать его, — заявила Кали. — Так что или прикончи нас, или оставь, черт возьми, в покое.

— Вы видели, во что превратился Грейсон, — продолжал гнуть свою линию Кай Ленг. — Вы можете себе представить, на что он способен. Его нужно остановить.

— Вы нагадили — вам и подтирать, — поддержал Кали Андерсон.

— Мы все еще можем ему помочь, — сказал Кай Ленг. Он уже понял, что знает, как уговорить Кали выслушать его.

— Мы знаем, как обратить процесс трансформации и обладаем для этого всеми необходимыми ресурсами, — соврал он. — Но скоро уже будет слишком поздно. Сама сущность Грейсона будет поглощена Жнецами.

Кали промолчала, и Андерсон беспокойно взглянул на нее.

— Это правда? — спросил он ее. — Они смогут обратить процесс?

— Может быть, — сказала она. — Я не знаю. Но если остался еще хотя бы один маленький шанс спасти его...

Ее слова повисли в воздухе.

— Даже если для этого придется поработать с «Цербером»? — мягко спросил Андерсон.

Кали кивнула.

— Веди нас к своему чертовому кораблю, — проворчал Андерсон.

— Идите туда, — сказал Кай Ленг, махнув рукой в направлении улицы. — Я думаю, что вы не обидитесь, если я не позволю вам дышать мне в спину.

Ария, как обычно, сидела на своем излюбленном месте в «Загробной жизни» и попивала коктейль, когда одна из азари, состоявших у нее на побегушках, прибежала с новостями о неудавшейся попытке взять Грейсона живым.

— Оргун и Санак убиты, — сказала она. — Грейсон сбежал. Кидо и его люди идут за ним.

Черты лица Королевы Пиратов остались неподвижны — она прекрасно скрывала свое

крайнее неудовольствие.

— А что Сандерс и Андерсон?

— Я не знаю, — покачала головой посланница. — Кидо ничего о них не сказал.

— Тогда почему ты здесь? — холодно спросила Ария.

— Кидо послал за подкреплением. Он сказал, что Грейсон... изменился.

— Изменился? В каком смысле?

— Какие-то кибернетические улучшения. Он не углублялся в подробности.

Ария выругалась про себя. Не нужно было доверять «Церберу». Она не сомневалась, что там знали об улучшениях Грейсона, и более того, возможно, это было делом их рук. Однако ее никто не предупредил. Если бы она знала, она послала бы за ним больше людей... а может, пересмотрела бы свои планы взять его живым.

Но также она злилась и на себя. Ей так хотелось отомстить за смерть Лизелль, что она приняла предложение «Цербера», несмотря на собственные сомнения. Она позволила чувствам к собственной дочери взять верх над своими суждениями. Она смешала эмоции с делом. Больше она такой ошибки не допустит.

— Дайте Кидо все, что ему нужно, — ответила она. — И предупредите всех — увидят Грейсона, пусть стреляют на поражение. Постарайтесь свести потери мирного населения к минимуму, но если что-то случится, то я никого не буду наказывать.

Посланница кивнула и бросилась выполнять приказы.

Ария, посмотрела ей вслед, и вернулась к коктейлю, размышляя о том, как отомстит «Церберу» и Призраку.

Грейсон с восхищенным ужасом наблюдал, как Жнецы направляют его в яростное бегство через всю Омегу. Они похоронили его так глубоко в недрах его собственного подсознания, что он практически полностью потерял связь со своей физической оболочкой. Он как-то знал, что ранен, но боль была настолько далекой, что не имела значения.

Побег со склада был только началом. Пока он бежал по улицам Омеги, ему казалось, что все вокруг пытаются убить его. Куда бы он ни сворачивал, за каждым новым углом он наткнулся на заряженный пистолет или на хорошую засаду. Ария послала за ним все, что у нее было, Грейсону было интересно, хватит ли этого?

Жнецы превратили его в убийственное оружие, но их сила была не бесконечна. Постоянное напряжение всех сил Грейсона не давало им восполнять энергию, содержащуюся в его теле, и каждый раз, когда они пользовались им, они становились и более уязвимыми. Он уже видел, что они слабеют — каждая новая встреча становилась все сложнее и опаснее.

Первая группа, попавшаяся ему на пути, была уничтожена при помощи сингулярности. Легким поворотом руки Жнецы вызвали единственный сгусток практически бесконечного поля эффекта массы, образовавшийся прямо в центре группы из четырех азари, залегших за углом в ожидании Грейсона. Гравитационное поле поглотило их мгновенно, задолго до того, как они сообразили призвать собственные биотические силы для ответной атаки.

Следующая группа врагов — взвод людей и батарианцев — нарвалась на жестокую физическую расправу. Грейсон попросту протаранил их до того, как они успели разрядить в него свое оружие, его руки и ноги стали смертоносными орудиями, которые крушили, ломали, и разрывали врагов на части. В конце этой встречи Жнецы замедлили его бег — но лишь настолько, чтобы он успел наклониться и подобрать выпавшее из рук противников оружие, и затем отравили Грейсона дальше, теперь уже со штурмовой винтовкой в каждой руке.

Эти винтовки позволили Жнецам сменить тактику. Вместо того чтобы сокрушать врагов биотикой или в рукопашном бою, они устроили битву на бегу через улицы Омеги. В отличие от людей Арии, Грейсон не носил брони, так что Жнецы ни разу не вступили в ближний бой ни с одним из встретившихся им на пути патрулей. Вместо этого они

разражались серией быстрых выстрелов, и потом отступали — укрываясь за углом одного из многочисленных переулков Омеги. Противопоставляя вражеским кинетическим барьерам и их количеству скорость и маневренность, они уничтожали отряды противника один за одним, расчищая себе путь.

В нормальных обстоятельствах такая стратегия была бы невозможна. Технологические улучшения помогали снизить отдачу, но один только размер патронов требовал стабилизировать оружие, держа его обеими руками. Даже у крогана не хватило бы сил стрелять из этих винтовок с двух рук, но Грейсон управлялся с ними с такой легкостью, будто бы это были пистолеты.

Впрочем, штурмовые винтовки не славятся точностью выстрела. Даже встроенная в них автоматическая система наводки не повышала шансов дважды на ходу попасть в одну и ту же цель. Но искусственные улучшения Грейсона дали Жнецам невероятную точность, позволяя целиться в одну цель из двух винтовок одновременно. Кинетические барьеры не выдерживали такого концентрированного огня, и как только они падали, и жертва становилась уязвимой, Жнецы завершали работу одним метким выстрелом в голову.

Люди Арии сопротивлялись, как могли, но органической жизни не сравниться с беспощадной эффективностью практически идеальной машины для убийства. Но даже использование оружия с практически лазерной точностью наводки забирало его энергию. Несмотря на огромное физическое превосходство, его соперники рано или поздно возьмут его числом. Он потерял счет убитым Жнецами врагам где-то после двадцатого, но в распоряжении Арии куда больше резервов, которые она, несомненно, задействует.

Жнецы тоже поняли тщетность попыток уничтожить целую армию и начали поиски пути к отступлению. Вся Омега представляла собой запутанный лабиринт шатких конструкций, тупиков и улочек, ведущих в никуда. Но за те два года, что он работал на Арию, Грейсон изучил эту станцию как свои пять пальцев.

Теперь Жнецы полагались на эти его знания, получая доступ к ним напрямую из его сознания. Он ничего не мог сделать, чтобы остановить их — он превратился в ходячую библиотеку, к которой они могли обратиться, когда вздумается.

С боем пробиваясь через многочисленных солдат Арии, они наметили курс через извилистые улочки, направляясь к ближайшему из многочисленных стыковочных доков Омеги. Доки, контролируемые Арией, практически не охранялись, — большинство знало, чем чревато похищение корабля у Королевы Пиратов. Этот док не был исключением — только жалкая горстка охранников попыталась остановить незваного гостя. Но они быстро разделили судьбу своих товарищей, хотя одна из охранниц перед смертью успела подать сигнал тревоги.

Грейсон знал, что подкрепления придут менее чем через пару минут после сирены, и как только это пришло ему в голову, он тут же понял, что это уже известно и Жнецам.

Они заставили его стремительно подбежать к маленькому, одноместному шаттлу, расположенному в одном из шлюзов. Посадочный трап был поднят, входная переборка закрыта. Жнецы заставили Грейсона протянуть руку и дотронуться до панели управления, голубые искры посыпались с его пальцев. Миллионы числовых комбинаций пронеслись в его мозгу, пока Жнецы подбирали нужный код, и через секунду дверь с мягким щелчком открылась.

Жнецы даже не стали дожидаться пока опустится трап. Выбросив штурмовые винтовки, они заставили Грейсона схватиться руками за боковые створки дверного проема и вбросить себя в шаттл. Оказавшись внутри, он запечатал дверь и занял место пилота.

Взвод батарианцев опоздал на мгновение — двигатели как раз начали разогреваться. Наемники открыли огонь, но было уже поздно — их оружие не причиняло никакого вреда броне корабля.

Корабль вышел из дока, мягко преодолел тончайший мерцающий энергетический барьер, охранявший атмосферу внутри дока от ледящего холода космического вакуума, и взмыл над станцией.

В отличие от Цитадели, Омега не имеет системы защиты. Нет ни патрулирующего флота, ни защитных турелей, ни акселераторных пушек. Недосыгаемые для патрулей и солдат, оставшихся внизу, Жнецы были готовы закончить свой побег с Омеги.

Пока шаттл удалялся от станции, Жнецы снова начали рыться в памяти и воспоминаниях Грейсона. Он быстро догадался, что они ищут информацию обо всем, что касается проекта «Восхождение»: имена, места, системы защиты.

Он больше не пытался противостоять им — это было бессмысленно. Жнецы сломали его волю к сопротивлению. Его единственной отрадой оставалось то, что даже с полным доступом к его мыслям Жнецы все равно не смогут найти Джиллиан. Его дочь была в безопасности... чего нельзя сказать о ее одноклассниках.

Жнецы не стали сразу же задавать курс на Академию Гриссома. Вместо этого они открыли коммуникационный канал корабля и подключились к экстранету. Получив доступ к миллиардам терабайт информации со всей галактики, они без труда смогли найти то, что им было нужно.

Добыв нужную информацию, Жнецы начали формировать код. Грейсон сразу понял, что они делают — за время работы с «Цербером» он обучался азам компьютерного взлома, и ему уже приходилось наблюдать подобное: сомнений не было, Жнецы создавали вирус.

Его пальцы, направляемые искусственным интеллектом его кукловодов, порхали над цифровым интерфейсом. Грейсон попытался отследить, что же происходит, но сложность и объем данных превышали все мыслимые для человеческого разума пределы.

Они возились минут пятнадцать, но наконец, программа их удовлетворила. Тогда они снова подключились к экстранету и направили сообщение в Академию Гриссома. Сеть Академии была защищена всеми возможными фаерволлами и разнообразными уровнями защиты, но Грейсон знал, что все системы безопасности, даже самые изощренные, не сравнятся с той зловещей программой, которую создали Жнецы.

Пока Жнецы задавали курс на Академию навигационным системам шаттла, Грейсон чувствовал, что силы их на исходе. Отчаянное бегство с Омеги выжало их до предела. Им нужно было как-то подзарядиться, но Грейсон не обольщался, что ему выдастся возможность попытаться вернуть контроль над собственным телом.

Шаттл разогнался до скорости света, направляясь к ближайшему ретранслятору, и начал серию прыжков которые, в конечном счете, приведут Жнецов в пункт назначения. Они отключили Грейсона, после первого прыжка, погрузив его в глубокий, без сновидений, сон.

Глава 21

Кали и Андерсон шли, опережая Кай Ленга на несколько шагов, от складов к жилым кварталам Омеги. Он направлял их, по необходимости указывая направление бесстрастным, деловым голосом:

— За углом налево. Три квартала прямо. Направо. Еще раз налево.

Они не бежали, но шли очень быстро, подгоняемые обоюдным желанием убраться со станции как можно скорее. Пока они шли по пустынным улицам, мысли Кали неслись с запредельной скоростью.

Она думала о Грейсоне и о том, что Кай Ленг обещал, что «Цербер» может спасти его. Ей очень хотелось ему верить, но она знала что тот, кто работает на Призрака, не погнушается солгать, чтобы добиться сотрудничества с нею.

Она пыталась воссоздать в памяти все, что ей стало известно об экспериментах на Грейсоне из беглого ознакомления с отчетами. Содержащиеся в них сведения были, в основном, теоретическими и спекулятивными, даже те ученые, которые отвечали за операцию, не знали точно, чего ожидать.

Как она ни пыталась, она не могла ни подтвердить, ни опровергнуть то, что обещал Кай Ленг. У нее было слишком мало времени на изучение отчетов — люди Арии атаковали до того, как она успела разобраться.

Однако общее направление их работы ей ухватить удалось. Исследования, в основном, касались тех данных, которые так или иначе поддавались измерению — физических отклонений или изменений в функциях головного мозга. Никто не считал нужным провести хоть какое-то психологическое тестирование, понять причины этой ужасной трансформации тоже никто не попытался. Почему Жнецы развили эту технологию? Почему Коллекционеры похищают людей и перерабатывают их? Что ищут Жнецы? Что они, на самом деле, хотят?

Кали знала, что если бы она смогла ответить на эти вопросы, она бы догадалась, что Грейсон будет делать дальше. Стала ли бы она делиться этой информацией с Кай Ленгом, она еще не решила.

Андерсон видел, что идущая рядом с ним Кали погрузилась в глубокую задумчивость. И он догадывался, о чем она думает — она не была готова отказаться от Грейсона.

Он тоже еще не был готов сдаваться. С прошлого воскресенья агенты «Цербера» надрали ему задницу не меньше семи раз, но он не собирался просто так подчиняться кому-то, над кем стоял Призрак.

Кай Ленг был хорошо сложен, но крупным он не был. Андерсон был тяжелее его минимум на двадцать фунтов, и если бы они сошлись близко — как, например, в кабине управления шаттлом, — он смог бы использовать это преимущество. Хотя надо признать, что неизвестно еще, хватило ли бы этого, чтобы противостоять скорости и тренированности Кай Ленга.

— За этим углом направо, — сказал им Кай Ленг.

Они свернули на длинный, узкий проулок. В дальнем его конце виднелась большая дверь, встроенная прямо в стену, отделяющую один район от другого. Перед стеной располагалась укрепленная баррикада, высотой примерно по пояс. Она выходила прямо из стены, пересекала улицу и другим своим концом упиралась в ту же стену, формируя небольшой бункер. За этой баррикадой расположились пятеро вооруженных турианцев.

На первый взгляд казалось, что они скучают: кто-то вальяжно прислонился к стене, кто-то облокотился на баррикаду, а кто-то сидел на ней, будто бы просто бездельничая. Но, увидев людей, они быстро заняли оборонительные позиции за баррикадой.

— Кто это такие? — спросила Кали.

— «Когти», — ответил Кай Ленг. — Они контролируют район, который находится за баррикадой.

За время дипломатической работы Андерсон регулярно получал отчеты от сотрудников разведывательного управления Альянса, внедренных по всей галактике. Большинство отчетов приходили из мест, находящихся в зоне влияния Совета, но некоторые из них касались важных мест Граничных Систем, таких, как Омега.

Из этих отчетов Андерсон знал о том, что «Коготь» был самой большой независимой группировкой на Омеге. Как и большинство группировок, «Коготь» занимался распространением наркотиков, контрабандой оружия, вымогательством, заказными убийствами и работорговлей. За определенную — и немалую — плату они так же позволяли кораблям и шаттлам, которые хотели избежать столкновения с Арией и ее организацией, пришвартовываться в доках, расположенных на контролируемых «Когтем» территориях Омеги.

Их бизнес приносил неплохую прибыль и постепенно они расширяли сферу влияния на станции, поглощая более мелкие банды. Однако Андерсону было известно, что своим успехом «Когти» во многом обязаны тем, что вместо открытого противостояния Арии, они соблюдают видимость мирного сосуществования с Королевой Пиратов.

— Скорее всего, Ария разослала наши словесные портреты каждой банде на этой станции, — предупредил Андерсон. — Если она предложила награду за наши головы, «Когти» вполне могут продать нас ей.

— Сейчас между Арией и «Когтем» не все гладко, — заверил их Кай Ленг. — Даже если они знают, что она охотится на нас, они не станут ей помогать.

Турианские охранники внимательно изучали подошедших. Двое подняли оружие, а

третий перепрыгнул через баррикаду и вышел им навстречу. Андерсон удивился, увидев, что помимо пистолета, на поясе турианца висел еще и шокер. Ему казалось, что «Когти» из тех головорезов, что сперва стреляют, а потом задают вопросы. Однако, кажется, и для них иногда бывало лучше обездвигить противника вместо того, чтобы убивать.

Если подумать, то в этом был смысл. Среди арендаторов доков не всегда попадались честные люди, споры по поводу неплатежей были неизбежны, а стрелять в своих клиентов — не самое лучшее для бизнеса. Бить по ним шокером такой силы, чтобы вызвать потерю сознания тоже не лучший вариант, но за неимением альтернативы — вполне сойдет.

— Стойте, — приказал турианец. — Что вам здесь нужно?

— Я арендовал док номер 6358, — ответил Кай Ленг.

— Шаг вперед, для идентификации личности, — приказал охранник.

Кай Ленг выступил вперед и протянул руку, чтобы турианец смог просканировать его инструментрон.

— Подтверждается, — кивнул охранник. — Аренда оплачена вперед до конца недели.

— Я уезжаю немного раньше, — сказал Кай Ленг.

— Это ваше дело, — ответил ему турианец. — Но мы не возвращаем деньги. — Турианец положил руку на висящий на поясе шокер.

— Я и не собирался ничего требовать, — заверил его Кай Ленг. Турианец расслабился и кивнул своим компаньонам.

Как только турианцы убедились, что у людей есть законное основание находиться на их территории, и что они не ищут неприятностей, они опустили оружие. Встретивший их охранник перелез обратно за баррикаду и нажал дверную панель. Дверь за ним открылась, и за ней показалась еще одна унылая, длинная, узкая улица.

— Сперва вы двое, — кивнул Кай Ленг.

Андерсон положил одну руку поверх баррикады и, перепрыгнув ее, обернулся к Кали. Как только он увидел ее вывихнутые пальцы, в его голове сформировался хитрый план.

Он взглянул на Кай Ленга. Тот, ожидая подвоха, отрицательно покачал головой — именно на такую реакцию и рассчитывал Андерсон.

— А ты? Поможешь? — Андерсон повернулся к охраннику с шокером на поясе.

Охранник, чуть поколебавшись, выступил вперед.

— Пошевеливайтесь, — пробурчал он.

Кали подошла к баррикаде и поставила на нее правую ногу. Левая ее нога оставалась на земле, и ей не хватило инерции перемахнуть на другую сторону. Вместо этого, она наклонилась вперед, и Андерсон с турианцем подхватили ее под руки с двух сторон.

— На счет три, — сказал Андерсон. — Раз... два... три!

Андерсон почувствовал, как Кали сгибает колено и переносит свой вес на каждый счет все больше и больше, помогая им перенести ее на другую сторону баррикады. Но пока они тащили ее, Андерсон слегка развернулся, так, что Кали потеряла равновесие и упала на турианца, как раз в тот момент, когда уже оказалась на той стороне. Андерсон не опускал ее руки, и она, падая, увлекла за собой и его, так что теперь все трое неловко лежали на земле.

Кай Ленг отреагировал почти мгновенно и перемахнул через стену, даже не коснувшись ее. Другие охранники-турианцы сделали именно то, что должны были сделать в непредвиденной ситуации, и то, что Андерсон от них и ожидал — они достали оружие.

Кай Ленгу пришлось предстать лицом к лицу с вооруженными турианцами, и Андерсон получил так необходимые ему несколько секунд. Он сорвал с пояса упавшего турианца шокер, перекатился на спину и выпустил в свою цель электрический разряд.

Заряд попал точно в спину Кай Ленга, в щель между наплечниками брони, и Кай Ленг упал на землю без сознания. Двое турианцев уже были повержены — раненые, но живые. Двое других все еще держали в руках оружие, но было неясно, собираются ли они использовать его против Кай Ленга или Андерсона.

— Все в порядке! Все в порядке! — закричал Андерсон, отбрасывая шокер и поднимая руки, показывая, что сдается.

Пока их разъяренный капитан приходил в себя, турианцы помогли Андерсону и Кали подняться на ноги. Они подтолкнули людей к стене, толкая их упертыми в грудь винтовками.

Андерсон ничего не сказал по поводу больно упирающейся в его ребра винтовки. Он прекрасно понимал, что перед тем, как продолжать разговор, нужно дать всем, в том числе и себе, время успокоиться. Он видел, что Кали больно, но не мог понять — это оттого, что ее тоже бесцеремонно прижали винтовкой к стене или оттого, что она еще больше повредила руку, пока падала.

Капитан взглянул на людей, потом подошел к раненым турианцам, лежащим на земле. Оба стонали от боли, но с помощью капитана смогли, к немалому облегчению Андерсона, подняться на ноги. Если бы Кай Ленг кого-нибудь убил, уговорить турианцев отпустить их было бы намного труднее.

— Я могу все объяснить, — сказал Андерсон, сочтя, что остыл уже достаточно для того, чтобы ясно излагать соображения. — Этот парень взял нас в заложники.

— Он оплатил стоянку, — возразил турианец. — Он наш клиент. А вы — нет.

— Вы так или иначе получите свои деньги, — напомнил им Андерсон. — Даже если отпустите нас.

— Может быть, нам стоит задержать вас пока он не придет в себя, — подумал вслух капитан. — Он, может быть, еще доплатит нам за то, что мы не дали вам уйти.

— Он агент «Цербера», — перебила Кали.

— Это правда? — спросил капитан у Андерсона, делая шаг вперед и приближаясь к нему так близко, что между их лицами оставалось всего лишь несколько дюймов.

— Это правда, — твердо сказал Андерсон, глядя капитану прямо в глаза.

Капитан отступил на шаг, но промолчал. Охранники кидали на него быстрые взгляды, ожидая его решения. Андерсон затаил дыхание.

Ксенофобские настроения «Цербера» были хорошо известны по всей галактике, даже на Омеге. Так что нелюбовь представителей всех рас, кроме человеческой, к Призраку и его сотрудникам не была неожиданностью. Единственным вопросом было, что победит — нелюбовь к «Церберу» или жадность наемников.

— Идите, — наконец, сказал капитан. — Если нужно, возьмите корабль.

Охранники опустили оружие.

— А с ним что? — спросила Кали, кивая на все еще находящегося без сознания Кай Ленга.

— Мы что-нибудь придумаем, — ответил капитан, и другие турианцы злорадно рассмеялись.

— Если мы возьмем его с собой, то сможем причинить неприятности «Церберу», — продолжала Кали. — Мы солдаты Альянса. Мы пытаемся уничтожить эту организацию. У него есть нужная нам информация.

— Да и вам не нужны неприятности с Призраком, — добавил Андерсон. — Вам уже заплатили. Просто возьмите деньги и отпустите нас.

Капитан помолчал минуту. Потом пожал плечами:

— Да не вопрос. Забирайте его. Убирайтесь отсюда. Нам-то какое дело?

Андерсон не стал дожидаться второго предложения. Он наклонился и взвалил Кай Ленга на плечо с тяжелым вздохом.

— Как нам добраться до дока? — спросил он.

— Это недалеко. В конце улицы свернете направо. На той стороне увидите указатели. Ваш номер 6358.

Кали пошла впереди, турианцы остались у входа. Андерсон, тяжело дыша, тащил свою ношу.

— Извини, что я тебя не предупредил, — сказал он, когда они ушли уже настолько далеко, что охранники не могли их услышать. — Ты поранилась?

— Я в порядке, — успокоила она его. — У нас не было времени на раздумья.

— Зачем ты решила взять его с собой? — спросил Андерсон, кивая на лежащего у него на плече мужчину, так и не пришедшего в сознание.

— Я подумала, что мы сможем передать его Альянсу для допроса, — объяснила она.

Ее ответ успокоил Андерсона, он боялся, что Кали все еще лелеет надежду, что Кай Ленг и «Цербер» смогут как-то обратить трансформацию Грейсона.

Кали больше ничего не сказала, и Андерсон решил, что для него важнее сберечь дыхание, чем продолжать разговор. Спустя пять минут они достигли космопорта. К радости Андерсона он увидел, что док 6358 оказался вторым от входа.

— Нам лучше поторапливаться, — сказал он Кали, как только они подошли к шаттлу Кай Ленга. — Я не знаю, сколько еще времени он пробудет без сознания.

Взлом системы безопасности занял всего несколько минут. Андерсон внес Кай Ленга внутрь судна и стал искать что-то, чем его можно было бы связать.

Он нашел стандартный набор на случай экстренной посадки, в котором была еда, бутылка воды, светильник и обогреватель, небольшая палатка, пятьдесят футов крепкой нейлоновой веревки и армейский полевой нож.

Он быстро разрезал веревку на несколько частей — примерно по восемь футов каждая — и с их помощью привязал так и не пришедшего в сознание Кай Ленга к креслу второго пилота.

— Ты сможешь управлять этой штукой? — спросила Кали.

— Это стандартное судно Альянса, — успокоил он ее, заводя моторы.

После обычной проверки всех систем он поднял шаттл в воздух, и вывел его из дока, оставив Омегу позади.

Он надеялся, что больше никогда не увидит эту проклятую богом станцию.

Глава 22

Не успели они завершить свой первый прыжок из тех, что должны были бы привести их через сеть ретрансляторов к Цитадели, как Кали поднялась со своего места и прошла в переднюю часть шаттла — проверить, как там Андерсон.

Она взглянула на пленника. Он все еще был без сознания, привязанный к креслу второго пилота. Так как все места в кабине были заняты, он присела рядом с занятым управлением Андерсоном.

— Я вдруг поняла, что так и не поблагодарила тебя за то, что ты вытащил меня с Омеги, — сказала она.

— Когда я понял, что могу улизнуть, я решил, что было бы неплохо взять с собой и тебя, — отшутился он.

Кали улыбнулась и осторожно положила свою раненую руку на его плечо.

— А то, что произошло у Арии....

Андерсон покачал головой:

— Только не при нашем друге.

Кали повернула голову и посмотрела на Кай Ленга. На первый взгляд казалось, что его глаза закрыты, но приглядевшись, она увидела, что он наблюдает за ними из-под ресниц.

— Он уже минут двадцать, как пришел в сознание — сказал Андерсон.

Поняв, что раскрыт, Кай Ленг широко открыл глаза.

— Куда вы меня везете? — спросил он.

— На Цитадель, — ответил Андерсон. — У меня в Альянсе есть несколько друзей, они хотели бы с тобой пообщаться.

— Вы ошибаетесь, — предупредил их Кай Ленг. — Вам надо искать Грейсона. Он становится сильнее. Его нужно остановить.

— Возможно, ты и прав, — согласился Андерсон. — Но пока мы не знаем, где его искать, мы будем придерживаться моего плана.

— Я и правда не знаю, где он, — признался Кай Ленг. — Я думал, ты знаешь.

В его голосе Кали явственно услышала удивление.

— Почему ты думал, что мы знаем, куда отправился Грейсон? — произнесла она.

— Призрак сказал мне, что ты приведешь меня к Грейсону, — ответил он ей. — Он считает, что между вами существует какая-то связь.

— Он уже не тот Грейсон, которого я знала, — холодно ответила она. — Твои люди сделали для этого все возможное.

— Но ты видела файлы, — продолжал Кай Ленг. — Ты знаешь, что с ним происходит. Я думал, ты сможешь проанализировать информацию, сложишь ее, как мозаику, и предугадаешь его следующий шаг.

— Не слушай его, — предупредил ее Андерсон. — Он пытается манипулировать тобой.

— Нет, — мягко ответила Кали. — Он прав. Я уже тоже думала об этом. Мне кажется, что в этой мозаике чего-то не хватает.

— Ты видела, что он сделал с людьми Арии, — напомнил ей Андерсон. — Даже если мы пойдем, где его искать, что мы с ним будем делать?

— Ты рассуждаешь как трус, — перебил Кай Ленг.

Андерсон не удостоил его ответом.

Кали поняла, что продолжение дискуссии лишь усилит напряжение, и вернулась на свое место в задней части корабля.

Усаживаясь в кресло, она продолжала размышлять обо всем, что случилось. То нечто, которое она видела на складе, не было Грейсоном. Это было его тело — хотя бы частично — но полностью подконтрольное Жнецам.

Если бы только она смогла понять, чего хотят Жнецы и какую роль во всем этом играет Грейсон, она смогла бы найти ответы, сказала она себе.

Она стала вспоминать, что же было в тех отчетах об экспериментах, пытаясь свести воедино все, что ей было известно о Жнецах. Их интересовали люди — это было понятно. Они дошли до того, что заставили Коллекционеров похищать людей, чтобы проводить свои версии церберовских экспериментов.

Но если бы они хотели, чтобы Грейсон похищал для них людей, они просто отправили бы его на отдаленные колонии в Граничных Системах. Там шансы отыскать его свелись бы к нулю.

Она в бессильной ярости ударила кулаком по подлокотнику кресла, вывихнутые пальцы отозвались болью. Но она была слишком занята решением проблемы, чтобы обратить внимание на эту боль.

Кай Ленг сказал, что она — ключ ко всему. Призрак чувствовал, что между ней и Грейсоном существует определенная связь. Имеет ли это отношение к Джиллиан? Возможно ли, что на самом деле Жнецам нужна Джиллиан и ее уникальные биотические способности?

Она чувствовала, что разгадка близка, но еще не найдена. Данные «Цербера» содержали предположения о том, что со временем Жнецы смогут получать информацию непосредственно из сознания Грейсона. Но даже если бы они и нашли информацию о Джиллиан, они не смогли бы найти саму девочку. Единственное, что они смогли бы сделать, это просмотреть все файлы по ее участию в проекте «Восхождение»...

Догадка ударила по ней с такой силой, что она почти закричала. Вскочив на ноги, она побежала в кабину управления.

— Немедленно отправьте сообщение в Академию Гриссома! — приказала она, в спешке проглатывая слова. — Предупредите их, что Грейсон приближается к ним.

К чести Андерсона, надо заметить, что он не стал спорить или возражать. Он замедлил ход корабля и послал сигнал, чтобы подключиться к ближайшему спутнику связи.

— Я в сети, — сказал он несколько секунд спустя. — Но что-то идет не так. Я не могу соединиться с Академией.

— Попробуй экстренные каналы, — предложила Кали.

— Я пробую все каналы, — сказал он. — И никакого ответа. Как будто бы они отключили системы коммуникации.

— Жнецы, — заявил Кай Ленг. — Они придумали какой-то способ блокировки передачи данных, чтобы Академию никто не предупредил.

— Насколько далеко мы сейчас от Академии? — спросила Кали.

— Два прыжка, — Андерсон посмотрел на мониторы. — Мы можем добраться туда за три часа, если я выжму из этих двигателей все возможное.

— Давай, — попросила его Кали.

Шаттл Грейсона начал сбрасывать скорость за несколько тысяч километров от Академии Гриссома. На таком расстоянии уже можно было послать сообщение напрямую, не задействуя спутник.

Грейсон знал, что Кали никому в Академии не рассказала правды о нем. Она поверила, что он полностью отрекся от «Цербера» и хотел изменить свою жизнь, и не видела смысла портить ему репутацию. Кроме этого, она всегда просила навестить ее, хотя он до сих пор так и не воспользовался ее приглашением.

Жнецы узнали обо всем этом еще на Омеге, пока искали информацию о Кали в его памяти. Теперь они используют все, что им известно для того, чтобы получить доступ к проекту «Восхождение».

— Академия Гриссома, это Пол Грейсон. Как слышите?

— Слышим, Грейсон — отозвался голос в интеркоме. — Давно не виделись.

Грейсон не узнал голос охранника, и это означало, что Жнецы тоже не узнали его. Но то, что охранник узнал его, не вызвало удивления, даже несмотря на то, что с того времени, как Грейсон был частью проекта «Восхождение», прошло два года. Во время своей работы на «Цербер» Грейсон притворялся богатым папочкой, да и Джиллиан была одной из самых выдающихся учащихся в этом заведении. Поэтому любой визит отца вполне мог запомниться охране.

— Я пытался сообщить о своем прибытии, но сообщение почему-то не проходило, — солгали Жнецы.

— Все наши сети упали, — послышался ответ. — Уже четыре часа мы не можем никуда подключиться. Так что у нас объявлена готовность номер два, пока наши техники все здесь не починят.

Жнецы рылись в воспоминаниях Грейсона, возвращаясь к тем дням, когда Джиллиан училась в Академии. Готовность номер два была не слишком значительной мерой безопасности. Обычно родители могли посещать своих детей в любое время, но в случае объявления готовности номер два, им нужно было одобрение от сотрудника Академии.

— Кали Сандерс назначила мне здесь встречу, — объяснили Жнецы, воссоздавая историю из тех осколков, которые они выуживали из памяти своего носителя. — Она должна прибыть примерно через час. Наверное, вы не получили от нее сообщения.

— Так точно. Я уже сказал, мы не получали никаких сообщений извне за последние четыре часа.

— Я знаю, что это против правил, — сказали Жнецы. — Но можно ли мне пришвартовать мой шаттл и подождать, пока она прибывает на станцию? Мне бы очень хотелось выйти и размяться. У меня в этом шаттле уже все тело судорогой свело.

Небольшая задержка подсказала Грейсону, что охранник советуется с кем-то из начальства. Грейсон молился, чтобы ему отказали.

— Конечно, — послышался голос охранника несколько секунд спустя, и Грейсон мрачно подумал, что ничего не подозревающий юнец только что подписал себе смертный приговор. — Вы можете пришвартоваться в третьем доке. Но вам придется подождать прибытия мисс Сандерс в зоне досмотра.

— Вас понял. Благодарю.

Пальцы Грейсона легко порхали над интерфейсом управления, в то время как Жнецы производили стыковку. Шаттл приземлился с почти незаметным стуком. В отличие от

Омеги, Академия Гриссома не была защищена от воздействия внешней космической среды полем эффекта массы, поэтому новоприбывшие должны были ждать, пока одна из крытых платформ дока подсоединится к шлюзовому отсеку судна и закатит его на станцию.

Ожидая, пока платформа займет свою позицию, Жнецы заставили Грейсона подняться со своего места и достать пакет первой помощи, хранившийся под сиденьем. Он заметил, что, несмотря на то, что все его раны полностью затянулись, он двигался гораздо медленнее. С момента сумасшедшего бегства Жнецов с Омеги прошло несколько часов, и этого времени явно не хватило им для полного восстановления.

В пакете первой помощи был нож с длинным, тяжелым лезвием. Перед тем как отойти вглубь корабля, Жнецы заткнули его за пояс Грейсона.

Он чувствовал, как Жнецы исследуют его память, копаются в поисках информации о системах безопасности станции. На самом деле, Академия Гриссома была не военной базой, а всего-навсего школой. Но система безопасности была достаточно серьезной для того, чтобы представлять значительную угрозу для Жнецов в их нынешнем состоянии, и это не говоря об инструкторах по биотике, занятых в программе «Восхождение». Поэтому Жнецам придется положиться не на силу, а на скрытность и внезапность.

Он не был уверен, что выбирая корабль для побега с Омеги, Жнецы знали, что ожидает их впереди, но знал, что и это было возможно. Случайно или нет, они выбрали стандартный пассажирский шаттл. Учитывая то, как легко они обращались с турианским судном, которое они угнали в лаборатории «Цербера», Грейсон догадывался, что Жнецам просто нравилось, как эта раса строит корабли.

В заднем отсеке корабля располагалась спальная кабина. Там, в маленьком шкафу, находился богатый ассортимент разнообразной одежды. Жнецы внимательно перебирали вещи, выбирая то, что могло бы скрыть необычную внешность Грейсона и, что немаловажно, заткнутый за пояс нож.

Судя по дизайну и покрою одежды было ясно, что хозяином корабля был турианец — неудивительно, учитывая дизайн корабля. Турианская одежда не подходила Грейсону, по крайней мере, для того, чтобы скрыть то, во что он превратился.

Мягкий щелчок в интеркоме сообщил, что стыковочная платформа присоединилась к шлюзовому отсеку шаттла.

Жнецы внезапно догадались, что необходимость маскировки отпадет сразу же, как только они минуют зону досмотра, и просто сорвали с кровати покрывало. Они накинули его на плечи Грейсона наподобие плаща и связали концы покрывала узлом на подборке, так что на виду остались только часть лица и глаза.

Жнецы миновали шлюз шаттла и медленно направились вдоль крытой стыковочной платформы. Грейсон подумал отстраненно, что случится с его новым телом, если он случайно окажется в открытом космосе. Нужна ли вообще Жнецам для выживания его органическая форма? Он воочию убедился в их способности восстанавливать поврежденные органические ткани с немыслимой скоростью, но кибернетические имплантаты уже настолько глубоко интегрировались в его тело, что он ощущал себя скорее машиной, нежели человеком. Сможет ли он выжить в этом облике без кислорода в ледяной пустоте за пределами стыковочного шлюза?

Он знал, что вовсе не неуязвим. Но если его сердце и легкие отключатся, а функционировать будет только кибернетическая сеть, встроенная в клетки его мозга, смогут ли Жнецы продолжать управлять его телом? Или рано или поздно причиненный физической оболочке урон заставит Жнецов, в конце концов, покинуть это тело?

Жнецы, даже если и догадывались, о чем он думает, не обращали внимания. Возможно, им было наплевать. Они полностью контролировали его физическую форму, медленно крались вдоль платформы, скрытые плащом из покрывала, и ничто другое их, похоже, не занимало.

Стыковочная платформа окончилась еще одним шлюзом, и привела его в небольшой зал, который поднимался на несколько метров под небольшим углом и скрывался за углом,

где располагалась зона досмотра.

Это была большая, открытая комната. За его спиной была стена, окно, с видом на стыковочную зону, доходило до ее середины. Перед ним была укрепленная стеклянная стена. В центре стены виднелся дверной проем, снабженный сканером. Процедура досмотра заключалась, кроме всего прочего, в том, что все прибывающие обязаны были пройти через этот сканер.

За ним располагалась еще одна комната, с небольшой будкой для охраны с одной стороны и с выходом в главные помещения Академии — с другой. Будка располагалась на довольно высокой платформе, так чтобы любой, кто находится внутри, мог видеть все, что происходит в стыковочном шлюзе через стеклянную стену и большое окно.

Один из охранников — возможно, тот самый молодой человек, с которым он разговаривал по интеркому, — спустился встретить его. Он стоял как раз за сканером, на другой стороне, отделенный от Грейсона только стеклянной стеной. Из будки наблюдал второй охранник — Грейсон видел только голову и плечи, но заметил, что это молодая женщина.

Жнецы произвели быструю оценку ближайшего противника. Он был в отличной форме и стоял в непринужденной позе хорошо тренированного бойца. На боку у него висел пистолет, но вместо военной формы он был одет в облачение сотрудника Академии Гриссома: черные штаны и голубая рубашка с эмблемой школы.

Жнецы, двигаясь еще медленнее, чем раньше, приблизились к сканеру и остановились в нескольких шагах от него, словно бы ожидая инструкций от охранника перед тем, как двигаться дальше.

— А... вы в порядке, мистер Грейсон? — спросил охранник с другой стороны сканера, немного удивленным странным одеянием гостя.

— Простыл, — ответили Жнецы из-под покрывала. — Не могу согреться.

Охранник, удовлетворенный таким объяснением, кивнул:

— Интересный у вас шаттл. Турианский, да?

Когда Грейсон работал на «Цербер» под прикрытием, по легенде он считался одним из топ-менеджеров крупного производителя шаттлов «Корд-Хислоп Эйрспейс», одной из карманных корпораций Призрака. Жнецы нашли эту информацию в его памяти и быстро придумали объяснение:

— Мы рассматриваем возможность слияния нашей корпорации с одним из турианских конкурентов, — сообщили они охраннику. — И решили, что перед подписанием такого контракта неплохо было бы испытать их продукцию.

Охранник кивнул, снова поверив. «Как-то уж слишком все гладко выходит», — подумал Грейсон. Не могли ли Жнецы каким-то образом манипулировать сознанием этого парня, влиять на его мысли и чувства, таким образом, чтобы сделать его более восприимчивым к этой лжи?

— Я не очень хорошо себя чувствую, — сказали Жнецы, заставляя Грейсона покачнуться, словно бы теряя сознание.

Он сделал шаг и оперся на стену. Охранник потянулся через сканер, чтобы посмотреть, все ли в порядке. Жнецы медленно отступали. Охранник подался вперед еще больше и успел подхватить Грейсона, крикнув, когда тот навалился на него всем своим весом.

— Эй, — обратился он к своей напарнице. — Он и вправду серьезно болен. Принеси-ка мне аптечку.

Молодая женщина, сидевшая в будке, схватила аптечку и поспешила на помощь.

Жнецы по-прежнему скрывали тело Грейсона под покрывалом, в то время как охранник аккуратно укладывал его на пол. Женщина подбежала и присела с другой стороны, положив аптечку рядом с собой.

Она отвернулась, чтобы ее открыть, и в этот момент нож в руке Грейсона взрезал покрывало и вонзился в грудь охранника как раз в тот момент, когда тот наклонился над больным, чтобы осмотреть его получше. Он охнул от неожиданности и с шумом выдохнул,

когда нож вышел из его тела.

Женщина повернулась, глаза ее широко распахнулись от удивления и ужаса, как только она поняла, что произошло. Жнецы отбросили умирающего в сторону и сели, пытаясь достать ножом до живота охранницы.

Но ей удалось увернуться — той сверхъестественной скорости, которую развивали Жнецы на Омеге, у них уже не осталось. Нож скользнул по ее форменному жакету, вспоров ткань, но не задел тело.

Вскочив на ноги, она побежала к сканеру — там, на той его стороне, на стене, располагалась тревожная кнопка. Жнецы поставили Грейсона на ноги, и выбросили вперед его руку. Нож вылетел из руки и вонзился прямо между плечами охранницы.

Она еще пыталась дотянуться до кнопки, но не успела — силы оставили ее, и она безжизненно осела на пол.

Не обращая внимания на тела двух охранников, Жнецы миновали сканер и стали быстро продвигаться к комнате охраны. Менее чем за две минуты они подключились к центральной системе и отключили интерком и сигнализацию по всей станции.

Затем они вызвали схему Академии и записали ее в память. Вернувшись в зону досмотра, они вытащили нож из спины девушки и взяли оружие с обоих тел.

Наконец, они подняли с пола покрывало и снова накинули его на Грейсона, теперь уже другой стороной, чтобы скрыть пятна крови. При близком рассмотрении можно было бы увидеть дыры там, где прошел нож, но Грейсон догадывался, что вряд ли кто-то подберется к нему настолько близко и останется жив.

Двигаясь легкими, широкими шагами, Жнецы покинули зону досмотра и направились напрямик в то крыло Академии, где разрабатывался проект «Восхождение».

Глава 23

— Академия Гриссома, это адмирал Дэвид Андерсон. Как слышите?

Андерсон уже понял: отсутствие ответа было плохим знаком. Они подобрались достаточно близко к Академии Гриссома, чтобы связаться с ней напрямую по радио, минуя любые технические помехи, которые отрезали школу от сети коммуникаций. Молчание на другой стороне могло означать только то, что на самой станции были какие-то проблемы.

— Попробуй еще раз, — сказала Кали, упорно отказываясь признать правду.

Андерсон прекратил тщетные попытки, закрыв канал связи. Они пытались получить ответ в течение последних пяти минут, с тех пор, как снизили скорость.

— Бесполезно, — сказал он, надеясь, что небольшая порция горькой правды поможет Кали лучше подготовиться к тому, что ждет их на станции. — Мы будем там через две минуты, — добавил он, чтобы смягчить удар.

— В одиночку вам Грейсона не остановить, — предупредил их Кай Ленг. — Развяжите меня и позвольте мне вам помочь.

Ни Андерсон, ни Кали не удостоили его ответом.

Сенсоры корабля передали на мониторы изображение стыковочных доков. Три дока были пустыми, в четвертом стоял небольшой пассажирский шаттл.

— Турианский, — пробормотал Андерсон, хотя все на борту знали, кто на нем прилетел.

Он медленно завел шаттл в док. Без наземного ведения ему пришлось стыковаться по приборам. И в лучшие времена не самая простая операция на этот раз осложнялась тем, что за его креслом стояла Кали, заглядывая через плечо и пристально вглядываясь в изображение на экране. Она ничего не говорила, но он чувствовал, как она нервничает, и как разочарована тем, что он делает все так медленно. Несмотря на все предосторожности, шаттл приземлился жестко.

Они подождали несколько секунд — пока стыковочные платформы соединятся со шлюзовым отсеком шаттла, но ничего не произошло.

— Управление доками отключено, — пробормотал Андерсон. — Нам понадобятся скафандры.

— Там есть один сзади, — сказал Кай Ленг. — И еще дробовик.

Кали взглянула на него с удивлением.

— Я не меньше вашего хочу остановить Грейсона, — заверил он их. — Даже если вы оставите меня привязанным к этому креслу, я все равно сделаю все, что могу, чтобы помочь.

— Приглядывай за ним, — сказал Андерсон, поднимаясь с места и направляясь в заднюю часть шаттла.

Скафандр оказался именно там, где и сказал Кай Ленг. Его материал легко растянулся, облекая одежду Андерсона, и когда он надел на голову шлем и застегнул его, тот немедленно соединился с горловиной костюма.

Он дотронулся до шлема, чтобы включить интерком:

— Кали, как слышишь?

— Слышу, — ответила она из рубки. — Не отключайся.

— Понял.

Он взял дробовик. Это был «Соколов», гораздо более тяжелый, чем старый «Хейн-Кедар», который он так любил во времена Войны Первого Контакта. Затем он вышел в стыковочный шлюз шаттла и закрыл за собой дверь. Перепад давления чуть не сбил его с ног. Даже через термоизоляцию своего скафандра он почувствовал падение температуры, хотя и не настолько большое, чтобы причинить серьезное неудобство.

Он аккуратно открыл внешнюю дверь стыковочного шлюза и вышел наружу, в док. Сапоги его скафандра были намагничены для передвижения в открытом космосе, но здесь в этом не было необходимости — искусственная гравитация, создаваемая полями эффекта массы, еще работала.

Просканировав док, он начал продвигаться к ближайшему входу на станцию. К счастью, он оказался не заперт, и через минуту Андерсон оказался в небольшом зале, наполненном теплым, насыщенным кислородом воздухом.

— Я внутри, — сообщил он Кали, поднимая стекло своего шлема.

По плавно поднимающемуся вверх коридору он направился к помещению, служившему Академии зоной досмотра прибывающих пассажиров. Два трупа, лежавшие на полу, лишь подтвердили: все было именно так, как они и опасались.

— У нас есть жертвы, — Андерсон говорил почти шепотом, зная, что его голос в интеркоме будет звучать достаточно громко, чтобы Кали смогла отчетливо разобрать слова. — Двое. Похоже, охранники.

Пригибаясь к полу и держа наготове свой дробовик, он миновал комнату охраны. Прижавшись к стене у открытой двери, он высунулся за угол и быстро осмотрел следующее помещение.

— Чисто, — доложил он. Вызванное всплеском адреналина напряжение постепенно покидало его.

Добравшись до главного пульта, он нашел кнопки ручного управления и активировал один из посадочных трапов. Через стеклянную стену он видел, как трап подъехал к стыковочному шлюзу и присоединился к нему с мягким щелчком.

— Трап на месте, — сказал он Кали. — Можешь выходить.

— А что мне делать с Кай Ленгом? — спросила Кали. — Думаешь, если я оставлю его здесь просто так, это будет безопасно?

— Не вижу вариантов, — ответил Андерсон. — Но на всякий случай возьми с собой тот нож, который я нашел.

— Поняла. Иду.

Андерсон хотел было снять скафандр, но передумал. Он уже обливался потом под герметичной тканью, но у скафандра было одно преимущество — кинетические барьеры. Если дело дойдет до драки, защита может пригодиться кстати.

Он поспешил вернуться в зону досмотра, где должны была вот-вот появиться Кали.

Возможно, она лично знала убитых, в этом случае он тем более хотел быть рядом, чтобы поддержать ее в тот момент, когда она наткнется на тела.

Он опередил ее всего на несколько секунд. Увидев, как она смотрит на убитых охранников, он не издал ни звука, дав ей время почтить их память молчанием.

Она медленно подошла к первому телу — молодому мужчине, убитому ударом ножа в грудь — и опустилась на одно колено. Несмотря на то, что его глаза уже остекленели, она все же прижала пальцы к его шее, проверяя пульс. Убедившись, что ему уже не помочь, она нежно закрыла ему глаза и поднялась.

Она опустилась у второго тела и повторила свои действия. И только после этого подошла к Андерсону.

— Эрин и Йорген, — сказала она. — Хорошие ребята.

— Это сделал Грейсон, — произнес Андерсон, зная, что ей неприятно это слышать. — Если мы не остановим его, умрут и другие.

Кали согласно кивнула.

— Не волнуйся за меня, — успокоила она его. — Если нужно будет его убить, моя рука не дрогнет.

Андерсону не понравилось, как она произнесла это «если», но он знал, что это — лучшая реакция, на которую он мог бы рассчитывать. Она все еще не верила, что Грейсона уже не спасти.

— Тела еще не остыли, — заметила она. — И кровь только-только начала сворачиваться. Я думаю, что Грейсон был здесь менее десяти минут назад.

— Может быть, включить сигнализацию? — спросил Андерсон.

Кали покачала головой.

— Ночью все ученики и большинство персонала спят в своих комнатах. Возможно, там они будут в наибольшей безопасности. Если мы включим сигнализацию, они все выбегут в коридоры посмотреть, что случилось.

— А мы можем как-то предупредить охранников?

— Я думаю, да. Мы сможем подать сигнал с пульта охраны.

Они пробрались в небольшую, расположенную чуть выше уровнем, комнату, откуда открывался хороший вид на весь док. Кали понажимала на какие-то кнопки и в ярости ударила по приборной панели.

— Вся система повреждена.

— А где сейчас охранники?

— Да они везде. Мы не сможем собрать их всех вместе, — покачала головой Кали.

— Как ты думаешь, куда мог направиться Грейсон? — спросил Андерсон.

Кали подумала немного и ответила:

— Если Жнецам просто нужна информация, то он направился в архивы. Если им нужны жертвы — то в спальни. Так или иначе, нам нужно в то крыло, где базируется проект «Восхождение». Идем же, — добавила она, направляясь в сторону крыла.

Андерсон придержал ее за локоть.

— Грейсон взял пистолеты охранников. Мы знаем, что он вооружен. Мы не можем преследовать его безоружными.

— У меня есть нож, — напомнила она ему.

— Тебе нужен пистолет.

— Это школа, а не военная база, — попыталась объяснить Кали. — Единственные, у кого здесь есть оружие — это охранники. Кроме этого, — она подняла руку и показала ему свои поврежденные пальцы, — я не удержу пистолет.

— Где ближайший пульт охраны? — спросил Андерсон.

— В правом зале, — ответила Кали. — Но крыло «Восхождения» в другой стороне.

— Тогда мы разделимся, — скомандовал Андерсон, привычно влезая в кожу отдающего приказы старшего офицера. — Ты пойдешь к охранникам и предупредишь их. Пусть они помогут тебе обыскать спальни. Если не встретитесь с Грейсоном, соберите всех

детей и отведите их в безопасное место, — добавил он, зная, что, в первую очередь, Кали волнуется за детей.

К его немалому облегчению, она согласно кивнула.

— Как только доберешься до центрального зала, сворачивай налево, — сказала она ему. — Все время налево и ты окажешься в крыле проекта «Восхождение». Как только будешь там, смотри в оба — на стене будет карта. Архивы находятся сразу за главной лабораторией. Ищи дверь с табличкой «Проход запрещен».

Повисло неловкое молчание. Андерсон не знал, что делать — поцеловать ее, обнять, или просто пожелать удачи. Кали первая подалась к нему и легко поцеловала его в губы, затем повернулась и бросилась к двери в правый зал.

Перехватив поудобнее дробовик, Андерсон направился в противоположном направлении.

Тем временем Кай Ленг пытался освободиться от пут. Его локти и запястья были привязаны к ручкам кресла второго пилота. Икры и лодыжки — крепко прикованы к его основанию. Однако у него еще оставалась возможность двигаться. Он ерзал на кресле из стороны в сторону, и каждый раз веревка, больно врезаясь в его тело, перетиралась о металлический подлокотник.

Медленно раскачиваясь и поворачиваясь, натягивая путы все сильнее и сильнее, он осторожно проверял прочность веревки. Затем он начал раскачиваться сильнее справа налево и вперед-назад. Через минуту он уже стер себе кожу, еще через минуту показалась кровь.

Кровь, смешиваясь с потом, быстро покрыла его руки и залила сиденье и пол вокруг него. Но Кай Ленг не обращал на это внимания, он был полностью сосредоточен на том, как веревка медленно, нить за нитью, перетирается о металл кресла.

Это заняло почти пять минут, но, наконец, одна из петель, удерживавшая его левую руку, лопнула. Его рука стала двигаться свободнее, и вскоре порвалась и вторая окровавленная петля.

С удвоенной силой он набросился на узлы, связывавшие его правую руку. Его пальцы, мокрые от пота и крови, не слушались. Это была тяжелая работа, но еще через минуту он освободил правую руку и принялся за веревки на ногах.

Ему пришлось наклониться вперед и вниз, чтобы добраться руками под кресло. Каждые двадцать или тридцать секунд приходилось делать перерыв, потому что у него начинала кружиться голова. Удивительно, что освобождение ног заняло больше времени, чем рук. Но, в конце концов, он был свободен.

Он медленно поднялся, тяжело дыша от усталости. Сжав зубы и опираясь на окровавленное кресло, он осторожно разминал затекшие от долгой неподвижности ноги.

Когда онемение в ногах прошло, Кай Ленг отправился за аптечкой. Он осторожно стер кровь дезинфицирующей салфеткой и намазал ссадины панацеином.

Затем он задумался, что же ему делать дальше. Одним из вариантов было просто закрыть шлюз и улететь, оставив Андерсона и Сандерс разбираться с Грейсоном самостоятельно. На первый взгляд, этот вариант казался самым лучшим, ведь у него не было оружия, да и люди на станции относятся к нему, скорее всего, не лучше, чем к Грейсону.

Но он знал, что Призрак будет недоволен. Грейсон вполне мог сбежать, а после того, как он покинет Академию, найти его будет невозможно... Особенно если перед побегом он убьет Сандерс.

Чем больше Кай Ленг размышлял, тем лучше он понимал, что это последний шанс для «Цербера» остановить Женцов. И даже если это означало, что ему, безоружному, придется противостоять Грейсону, он не мог позволить себе этот шанс упустить.

Решившись, он уже не стал терять времени. Он быстро миновал шлюзы и вышел в комнату, которая явно была зоной досмотра.

Посреди комнаты лежали два тела — мужское и женское. Кай Ленг увидел, что они

были убиты ножом. То, что Грейсон не сокрушил их с помощью биотики, дало Кай Ленгу надежду. Это могло означать, что его враг устал и, возможно, даже уязвим.

Он ощутил знакомое возбуждение. В первую очередь он был убийцей, хищником. Он жил ради охоты. И охота началась.

Глава 24

Жнецы были очень внимательны. Методичны. Им не нужно было куда спешить. Они и не спешили.

Используя загруженные на пульте охраны схемы, они, чтобы избежать нежелательных встреч, отправили Грейсона долгим обходным путем, по извилистым коридорам, соединяющими залы Академии между собой. На станции царил глубокая ночь, и маршрут был проложен через пустые кабинеты, вдали от жилых комнат, где спали ученики.

Грейсон, по-прежнему завернутый в покрывало, чувствовал себя лишь пассажиром, случайно оказавшимся в этой лодке. Он был благодарен хотя бы за то, что на этом пути они никого не встретили — он даже думать не хотел, что могло бы случиться, если бы им на глаза попался хоть один ребенок.

В конце концов, они добрались до двери, ведущей в главную исследовательскую лабораторию, занимавшуюся проектом «Восхождение». Дверь была закрыта, но Жнецы знали, что все необходимые данные хранятся в комнате за ней.

Они заставили Грейсона наклониться и приложить ухо к двери. Его гиперчувствительное ухо уловило голоса даже через покрывало и переборку. Ученые работали допоздна.

Жнецы позволили, наконец, окровавленному покрывалу упасть на пол и затем нажали на верную панель. За дверью, действительно, оказалась исследовательская лаборатория. Вдоль одной из стен выстроился целый ряд серверов. Противоположная стена была сплошь заставлена полками с пробирками, содержащими биологический материал учеников — образцы, собираемые все время, пока ребенок находится в школе, чтобы контролировать состояние здоровья и прогресс обучения. В дальнем углу находилось очень дорогое оборудование, используемое как для анализа биологического материала, так и для сбора данных с имплантатов каждого участвующего в программе ребенка.

В комнате находились двое мужчин и одна женщина. Один мужчина сидел у компьютера, отвернув свой стул от мониторов, чтобы видеть своих собеседников. Женщина улыбалась, будто бы только что удачно пошутила, оба мужчины громко смеялись.

Как только Грейсон вошел, все трое повернулись к нему. Веселье на их лицах сменилось ужасом, но нельзя было сказать, чего они испугались больше — его странной внешности или пистолетов в обеих его руках.

Жнецы произвели три быстрых, точных выстрела. Каждая пуля попала точно между глаз каждого из троих, убивая наповал. Ученые упали на пол, нелепо погибнув только из-за того, что именно сегодня решили задержаться на работе подольше.

Жнецы, сохраняя абсолютную неподвижность, некоторое время прислушивались — будет ли реакция на эти три выстрела. Однако никаких криков о помощи или звуков приближающихся шагов не последовало. Удовлетворенные тем, что все прошло гладко, Жнецы повернулись и спокойно закрыли за собой дверь.

В глубине лаборатории была вторая дверь, за которой располагались архивы, состоявшие из электронной библиотеки и некоторого количества серверов, на которых хранились данные по каждому ребенку, который когда-либо участвовал в проекте «Восхождение».

Дверь в архивы оказалась заперта, что было неудивительно. Только несколько старших научных сотрудников имели доступ к содержащейся там информации. Дверь открывалась комбинацией из карты доступа, кода и биологической идентификации, подтверждаемой образцом голоса или сканированием сетчатки глаза. Однако взлом замка занял у Жнецов

менее двух минут.

Оказавшись внутри, Жнецы принялись за изучение данных, используя единственный стоящий посреди комнаты терминал. По мере того, как информация выдавалась на дисплей, Грейсон сканировал ее, перерабатывал и непрерывно передавал своим затаившимся в глубоком космосе повелителям.

Это чувство было не похоже ни на что из того, что Грейсон испытывал ранее. Это было чарующе. Отравляюще. Экстатично. Даже кайф от красного песка не шел ни в какое сравнение с эйфорией, вызываемой осознанием того, что он — проводник для чистой передачи данных.

Но вместе с тем это было тяжело. Утомительно. Изматывающе. Передача миллиардов терабайт требовала отдачи огромного количества энергии, и Жнецы знали, что их носитель уже слабеет. Поэтому они стали действовать медленнее, чтобы не уничтожить столь ценную оболочку.

— У нас внештатная ситуация, — сказала Кали, когда она, запыхавшаяся от быстрого бега, ворвалась на ближайший пульт охраны. — Вы трое, идите со мной. Еще двое — предупредите остальных охранников и объявите по всей Академии готовность номер четыре.

Хендел Митра, бывший начальник службы безопасности Академии Гриссома был близким другом Кали. Его преемник, капитан Эллин Хименез, была достойной заменой, но они с Кали так никогда и не подружились. К счастью, она все же уважала Кали достаточно для того, чтобы не задавать вопросов, когда та ворвалась на пульт и начала отдавать приказы направо и налево.

— Джексон и М'габи, — сказала новая начальница службы безопасности, кивая двум из своих людей. — Идите, предупредите остальных. Заприте это крыло — никто не входит и не выходит.

Оборачиваясь к Кали, она продолжила:

— Показывайте, куда идти.

То, что Хименез оказалась на посту, было большой удачей. Стараясь не отстать от нее, пока они неслись к крылу проекта «Восхождение», Кали не могла не гадать, что было бы, если бы капитана не оказалось на месте, и стали бы охранники слушаться Кали, если бы не увидели, как отреагировала их начальница.

Но чтобы выбраться отсюда живыми, понадобится еще несколько столь же счастливых совпадений, подумала Кали.

— Что происходит? — спросила Хименез на бегу.

Кали не хотела рассказывать всю историю, так что она предпочла сосредоточиться на деталях.

— Кто-то проник на станцию. Нам нужно эвакуировать всех из крыла проекта «Восхождение». Перевести учеников в безопасное место.

— Столовая, — предложила Хименез. — Мы отведем туда детей и пришлем всех, кого сможем, охранять их.

— Отличная идея, — ответила Кали.

Когда они добрались до спален, им пришлось разделиться: в крыле было три зала для учеников, и еще четвертый — для инструкторов и других сотрудников. Хименез отдавала приказание своим людям со спокойствием и уверенностью прирожденного лидера.

— Джиллер, отправляйся в дальний зал. Малкин, в соседний.

— Не упускайте никого из поля зрения, — предупредила их Кали. — И сотрудников тоже. У нас и так уже есть две жертвы.

Она не называла имен, потому что не была уверена в том, какой эффект это произведет. К чести Хименез и ее людей, никто не спрашивал.

— Встречаемся в столовой, — крикнула Хименез вслед остальным. — С вами тоже, — обернулась она к Кали. — Вы вооружены?

— У меня есть нож.

Хименез взглянула на ее распухшие пальцы.

— Стрелять сможете?

— Сомневаюсь, — ответила Кали.

Хименез отстегнула от пояса кобуру с пистолетом и протянула ее Кали.

— На всякий случай, — сказала она и отправилась поднимать детей с постелей.

Кали неуклюже пристегнула кобуру к поясу и поспешила в ближайшую комнату. Она открыла дверь и зажгла свет. Ник, спавший в своей кровати, повернулся и посмотрел на нее с замешательством не проснувшегося человека.

— Вставай, Ник, — сказала она. — Скорее. Торопись.

— Что происходит? — сонно пробормотал он.

— Пожалуйста, Ник. Просто поднимайся и отправляйся в зал, встретимся там.

Не дожидаясь ответа, она отправилась к следующей двери и повторила процесс.

Через пять минут все 16 учеников направились вслед за ней в столовую.

— Мисс Сандерс, — спросил Ник, догоняя ее. — Что происходит?

После того, как Кали разбудила его, он надел штаны и рубашку, но причесаться забыл.

— Не при детях, — ответила Кали, понимая, что если она будет обращаться с ним, как со взрослым, он не станет задавать вопросов.

— Понял, — ответил он, выпятив грудь.

Даже перед лицом опасности Кали не могла не улыбнуться, увидев его реакцию.

Они прибыли в столовую третьими. Через несколько секунд Хименез привела четвертую группу.

Все выглядели встревоженными и шушукались. Конечно, это страшно — когда тебя будит среди ночи охрана, даже если для того, чтобы защитить.

— Что мы им скажем? — тихо спросила Хименез.

— Внимание! — Кали повысила голос, так чтобы ее могли услышать все. — Никому не покидать эту комнату без разрешения от меня или капитана Хименез.

Она перевела дыхание, и сразу же шквал вопросов обрушился на нее — в основном, от сотрудников Академии.

— Что происходит?

— Долго ли нам здесь сидеть?

— Мы в опасности?

Кали не собиралась рассказывать всю историю.

Это займет слишком много времени, и, возможно, они все равно ей не поверят. А если поверят, то это вызовет панику.

— Возможно, нас хотят похитить, — продолжила она, уже почти крича, чтобы ее услышали. — Эта информация не подтверждена, но мы не станем рисковать.

В этой комнате каждый знал об угрозе похищения учеников, и каждый мог это понять и принять. Каждый ребенок в Академии Гриссома был уникален. Кроме биотиков проекта «Восхождение», в школе также было немало юных дарований и гениев, а также огромное количество детей богатых и влиятельных родителей, которым было приятно, что их отпрыски посещают лучшую школу на подконтрольных Альянсу территориях.

— Служба безопасности работает в крыле, но пока они не закончат, я прошу всех оставаться в безопасном месте, — продолжала Кали. — Может быть, придется провести здесь всю ночь, так что устраивайтесь поудобнее.

Хименез бросила на нее заинтересованный взгляд. Капитан не поверила в ее историю, по крайней мере — не полностью. Она знала, что ее люди не обыскивают залы в поисках непрошенного гостя.

Кали подумывала о том, чтобы отвести ее в сторону и попросить помощи в поимке Грейсона. Но чем больше вооруженных охранников останется в столовой, тем в большей безопасности будут дети. И она все еще надеялась на то, что так или иначе ситуацию удастся разрешить без дальнейшего кровопролития. Она верила, что в Грейсоне еще осталось хотя

бы что-то человеческое, и если бы она смогла достучаться до него, она смогла бы убедить его сдаться, так, чтобы они смогли ему помочь. Если Хименез присоединится к охоте на Грейсона, это будет означать неминуемую гибель для одного из этих двоих.

— Мне надо идти, — сказала ей Кали. — Пожалуйста, проследите, чтобы никто отсюда не выходил, пока я не скажу что все чисто.

Хименез совершенно явно хотела что-то сказать, но лишь прикусила губу и кивнула.

— Я пойду с вами, — раздался за ее спиной басок, на последнем слове пустивший, впрочем, петуха.

Кали обернулась и увидела Ника.

— Я самый сильный биотик в школе, — напомнил он ей. — Я могу помочь вам остановить похитителей.

— Мне нужно, чтобы ты оставался с капитаном Хименез, — сказала ему Кали. — Сейчас самое главное — обеспечить безопасность детей.

— Я не дурак, — сообщил ей Ник. — Вы это говорите только для того, чтобы я не расстроился, что вы не хотите взять меня с собой.

— Меня она тоже не хочет брать с собой, — напомнила ему Хименез.

— Как знаете, — ответил Ник, отвернулся и исчез в толпе.

— Он прав, — заметила Хименез. — Что бы ни происходило, вам не стоит выходить туда одной.

— Я справлюсь, — успокоила ее Кали, выскальзывая из столовой, чтобы избежать ненужного спора.

Через секунду она услышала, как Хименез отдает распоряжения:

— Давайте, давайте. Не толпитесь вокруг дверей. Найдите, где присесть, и мы принесем всем попить.

Убедившись, что дети в надежных руках, Кали ускорила шаг и вскоре уже бежала по направлению к архивам.

Станция работала по стандартному, принятому на земле циклу день/ночь, так что те кабинеты, мимо которых проходил Андерсон, были уже погружены во тьму. Освещение залов было тоже приглушенным — для экономии энергии, пока большинство обитателей станции спало.

Добравшись до входа в крыло проекта «Восхождение», Андерсон внимательно изучил карту, стараясь запомнить каждый поворот, и только после этого осторожно направился к архивам.

Времени у него было немного, но он знал, что небрежность и нетерпение убили больше солдат, чем любой, даже самый опасный враг. Несмотря на то, что его скафандр был снабжен кинетическими барьерами, он не собирался нарываться на драку. Он прижимался к стенам и старался оставаться в тени, перед каждым поворотом высовывая голову и обзревая окрестности в поисках того, за кем охотился.

В какой-то момент он услышал в отдалении звук трех прозвучавших один за другим пистолетных выстрелов и замер. Ему показалось, что выстрелы раздались в том направлении, куда он направлялся. Больше эти звуки не повторялись, и Андерсон пошел дальше. Кто бы и в кого ни стрелял, с этим было покончено, и он не видел смысла нестись, сломя голову, вперед, чтобы проверить, что там произошло, и, более того, возможно, нарваться на пулю.

Через несколько минут он, наконец, добрался до зала, через который можно было попасть в главную исследовательскую лабораторию, где находились и архивы. Выглянув из-за угла, он заметил, что на полу перед запертой дверью что-то лежит.

Он инстинктивно отпрянул и застыл, думая, что же это могло быть. Выглядело оно как куча одежды, а, может быть, одеяло. Андерсон не мог предположить, как оно там оказалось, но на первый взгляд казалось, что угрозы оно не представляет.

Держа наготове дробовик, Андерсон подошел к двери. Вблизи лежащее на полу нечто, действительно, оказалось покрывалом, на котором он увидел следы крови. Ему сразу же представился ребенок, который ночью вышел в коридор и нарвался на Грейсона, но он постарался отогнать от себя этот образ.

Он нажал на дверную панель, и дверь с мягким шорохом открылась. Андерсон ворвался в лабораторию, готовый немедленно открыть огонь. Но то, что он увидел, не требовало нажатия на курок: на полу лежали три тела, у каждого между глаз было отверстие от пули — вот и объяснение тех трех выстрелов, которые он услышал.

Андерсон снова ощутил всплеск адреналина — всего его чувства обострились и он слышал даже собственное дыхание внутри шлема. Грейсон был близко. Если он не в лаборатории, то осталось только одно место, где он может быть.

Не опуская дробовика, Андерсон осторожно подошел к расположенной в глубине лаборатории двери. Она была закрыта, но зеленый свет на панели означал, что заперта она не была. Капитан прижался к стене рядом с дверью, перевел дыхание и нажал на панель.

Грейсон стоял посреди комнаты в нескольких метрах от Андерсона. Он был всецело сосредоточен на экранах дисплея единственного в комнате терминала, настолько поглощенный своим занятием, что не заметил стоящего в дверях человека, наставившего на него дробовик.

Только теперь, рассмотрев Грейсона с близкого расстояния, Андерсон с ужасом понял, сколь далеко продвинулись Жнецы. Даже через чуть запотевшее стекло шлема капитан видел — то, что стоит перед ним — не человек. Кали, возможно, позволила бы ему сдаться. Андерсон не собирался.

Все эти мысли пронеслись в его голове за ту долю секунды, что потребовалась ему для того, чтобы нажать на курок. Он целился в самый центр этого существа, чтобы нанести ему максимальный урон. С близкого расстояния дробовик нанес сокрушительный урон, но прицел оказался немного сбит и выстрел задел Грейсона чуть сбоку. Однако этого было достаточно, чтобы он упал на пол лицом вниз.

Без брони или кинетических барьеров такой выстрел должен был бы нанести внутренним органам Грейсона несовместимый с жизнью урон, но Андерсон не собирался рисковать. Он сделал шаг вперед и приготовился выстрелить еще раз, но не успел — что-то подняло его в воздух и отшвырнуло назад, в лабораторию, откуда он пришел. Он упал на пол, оглушенный, но невредимый.

Через секунду он уже пришел в себя после биотической атаки, но этой секунды хватило и Грейсону, чтобы подняться на ноги. Вся его правая часть превратилась в фарш, кровь фонтаном лилась из сотни маленьких дырочек, которые заряды дробовика проделали в его теле, однако он был жив и наступал на Андерсона.

Капитан выстрелил еще раз, целясь ему в голову. Грейсон уклонился, неуклюже бросившись на пол, затем проворно вскочил, на ходу вытаскивая пару пистолетов.

Он все еще был быстр, но той сверхъестественной скорости, которую Андерсон наблюдал на Омеге, не было. Пока Грейсон поднимался и доставал пистолеты, Андерсон успел спрятаться за огромной компьютерной консолью.

Грейсон выстрелил несколько раз, так что Андерсон не мог высунуться из укрытия, а потом предпринял еще одну биотическую атаку. Теперь, вместо простого толчка, который мог бы просто отшвырнуть противника, его враг создал серию микроскопических, вращающихся полей эффекта массы, окруживших Андерсона со всех сторон. Они подлетали и отлетали, проделывая невидимые дыры в его скафандре, разрывая его плоть, заставляя его кричать от боли.

Казалось, что его разрывает на атомы. Андерсон знал, что если он сейчас же не выберется из этих полей, все клетки его тела попросту распадутся.

Превозмогая боль, он выскочил из укрытия и выстрелил из дробовика несколько раз. Грейсон выстрелил в ответ и нырнул в укрытие. Кинетические барьеры скафандра защитили Андерсона от пуль, дав ему еще немного времени на то, чтобы выбежать в зал.

Он занял место напротив двери, опустился на одно колено и взял дверной проем на мушку, ожидая, когда появится враг.

Грейсон чувствовал, как замедляется биение его сердца. Легкие утопали в натекшей из ран крови. Он знал, что до сих пор жив только из-за кибернетических имплантатов и несокрушимой воли Жнецов к жизни.

Он думал, что его раны заставят Жнецов ослабить свой контроль над ним, но вместо этого они вцепились в него еще крепче. Как бы он ни пытался, он не мог обрести контроль над своим телом. Ощущение было таким, словно ему не хватало воздуха — ему не за что было уцепиться.

Жнецы знали, что их враг спрятался за дверью. Еще один удачный выстрел из смертоносного дробовика — и имплантаты не выдержат. Поэтому, вместо того, чтобы выйти в зал, они затаились, собираясь с силами для заключительной атаки.

Глава 25

Ник не мог усидеть на месте. Он все время посматривал на дверь столовой, где стояла капитан Хименез.

Он видел, что на поясе мисс Сандерс висел пистолет, но ее пальцы были повреждены, так что она все равно не смогла бы им воспользоваться. Что она станет делать, если наткнется на похитителей? Ведь она даже не биотик.

Сфокусировав взгляд на стоящем перед ним стакане, Ник немного сконцентрировался и заставил стакан скользить к нему по столу. Он поймал его как раз в тот момент, когда стакан уже достиг края стола и готов был упасть.

«Я мог бы вытянуть пистолеты из рук похитителей. Послать их в полет и разбить их головы о стены! Но они хотят, чтобы я сидел здесь, как какой-нибудь ребенок!»

Он посмотрел на сидевшего напротив Яндо. Младший мальчик смотрел на него во все глаза.

— Тебе нельзя это делать, — прошептал он.

Ник знал, что мальчик имеет в виду фокус со стаканом. Инструктора называли это «бесплатной демонстрацией» биотических способностей, и в проекте «Восхождение» к подобным шуткам относились, скорее, отрицательно. Никто не хотел, чтобы дети экспериментировали самостоятельно, ставя под угрозу свое здоровье. Но для Ника это было просто. Он уже не первый год использовал биотику и знал, на что способен, пусть даже другие и не верили в него.

— Слушай, Яндо, — сказал он, внезапно ощутив прилив вдохновения. — Мне нужна твоя помощь.

— В чем? — подозрительно спросил младший мальчик. Он не любил неприятности, но Ник знал, что в конце концов Яндо сделает все, о чем он его попросит.

— Иди к капитану Хименез и скажи, что тебе нужно в туалет.

— Но туалет же здесь, — сказал Яндо, показывая в дальний угол столовой.

— Я знаю. Ты просто скажи ей, что тебе нужно, но ты боишься. Попроси ее, чтоб она тебя проводила.

— Но она же женщина! Она не сможет зайти в мужской туалет!

Ник устало вздохнул:

— Она офицер безопасности. Она может зайти туда, куда ей надо. Дай я закончу.

— Извини, — пробормотал Яндо.

— Зайдешь в кабинку и досчитаешь до десяти. Потом начнешь плакать и кричать, как будто бы ты сильно испугался.

— Что? Никогда! Все будут смеяться надо мной и говорить, что я маленький!

— Я им не позволю, — успокоил его Ник. — Ты же знаешь, я тебя прикрою.

Это было правдой, Ник всегда заступался за Яндо. Но мальчик все еще сомневался.

— Ну давай, приятель. Мне очень надо, чтобы ты это сделал. Это важно.

— Почему? Что ты собираешься сделать?

— Я не могу тебе сказать, — ответил Ник. — Если я тебе скажу и попадусь, у тебя будут неприятности.

Яндо подумал немного, медленно покачивая головой. Но когда он заговорил, он не отказался:

— Хорошо. Я скажу ей.

— Молодчина! — сказал ему Ник. — Я знал, что на тебя можно положиться.

Ник повернулся на стуле и стал смотреть, как Яндо встал и направился через всю столовую к капитану Хименез.

Он не слышал, о чем они разговаривают, но видел, что Яндо переминается с ноги на ногу, как будто бы хочет в туалет.

В какой-то момент он подумал, что капитан Хименез откажется или пошлет с ним кого-нибудь другого. Но она посмотрела по сторонам и, взяв Яндо за руку, направилась вместе с ним к уборной.

Ник поднялся и стал осторожно пробираться к двери. На него никто не обращал внимания. Младшие дети дремали на стульях. Старшие собрались маленькими группками, обсуждая события сегодняшнего вечера. Инструктора и охранники разносили еду и напитки, пытаясь выглядеть так, как будто бы им известно, что происходит.

Он безмятежно стоял у двери. Наконец он услышал, как из уборной донесся крик — Яндо выполнил свое обещание.

Все повернулись посмотреть, что случилось, Ник открыл дверь и выскользнул в зал, аккуратно закрыв ее за собой. Он знал, что Яндо не выдаст его, и что вряд ли кто-то заметит его исчезновение.

Гордясь тем, что он придумал и осуществил такой великолепный план, он вдруг понял, что совершил одну ошибку: теперь, когда он был свободен и мог отправиться за Кали, он не знал, где ее искать.

Он попытался решить, что же делать дальше. Он не мог вернуться в столовую после того, как приложил столько усилий, чтобы выбраться оттуда. Поэтому он направился к спальням, надеясь, что что-нибудь придумает на ходу, или ему просто повезет, и он встретит мисс Сандерс или похитителей.

Кай Ленг никогда не бывал в Академии Гриссома. К счастью, планировка школы была типичной, а для того чтобы в дни посещений родители учащихся могли с легкостью ориентироваться, на стенах висели подробные схемы.

Нетрудно было догадаться, что Грейсон направится в крыло проекта «Восхождение», особенно учитывая историю его дочери. Кай Ленг с легкостью нашел путь туда по схемам.

В коридорах царила пустота. Ему не встретился ни один патруль. Кай Ленг счел это дурным знаком — если бы он встретил кого-нибудь из охранников, то смог бы хотя бы разжиться каким-нибудь оружием. А пока что он мог рассчитывать только на свои навыки рукопашного боя.

Дойдя до входа в крыло проекта «Восхождение», он бегло изучил схему на стене. Уверенности не было, но его инстинкты подсказали ему, что Грейсон, скорее всего, направился в обширное помещение, обозначенное на схеме как «закрытая зона».

Но до того, как он добрался до места, он услышал юный голос:

— Не двигайся! Или я размажу тебя по стене!

Кай Ленг остановился и обернулся к неожиданной угрозе. Подросток с темными спутанными волосами одиноко стоял посреди зала.

— Я биотик, — предупредил мальчик. — Я могу отправить тебя в полет как баскетбольный мячик!

Он говорил твердо, но Кай Ленг видел, что он напуган.

Кай Ленг не сомневался, что сможет покрыть расстояние между ним и его противником до того, как тот соберет и выпустит биотическую силу. Но насилие не всегда является лучшим решением.

— Ты один из студентов Кали, — сказал он.

— Вы знаете мисс Сандерс? — неуверенно отозвался мальчик.

— Я пришел с ней, мы работаем вместе.

Мальчик выдохнул с облегчением:

— Извините... Я думал, вы один из похитителей.

Кай Ленг не совсем понимал, о чем он говорит, но решил подыграть:

— Если бы я был похитителем, разве бы у меня не было бы какого-нибудь оружия?

Мальчик пожал плечами:

— Может быть, вам оно не нужно. Вы и так выглядите опасным засранцем.

— Опасный засранец на твоей стороне, — успокоил он подростка. — Мне нужно найти Кали, ты знаешь, куда она пошла?

Мальчик покачал головой:

— Она сказала охранникам, чтобы они отвели нас всех в столовую, и убежала. Но я улизнул, чтобы помочь. Я самый сильный биотик в школе.

— Не сомневаюсь, — кивнул Кай Ленг. — Как тебя зовут?

— Ник. Ник Донахью.

— Меня зовут Стив. Может быть, ты сможешь мне помочь.

— Без проблем, — легко согласился Ник. — Что вам нужно?

— Схемы на стене показывают, что здесь есть закрытая зона. Ты знаешь, что там?

— Если я вам скажу, — ответил мальчик, — вам придется взять меня с собой.

— Договорились, — ответил Кай Ленг, понимая, что иметь в компании сильного биотика, даже такого молодого как Ник, не помешает, если он найдет Грейсона. К тому же, если ситуация выйдет из-под контроля, его можно будет использовать в качестве заложника.

— Там лаборатория и архивы, — объяснил Ник. — Вы думаете, мисс Сандерс направилась туда?

— Скорее всего. Покажешь мне, куда идти?

— Конечно. Идите за мной.

Кали вышла из-за угла и остановилась, увидев посреди зала Андерсона. Он не смотрел на нее, целясь из дробовика в дверь, ведущую в лабораторию.

Она уже собиралась позвать его, когда из двери появился Грейсон. Андерсон выстрелил, но пули попали в сияющий биотический барьер. Грейсон выбросил вперед кулак, и сильнейшая волна биотики прокатилась по залу. Она только успела заметить, что Андерсона, словно пушечным выстрелом, отбросило в ее направлении, как волна добралась и до нее. К счастью, она была довольно далеко, большая часть энергии уже иссякла, и ее просто сбило с ног. Но Андерсон был к Грейсону гораздо ближе и пролетел метров двадцать до того, как приземлился рядом с ней с ужасающим хрустом.

Кали застонала от боли, неловко опершись на поврежденную руку. Лежащий у ее ног Андерсон не двигался и не издавал ни звука. Не успела она наклониться к нему, как Грейсон уже был рядом и направил в ее лицо пару пистолетов.

Грейсон знал, что Жнецы собираются убить Кали, и ничего не мог с этим поделать. Они заперли его внутри собственного тела, где он, беспомощный, никак не мог повлиять на свои физические действия.

В отчаянии он попытался в последний раз повлиять на контролирующие его чужеродные машины, осознавая, что это, возможно, последнее проявление его собственной воли — до того, как они его полностью поработят.

Но вместо того, чтобы бороться за физический контроль, он вложил всю свою энергию

в единственную мысль: Кали слишком ценна, чтобы ее убивать.

Он не знал, сработала ли его уловка, но внезапно он почувствовал, что Женцы копаются в его памяти в поисках любой информации о Кали Сандерс. Даже не зная, что это возможно, он попытался направить их поиски в нужное ему русло.

«Она знает о проекте "Восхождение" больше, чем кто-либо другой. Она долгие годы изучала детей. Она всесторонне анализировала данные. Она — одна из самых блестящих ученых в галактике. Она гораздо ценнее живая, чем мертвая».

Вместо того чтобы нажать на курки, Жнецы убрали один из пистолетов. Свободной рукой они схватили Кали за предплечье, и она закричала от боли.

— Идем со мной, — сказали они и потащили ее за собой.

Кали не сопротивлялась, когда Грейсон схватил ее за руку и потащил за собой по коридору. Казалось, что он совершенно забыл об Андерсоне и полностью переключился на нее.

Она не могла узнать, жив ли еще Андерсон, но привлекать к нему внимание не собиралась.

Когда они завернули за угол и Андерсон скрылся из глаз, она решилась заговорить:

— Грейсон, пожалуйста, я знаю, что с тобой происходит. Я хочу тебе помочь.

— Грейсона больше нет, — ответил тащивший ее мужчина.

Они двигались так быстро, что он практически нес ее. Она перебирала ногами по полу в отчаянных попытках угнаться за ним и хоть немного ослабить хватку на раненной руке.

— Остановись! Мне больно!

К ее удивлению, они замедлили ход. Совсем немного, но достаточно, чтобы она смогла идти сама. Ей в голову пришло только одно возможное объяснение: где-то внутри этого ужасного существа, волочащего ее через залы Академии Гриссома, все еще жил Грейсон.

Глава 26

Дэвид Андерсон с трудом приходил в сознание.

Его возвращение началось с острой, пронизывающей боли, усиливавшейся с каждым вдохом. Мысли еще путались: он никак не мог сообразить, где он и как сюда попал. Но солдатская выучка позволила ему сконцентрироваться на своих ощущениях и попытаться определить степень тяжести повреждений.

Ребра сломаны. Легкое пробито.

Ни то, ни другое само по себе не представляло серьезной угрозы для жизни, но вместе оба эти фактора серьезно замедляли скорость передвижений. Он осторожно перекатился на спину и стал ощупывать свои раны. От этого простого усилия он чуть не потерял сознание.

Ключица сломана. Плечо, возможно, вывихнуто.

Он чувствовал себя так, будто по нему прошелся, на высокой скорости, поезд.

Или серьезная биотическая волна.

Внезапно он все вспомнил. Он не знал, ни сколько времени пробыл без сознания, ни почему Грейсон не прикончил его, но он все еще был жив. И это чего-то стоило.

«Давай, солдат! Поднимайся».

Стараясь не поворачиваться, чтобы не потревожить ребра и не шевелить рукой, что тут же откликнулось бы в сломанной ключице, он попытался встать на ноги.... Только затем, чтобы снова рухнуть на пол, когда порванные сухожилия левой ноги не выдержали его веса.

Пока он падал, его захлестнула волна боли настолько сильной, что его стошнило прямо внутрь шлема. Рефлективный спазм мышц живота отозвался дикой болью в ребрах, и он зашелся в кашле, отрывающем последние куски от поврежденного легкого — будто бы кто-то душил его изнутри.

Андерсон знал, что единственный способ прекратить этот эффект домино в непрерывной цепочке цепляющихся друг за друга болевых ощущений, это попытаться успокоиться и прекратить двигаться, что он и сделал, несмотря на нестерпимые боли в ноге,

груди и плече.

Он открыл рот и сделал несколько медленных, осторожных вдохов, не обращая внимания на отвратительный вкус своего вчерашнего обеда во рту. Как бы ни был противен вкус во рту, запах внутри шлема был еще ужаснее.

Когда острая боль, наконец, сменилась ноющей, он медленно поднял здоровую руку и расстегнул шлем, позволив ему просто упасть с головы. Борясь с желанием неистово глотать чистый воздух, он очень аккуратно сел.

Ему даже удалось подняться, опираясь на правую ногу и держась за стену. В нескольких метрах он заметил на полу свой дробовик.

Встроенные в скафандр системы жизнеобеспечения впрыскивали в его тело панацелин небольшими порциями, с таким расчетом, чтобы передозировка этого волшебного препарата не вызвала потерю сознания. Конечно, этих микроскопических инъекций не хватало для того, чтобы вылечить его раны, но они значительно облегчали боль.

Ступая медленно и осторожно, он направился за дробовиком, морщась от боли всякий раз, как наступал на левую ногу. Он поднял дробовик и взял его в раненую руку. Вес оружия оттягивал ее, отдавая пульсирующей болью в ключице, но иного способа нести дробовик не было. Правая, здоровая рука нужна была ему для того, чтобы держаться за стену.

Стиснув зубы, он ковылял по направлению к зоне высадки, надеясь застать Грейсона до того, как тот успеет улететь. Разорванное легкое ограничивало его дыхание до коротких, неглубоких вдохов, превращая его спотыкающиеся шаги в изматывающий спринтерский забег.

Через некоторое время концентрация панацелина в его теле достигла критической точки, болевой шок прошел, а передозировка вызвала приятное головокружение.

«Сконцентрируйся, солдат. Расслабишься после выполнения задания».

Кали пыталась придумать, как достучаться до Грейсона. Когда она пыталась обращаться к нему напрямую, Жнецы просто выключали его. Но когда она попросила Жнецов двигаться помедленнее, ей показалось, что Грейсон, все же, имеет на них какое-то, пусть небольшое, но влияние. Ей показалось, что если отвлечь внимание Жнецов, направить его на что-то не связанное с Грейсоном, то последний вздохнет свободнее.

— Почему вы здесь, — спросила Кали. — Чего вы от нас хотите?

Она не была уверена, что Жнецы ответят. Она только надеялась, что завладеет вниманием Жнецов настолько, что у Грейсона появится возможность сопротивляться. Как и чему он будет сопротивляться она, впрочем, не представляла.

— Мы ищем спасения, — к немалому ее удивлению, ответил Грейсон. — Нашего и вашего.

— Спасения? Ах вот, чем занимались Коллекционеры! Они спасали этих колонистов? И это же вы сделали с Грейсоном?

— Его предназначение изменилось. Он стал несравненно большим, чем простой набор клеток и биомассы.

— Эта простота и делала его уникальным, — не унималась Кали. — Она делала его не таким, как все.

Она заметила, что шаги Жнецов стали ровнее и размереннее. Если Грейсон все еще был внутри, если он мог как-то влиять на ход событий, значит, он использовал это влияние, чтобы замедлить ход Жнецов. Он пытался купить ей время для побега. В этой ситуации самым лучшим для нее было бы продолжать говорить.

— Но почему вы просто не оставите нас в покое? Почему вы не дадите нам спокойно прожить наши жизни?

— Мы — хранители цикла. Создатели и уничтожители. Ваше существование — лишь искра. Мы можем потушить ее — или разжечь. Сдайтесь нам и мы сделаем вас бессмертными.

— Я не хочу быть бессмертной, — сказала Кали. — Я просто хочу быть собой.

Теперь они двигались еле-еле. Грейсон смог превратить их бешеный побег из Академии в слабое, медленное продвижение вперед.

— Органическая жизнь живет, умирает и забывается. Вы не можете понять ничего из того, что стоит за этим. Но есть существование за пределами вашего понимания.

Что-то странное было в словах Грейсона. Она знала, что он говорит от имени Жнецов, но казалось что он — или они? — на самом деле хотят от нее понимания. Это выглядело так, как будто бы они хотели убедить ее, хотели, чтобы она согласилась, но не могли найти нужных, понятных ей слов. А может быть, и не было таких слов, которые бы заставили органическую жизнь понять сверхразумную машину.

— Мы — вершина эволюции, — продолжали они. — Но мы видим ваш потенциал. Мы можем возвысить вас. Слабостью органического тела можно пренебречь.

Кали эти слова не казались убедительными, но она чувствовала, что для Жнецов они имеют серьезное, глубокое значение.

— Ваше понимание ограничено вашей генной памятью. Вы не можете разглядеть дальше, чем пределы вашего существования. Но наше знание бесконечно, как и мы.

Чем больше Грейсон говорил, тем больший смысл обретали его слова — на глубоком, почти подсознательном уровне.

— Законы Вселенной нерушимы. Непреложны. Ваше сопротивление ведет лишь к вашему уничтожению. То, что мы есть — то, что мы делаем, — неизбежно.

Кали уже не замечала, что попала под влияние Жнецов настолько, что стала согласно кивать им головой.

Кай Ленг услышал приближающийся голос. Слишком слабый и отдаленный, чтобы разобрать слова, но достаточный для того, чтобы понять, что этот голос принадлежит Грейсону.

Он положил руку на плечо Ника, останавливая его. Мальчик не услышал голосов, поэтому обернулся и с удивлением посмотрел на Кай Ленга. К его чести надо сказать, что он уже понял достаточно, чтобы не издать ни звука.

Убийца продолжал прислушиваться к отдаленным голосам до тех пор, пока ему не стало понятно, что они приближаются. Тогда он показал пальцем на открытый кабинет. Они вошли вовнутрь, Кай Ленг закрыл дверь и включил свет.

— Я слышал что-то в коридоре. Похитители идут сюда, — прошептал он.

— Что мы будем делать? — спросил Ник. Его юный голос дрожал от страха и возбуждения.

— Я думаю, что они направляются в посадочную зону. Они пройдут мимо нас.

Ник кивнул, чтобы показать, что он все понял.

— У меня нет оружия, но у тебя есть, — продолжал Кай Ленг. — Если мы подождем здесь, ты сможешь сконцентрироваться достаточно для того, чтобы нейтрализовать их биотическим ударом?

— Ты имеешь в виду, убить их? — изумленно спросил Ник.

— Это опасные люди, — предупредил его Кай Ленг. — Если мы не уьем их, они убьют нас.

— Я... я никогда никого не убивал...

Кай Ленг сочувственно кивнул:

— Это ничего. Я понимаю. В твоем возрасте это сложно. Может быть, нам стоит просто спрятаться и подождать, пока они пройдут.

— Нет, — упрямо ответил Ник. — Я не хочу прятаться! Я смогу.

— Ты уверен? Это будет непросто.

— Я смогу, — повторил Ник.

— Отлично. Тогда план таков: мы ждем здесь за закрытой дверью, в темноте. Когда

они пройдут, я открою дверь, а ты выскочишь в зал и ударишь их всем, что у тебя есть, до того как они успеют обернуться.

— Но это же удар в спину!

— Это не игра, Ник. Сейчас не до честности.

— Да. Хорошо. Я понял.

— Я выключаю свет. Ты готов?

Ник кивнул, и Кай Ленг погрузил комнату в темноту. Поначалу им ничего не было видно, но через несколько секунд их глаза начали приспосабливаться и замечать слабое освещение, идущее от различных объектов в кабинете: мерцание уведомления о новом сообщении на терминале экстранета, подсвечиваемые выключатели компьютерной консоли и видеодисплея, рассеянный зеленоватый свет дверной панели, показывающий, что дверь не заперта. Этого было немного, но достаточно, чтобы они могли различать силуэты друг друга.

Кай Ленг прижал ухо к двери и внимательно прислушался. Он слышал голос Грейсона. Иногда доносился голос Кали. Он не стал говорить Нику о Кали — мальчик мог бы отказаться атаковать их, а Кай Ленг был вполне готов пожертвовать ею, чтобы избавиться от Грейсона.

Он взглянул на Ника и с удивлением заметил, что вдоль его позвоночника бегут искры. Он видел, как подросток накапливает силу: искры разгорались ярче, и их становилось все больше, по мере того, как его тело начинало вырабатывать темную энергию.

До двери они добирались дольше, чем рассчитывал Кай Ленг. Когда они прошли, он подождал несколько секунд, дав им удалиться еще на пару метров, нажал на дверную панель и отпрыгнул в сторону.

Ник выскочил в зал с яростным криком. Накопленная биотическая энергия причиняла Нику ощутимый физический дискомфорт. Его зубы сводило, как будто он жевал фольгу, глаза слезились, в ушах звенело. Но это того стоило, если он мог помочь остановить похитителей и тем самым произвести впечатление на мисс Сандерс.

Он высвободил всю свою энергию, направив ее против врагов. Слишком поздно он понял, что одним из этих врагов, которых он вознамерился сокрушить со всей своей молодой биотической силой, была Кали.

Еле сдерживаемая сила переполняла его, выливаясь неконтролируемым потоком, и ему не хватило выучки отключить ее. Единственное, что он смог сделать, это попытаться ее перенаправить. Вместо концентрированного смертельного удара, он рассеял поток в волну, прокатившуюся по всей ширине коридора.

Кали и человек рядом с ней обернулись на его крик. Он увидел их лица, их глаза, распахнувшиеся от удивления, и то, как они поднялись в воздух и разлетелись в стороны, прежде чем упасть на пол у разных стен.

— Ударь еще раз! — закричал из кабинета человек в татуировках, называвший себя Стивом. — Прикончи их!

Но Ник только смотрел в ужасе на странное нечто, выглядевшее лишь наполовину как человек, а наполовину — как машина, которое поднялось на ноги и повернулось к нему.

Крик Ника дал Кали достаточно времени, чтобы понять, что происходит, и приготовиться действовать. Однако биотическая волна ударила ее так сильно, что пистолет вылетел из кобуры и откатился в сторону.

К счастью, она ударилась о стену плечом, а не головой, и поэтому не потеряла сознания. Она не знала, как Ник нашел их, она знала только, что напав на Грейсона, он зарекомендовал себя как угроза в глазах Жнецов.

Не думая, она поднялась на ноги и бросилась наперерез Грейсону, налетев на него как раз в тот момент, когда он поднял пистолет и начал стрелять в Ника. Она смогла сбить его с ног, но когда они оба коснулись земли, она услышала выстрел и вскрик Ника.

Грейсон вскочил на ноги и свободной рукой схватил ее сзади за ремень. Он поднял ее, как мешок с мукой, и отбросил в сторону.

Она полетела, неуклюже болтая руками и ногами. На этот раз у нее не было времени

подготовиться, и она со всего размаху упала на пол лицом вниз.

От удара у нее из глаз посыпались искры. Оглушенная, она не могла даже повернуться, чтобы посмотреть что происходит.

Кай Ленг увидел, как застрелили Ника: пуля попала ему в живот. Когда мальчик, крича от боли, падал на колени, Кай Ленг уже действовал.

Он видел, как пистолет упал с пояса Кали, и знал, что ему надо добраться до него, чтобы выжить.

Грейсон отбросил Сандерс и в этот момент отвлекся, подарив Кай Ленгу несколько бесценных долей секунды. Он прокатился по полу и в прыжке дотянулся до пистолета, перекатившись на спину, чтобы выстрелить в Грейсона.

Но Жнецы были быстрее. Он еще тянулся за пистолетом, а они уже были рядом. Нога Грейсона выбила пистолет у него из руки с такой силой, что раздробила ему запястье.

Убийца понял, что для него все кончено. Готовясь встретить смерть, он взгляделся в склоняющегося над ним монстра. Вздвогнув от громкого выстрела, он только через секунду понял, что стреляли не в него. Грейсон начал клониться в сторону. За ним стоял Андерсон, прижимая к животу дробовик, который он держал одной рукой. Правая рука безжизненно висела.

Он выстрелил еще раз, и Грейсон осел на пол.

Грейсон лежал на спине, глядя в потолок и хватая ртом воздух. Он чувствовал, что Жнецы покидают его тело. Их оболочка разрушилась, и они отправились обратно в глубокий космос, оставив Грейсона одного в последние минуты его жизни.

Освободившись наконец от их влияния, он повернул голову, и мир начал расплываться. Он увидел, как Кали пытается подняться на ноги, и улыбнулся.

Он отвернулся и снова посмотрел в потолок. В поле его зрения возникли голова и плечи темноволосого азиата. Грейсон узнал его, это был тот человек, который напал на него в камере «Цербера».

Жизнь замедлялась, и он услышал знакомый двойной выстрел из пистолета — стандарт каждого убийцы «Цербера». Две пули вошли в его череп, и в последний раз все погрузилось в темноту.

Глава 27

Для того чтобы прицелиться, Андерсону пришлось упереть приклад дробовика в живот. Когда он выстрелил, он задержал дыхание и напряг пресс, чтобы боль от отдачи не заставила его потерять сознание. Но даже несмотря на эти предосторожности, каждый раз, после того как он нажимал на курок, несколько секунд ему приходилось несладко.

Он попал в Грейсона с первой попытки. К счастью, дробовики не требуют особенной точности при стрельбе с близкого расстояния. После первого выстрела Грейсон покачнулся, но не упал. Впрочем, за то время, которое прошло между этим выстрелом и самым первым, когда Андерсон повстречал его в архивах, Грейсон получил настолько серьезные ранения, что все, что Жнецы теперь могли сделать — это поддерживать его в вертикальном положении.

Андерсон собрался и выстрелил снова, и Грейсон, наконец, упал на пол. Пока Андерсон приходил в себя после отдачи второго выстрела, Кай Ленг поднял с земли пистолет и прикончил Грейсона двумя контрольными выстрелами в голову.

Прежде чем убийца переключил свое внимание на него, Андерсон сказал:

— Брось оружие и не двигайся!

Он не кричал — несмотря на инъекции панацеина, разорванное легкое и сломанные ребра не позволяли ему повышать голос. Но он знал, что Кай Ленг отлично его слышал.

Убийца замер. Его оружие все еще было направлено на тело Грейсона. Андерсон знал, о чем он думает: сможет ли он поднять пистолет и выстрелить до того, как Андерсон спустит курок. Он был быстр, но достаточно ли?

— Не делай этого, — предупредил Андерсон. — Я убью тебя. С такого расстояния даже я не промахнусь.

К его облегчению Кай Ленг разжал пальцы и выронил пистолет.

Андерсон видел истекающего кровью подростка и Кали, которая пыталась прийти в себя после того полета, в который отправили ее Жнецы. Но пока что он не мог помочь ни одному из них. Кай Ленг был слишком опасен, и, пока он не был нейтрализован, Андерсону приходилось откладывать все остальное и сконцентрироваться на реальной угрозе.

— Медленно, — сказал ему Андерсон, — аккуратно, очень аккуратно подтолкни пистолет ко мне ногой.

Он не снимал палец с курка, пока Кай Ленг выполнял его приказание. Он был готов выстрелить в любой момент — если бы Андерсон чихнул, то Кай Ленгу не помог бы сам Господь Бог.

Пистолет покатился по полу и остановился в нескольких дюймах от ноги Андерсона.

— Теперь руки за голову, лицом к стене и на колени.

Убийца повиновался, и Андерсон наконец почувствовал, что держит ситуацию под контролем. Из такой позиции даже Кай Ленг не смог бы отреагировать достаточно быстро, чтобы избежать выстрела из дробовика.

— Что теперь? — спросил убийца.

— Все эти выстрелы точно привлекут чье-нибудь внимание. Я думаю, что охрана будет здесь через пару минут. Подождем их.

Он посмотрел на Кали и увидел, что она уже поднялась на ноги, прислонившись к стене и пытаясь собраться. Она посмотрела на тело Грейсона, а потом перевела взгляд на мальчика, лежавшего в центре коридора.

— Ник! — закричала она, подбежала к нему и упала на колени, чтобы осмотреть его раны.

Андерсон продолжал целиться в Кай Ленга — на случай, если тот захочет воспользоваться суматохой, чтобы сбежать. Тот не двигался, но заговорил:

— Я мог бы убить тебя, знаешь? — сказал Кай Ленг, не сводя глаз со стены перед собой. — Но я не сделал этого. У меня нет причин убивать тебя.

— Дэвид, — сказала Кали, склонившаяся над мальчиком. — Он теряет очень много крови. Мне нужна аптечка.

— Все, что я хотел сделать — это остановить Грейсона, — продолжал Кай Ленг, словно не слыша ее. — Я выполнил свою работу. Отпустите меня.

— Ты никуда не пойдешь, — проронил Андерсон. — Это все твоя вина. Грейсон. Этот мальчик. Их кровь на твоих руках!

— Дэвид, — закричала Кали, — я все еще могу спасти его! Но мне нужна аптечка!

— Сходи за ней, — ответил Андерсон, не сводя глаз с Кай Ленга. — Я не знаю, где могут быть аптечки. Найди сама и возвращайся.

— Но нужно чтобы кто-то прижимал рану, — запротестовала Кали. — К тому времени как я вернусь, он истечет кровью.

— Я не могу оставить этого парня без присмотра, — покачал головой Андерсон. — Нам придется дожидаться охраны. Сейчас кто-нибудь подойдет.

— Нет времени, — настаивала Кали.

— Ты, — сказал Андерсон Кай Ленгу, найдя наконец решение. — Поднимайся. Медленно и аккуратно. Подойди и прижми рану. Держи ее, пока Кали не вернется.

— Нет, — безжизненно ответил Кай Ленг.

— Нет? — недоуменно повторил Андерсон.

— У тебя есть выбор, — спокойно ответил ему убийца. — Ты удерживаешь кровь, пока Кали ищет аптечку, а я тем временем исчезаю. Или же ты держишь меня на мушке, пока не появится охрана, и мы все смотрим, как мальчик умирает.

— Ты сукин сын! — вскричала Кали. — Он всего лишь ребенок!

— Решать Андерсону, — ответил Кай Ленг. — Все, что ему нужно сделать — это

отпустить меня.

Кай Ленг все еще смотрел на стену, Андерсон убрал дробовик и незаметно поднял пистолет. Не сводя глаз с Кай Ленга, он подошел к сидящей рядом с Ником Кали. Ее поврежденные пальцы были погружены в рану на животе мальчика, руки дрожали от напряжения — она прижимала рану изо всех сил.

— У меня только одна рука, — предупредил ее Андерсон. — У тебя все равно больше работающих пальцев, чем у меня. Прижимай внутри как можно крепче.

— Я так понимаю, что мне можно идти? — уверенно сказал Кай Ленг. Он все еще смотрел на стену, но уже решил подняться на ноги. Андерсон внимательно прицелился и выстрелил. Пуля попала в правое бедро убийцы, и он с криком повалился на пол. Катаясь по земле, он попытался пережать рану руками, но Андерсон снова нажал на курок, на этот раз прострелив ему левую лодыжку.

Кай Ленг зарычал от боли и гнева, затем перевернулся на живот и посмотрел на Андерсона ненавидящим взглядом.

— Охрана сейчас прибует, — заметил Андерсон. — Если хочешь смыться до их появления, поторапливайся.

Кай Ленг оскалится и пополз прочь, надеясь все же уйти до прибытия подкрепления.

Андерсон наконец отбросил пистолет и полностью сосредоточился на Кали и ее пациенте.

— Покажи мне, что делать, — сказал он.

— Запусти пальцы в рану и нащупай мои, — сказала ему Кали.

Андерсон последовал ее инструкции, аккуратно погрузив руку в теплую клейкую дыру в животе Ника.

— Чувствуешь эту вену, которую прижимают мои пальцы?

— Да. Кажется, да.

— Когда я вытащу руки, прижимай со всей силы. Не отпускай ни в коем случае.

— Понял.

— На счет три. Готов? Раз... Два... Три!

Кали вытащила руки, кровь полилась из раны, а Андерсон попытался прижать вену, чтобы остановить ее.

— Кровь все еще идет! — в панике сказал Андерсон.

— Прижимай сильнее! Со всей силы!

Андерсон навалился на тело всем своим весом, и поток крови замедлился до тоненькой струйки.

— Отлично, — сказала Кали, поднявшись и похлопав его по плечу. — Сможешь удержать?

— Какое-то время, — ответил он. — Но торопись.

Ей не нужно было повторять, он услышал, как ее шаги затихают в глубине зала. Он остался наедине с телом Грейсона и умирающим мальчиком.

Дыхание Ника стало редким и неглубоким. Кожа приобрела меловой оттенок, лоб покрылся каплями пота.

— Не умирай, мальчик, — прошептал он. — Она уже слишком многое потеряла.

Кали вернулась через пару минут.

— Как он? — спросила она, раскладывая на полу аптечку.

— Он все еще с нами, — ответил Андерсон.

Она достала инъектор. Из-за того, что ее пальцы были повреждены, она держала его неловко, но все же ей удалось сделать Нику укол в бедро, прямо через штаны.

В отличие от небольших доз панацеина, которые Андерсон получал прямо из скафандра, концентрированное средство приносило немедленные, почти волшебные результаты. Сворачивающие кровь вещества останавливали кровотечение, биологические наниды начинали заживлять поврежденные ткани и клетки. В то же самое время сильные седативные вещества погружали пациента в состояние глубокого наркоза, стабилизируя

деятельность организма и замедляя работу внутренних органов. В случае серьезных ранений все равно могло потребоваться хирургическое вмешательство, но в большинстве случаев панацелин поддерживал стабильное состояние пациента достаточно долго, прежде чем он мог получить должную медицинскую помощь.

Через несколько секунд к Нику вернулся нормальный цвет лица, и его дыхание выровнялось.

Кали наклонилась и измерила его жизненные показатели при помощи обнаруженного в аптечке инструментрона, неуклюже держа его двумя руками.

— Все в порядке, — сказала она. — Отпускай.

Андерсон осторожно вытащил руку из раны и отодвинулся в сторону, освобождая Кали пространство для работы.

Она достала из аптечки бинты и большую тубу с мазью. В отличие от жидкого панацелина, который она вколола Нику, это средство было желеобразным. Она попыталась открыть крышку, но пальцы ее не слушались.

— Держи тубу, — сказал Андерсон и протянул здоровую руку, чтобы отвинтить крышку.

Крышка открылась, Кали густо намазала рану и забинтовала ее. Чтобы убедиться, что все сделано правильно, она еще раз просканировала его инструментроном.

— Я думаю, что все будет нормально, — объявила она, вытирая лоб рукой.

— Мы отличная команда, — заметил Андерсон. — Может быть, откроем медицинскую клинику?

— Ты теперь безработный, — напомнила она ему. — Так что или это, или—

Андерсон поднял руку, прервав ее на полуслове:

— Слышишь?

Она склонила голову набок:

— Шаги!

Кали вскочила на ноги и громко закричала:

— Мы здесь! Около кабинетов!

Вскоре из-за угла показались четыре охранника — двое мужчин и две женщины.

— Мы слышали выстрелы, так что я подумала, вам понадобится подкрепление, — сказала одна из женщин. — Остальные приглядывают за детьми.

Она взглянула на лужу крови и изрешеченное пулями тело Грейсона, ее лицо омрачилось. Но когда она увидела Ника, на нем проступил шок.

— Простите, — пробормотала она, — я не знаю, как он вышел из столовой. Я даже не заметила, что он исчез.

Кали покачала головой:

— Это не ваша вина, капитан. И с ним все будет в порядке... Хотя, не мешало бы отправить его в больницу.

Офицер кивнула одному из мужчин, и тот осторожно взял Ника на руки.

— Простите, что вмешиваюсь, — сказал Андерсон, не вставая с пола, — но, может быть, остальным стоит догнать Кай Ленга?

— Верно, — согласилась Кали. — Азиат. Сзади на шее татуировка. Не вооружен, но все еще опасен.

— Ранен в обе ноги, — добавил Андерсон, показывая на кровавый след, протянувшийся по залу. — Нетрудно будет отыскать его.

Охранник с Ником на руках осторожно, чтобы не беспокоить мальчика, направился в сторону больницы. Остальные бегом бросились по кровавому следу, оставив Кали и Андерсона наедине.

Кали опустилась на пол рядом с ним.

— Тебе, кажется, тоже досталось, — сказала она, поднимая инструментрон. — Позволь мне проверить.

— Только после того, как ты попрощаешься.

Она взглянула на Грейсона, понялась, медленно подошла к телу и опустилась рядом с ним на колени.

Андерсон отвернулся, чтобы не мешать. Он слышал ее шепот, но не прислушивался и не мог разобрать, что она говорит. Когда раздался тихий плач, он все же обернулся посмотреть на нее.

Она держала руку Грейсона на своем колене, слезы лились по ее щекам. Она подняла его руку и поднесла ее к своим губам. После чего опустила ее обратно на пол. Затем она вытерла глаза, глубоко вздохнула и встала на ноги.

Когда она снова села рядом с Андерсоном, он ничего не сказал. Ему было интересно, что она шептала, но он не смел спрашивать. Это был не его секрет. Это было только между ней и Грейсоном.

— Давай посмотрим, сможем ли мы тебя заштопать, — сказала Кали, с усталой улыбкой поднимая инструментрон.

Глава 28

Много разных мыслей промелькнуло в голове Кай Ленга после того, как Андерсон прострелил ему обе ноги.

Он знал, что раны не представляют никакой угрозы для жизни, обе пули попали в мышцы, крупные артерии задеты не были. Кровотечение было не сильным — до того как он ослабеет от потери крови пройдет по меньшей мере минут двадцать.

Когда он понял, что не умрет, Кай Ленг в первую очередь захотел отомстить. Отползая, он оглянулся и увидел, как Кали и Андерсон склонились над раненым мальчиком. Кай Ленг понял, что он мог беспрепятственно добраться до тела Грейсона — и лежащего рядом с ним пистолета, до того, как они его заметят.

Но что он будет делать с этим пистолетом? Андерсон пощадил его. Он был слишком благороден, для того чтобы добить беспомощного противника. Но если Кай Ленг будет вооружен и откроет огонь, можно было не сомневаться, что Андерсон прикончит его, не задумываясь.

В любой другой ситуации Кай Ленг бы рискнул, но Андерсон был одет в скафандр с кинетическими барьерами, которые отразят первые несколько выстрелов. Таким образом, Андерсон сможет взять пистолет или дробовик и выстрелить в ответ. А в том состоянии, в котором сейчас был Кай Ленг, он вряд ли смог бы выиграть эту битву.

Он мог бы убить Сандерс. Но это бы только разозлило Андерсона настолько, что тот в ответ прикончил бы его. Он мог бы направить пистолет на Сандерс, взять ее в заложники. Но рано или поздно прибыла бы охрана, и в этом случае результат был бы очевиден.

Кай Ленг не торопился умирать, поэтому он решил попытаться сбежать. Он полз, пока не скрылся за поворотом, двигаясь с черепашной скоростью. Его перемещение замедляла не боль, он был достаточно крепок духом, чтобы не обращать на нее внимания. Но сукин сын Андерсон знал, куда стрелять, и поврежденные мышцы ног отказывались служить Кай Ленгу.

Гладкие полы Академии тоже не способствовали скорости передвижения: пальцы, которым не за что было зацепиться, проскальзывали. Но Академия была космической станцией, и гравитационные поля внутри ее коридоров поддерживались генераторами поля эффекта массы. В случае необходимости можно было отключить искусственную гравитацию.

Когда Кай Ленг только попал в Академию, он заметил, что везде под потолком вмонтированы металлические кольца, которые должны были помочь людям передвигаться в невесомости. Тогда же он заметил еще и приделанную к стене лестницу, ведущую к электрошлиту под потолком. Если память ему не изменяла, эта лесенка была на той же стороне коридора, что и кольца.

До лестницы оставалось не более пятидесяти метров. Но как бы Кай Ленг ни старался,

он добирался туда больше минуты. Затем он ухватился за первую перекладину и подтянулся на руках, медленно затаскивая свое тело наверх.

Когда он достиг потолка, он уцепился левой рукой за верхнюю перекладину лестницы и вытянул правую, чтобы дотянуться до ближайшего кольца. Но он смог лишь коснуться его кончиками пальцев.

Отказываясь сдаваться, когда до спасения его отдало лишь несколько дюймов, он, оттолкнувшись от лестницы, прыгнул и ухватился за кольцо, повиснув на одной руке под потолком.

Он стал раскачиваться вперед и назад, и, хорошенько раскачавшись, перебросил свое тело и уцепился за следующее кольцо. Так, не теряя ритма, он прыгал от кольца к кольцу, словно превратившись в своего далекого обезьяноподобного предка, жившего в теперь уже давно забытых джунглях планеты Земля.

Через некоторое время его руки и плечи заболели от напряжения, но он попросту игнорировал эти ощущения, как раньше игнорировал боль в раненых ногах. Но к тому времени, как он достиг зоны досмотра в стыковочном доке, его руки уже дрожали от переутомления, и в какой-то момент его пальцы разжались.

Он едва успел сгруппироваться, прежде чем с тяжелым глухим звуком упал на пол. От удара новая волна боли пронзила его ноги, и несколько секунд он изо всех сил старался не потерять сознание.

На то, чтобы полностью прийти в себя ему понадобилась почти минута. Сердце колотилось, и он тяжело дышал, но спасение было близко. Теперь он не мог добраться до колец под потолком, но даже если бы и смог, его усталые плечи и руки не смогли бы удерживать его вес. Поэтому ему не оставалось ничего другого, как снова ползти, извиваясь по полу, по направлению к стыковочному шлюзу.

Он миновал тела двух мертвых охранников. Ему оставалось меньше десяти метров до шлюза шаттла, когда он услышал за спиной голоса.

— Еще одно пятно крови! — кричал кто-то. — Кажется, он направляется к шаттлам!

Кай Ленг удвоил свои усилия, изо всех сил подтягивая свое тело на усталых руках, но было слишком поздно. Он услышал позади себя грузный топот.

Он достиг стыковочного шлюза как раз в тот момент, когда два охранника выбежали на платформу дока.

— Стой! — закричал один из них.

Кай Ленг проигнорировал приказ и потянулся к дверной панели шлюза.

Когда охранники открыли огонь, он подтянул колени к груди и прикрыл голову руками. Несколько пуль попали в тяжелую дверь и срикошетили от нее, но ни одна не достигла Кай Ленга. Створка шлюза закрылась за ним.

Кай Ленг знал, что времени у него нет. Дверь шлюза была закрыта, и пули не могли ее пробить, но охранники все равно могли бы взломать ее и проникнуть на борт до того, как он взлетит.

Он прополз по шаттлу к кабине пилота. Затащив себя в кресло, он дотянулся до панели управления и завел двигатель.

К счастью для него, стыковочные доки Академии не были оснащены внешними воротами или барьерами, которые можно было бы закрыть и тем самым отрезать ему путь к бегству.

Через несколько секунд судно отделилось от платформы и покинуло станцию. Кай Ленг проложил курс к ближайшему ретранслятору. Он знал, что уже свободен, поэтому не стал разгоняться до скорости света.

Вместо этого он соскользнул с кресла и направился в заднюю часть шаттла, где на полу лежал набор первой помощи. Андерсон открыл его, чтобы взять веревку, но аптечка оставалась нетронутой.

Он нашел тубу панацеина и щедро намазал им свои раны, чтобы снять боль и предотвратить заражение, стараясь, однако, избежать передозировки. Затем он вернулся в

кресло пилота и открыл канал связи. Дисплей мигнул, и на нем возникло лицо Призрака.

— Все кончено? — спросил он.

— Грейсон мертв, — ответил Кай Ленг, — но я не смог забрать тело.

— Оно все еще на Омеге? — поинтересовался Призрак.

— Нет. В Академии Гриссома.

Несмотря на неожиданные новости, лицо Призрака оставалось бесстрастным.

— А что Сандерс и Андерсон?

— Там же. Оба живы.

— Я думаю, что тебе лучше лично доложить мне обо всем.

Пока Кай Ленг размышлял, выйдет ли он с этой встречи живым, Призрак добавил:

— Я знал, что ты справишься с этим заданием. Ты очень ценный сотрудник, — сказал он, будто прочитав мысли Кай Ленга. — «Церберу» повезло, что ты с нами.

— Почитаю за честь, — ответил Кай Ленг.

— Мы перебазировали станцию на новое место, — сообщил Призрак. — Я высылаю тебе координаты.

Коммуникационный канал издал звуковой сигнал, подтверждающий получение данных. Экран монитора погас, Призрак отключился.

Кай Ленг откинулся в кресле и выдохнул с облегчением.

Он заложил курс на станцию и включил автопилот, разгоняя корабль до скорости света. Взглянув на план полета, он заметил, что у него есть час до того, как ему придется вручную проводить шаттл через ретранслятор.

— Выключить свет, — сказал он, закрывая глаза, тогда как все огни в кабине начали гаснуть. — Разбудить меня через сорок минут.

В первый раз с тех пор, как все это началось, его тело могло по-настоящему отдохнуть. Он провалился в глубокий сон без сновидений.

С тех пор как Кай Ленг сбежал, прошло три дня. Раны Андерсона почти зажили. Сломанные ребра еще причиняли ему некоторые неудобства, и потребуется еще неделя до полного заживления сухожилий. Но он чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы вернуться на Цитадель. Однако в первую очередь ему нужно было поговорить с Кали.

Он нашел ее там, где и ожидал. Она сидела у кровати Ника и развлекала выздоравливающего. За последние три дня она делила свое время между этой палатой, палатой Андерсона и сеансами физиотерапии, которые должны были вернуть чувствительность ее пальцам.

— Ну как ты, герой? — спросил Андерсон, входя в палату.

— Неплохо! — ответил Ник.

Когда Андерсон находился в палате, мальчик почти что не разговаривал. Это было неудивительно, он совершенно явно был влюблен в Кали. Когда они были вдвоем, все ее внимание было отдано Нику.

— Хорошо выглядишь, — сказала Кали, тепло улыбаясь Андерсону.

Краем глаза он отметил, как омрачилось лицо Ника, и ему пришлось сдерживаться, чтобы не улыбнуться из-за такой реакции мальчика.

«Забудь об этом, парень, — подумал он, — найди кого-нибудь своего возраста».

— Как твои пальцы? — спросил Андерсон.

— Как новые! — ответила Кали, растопылив пальцы и помахивая руками в воздухе. — Думаю, могла бы с завтрашнего дня брать уроки игры на фортепьяно.

— У меня есть для тебя другое предложение.

Она подняла бровь:

— Какое?

— Мы можем поговорить наедине?

— Я скоро вернусь, Ник, — сказала Кали, потрепав мальчика по руке и поднимаясь.

— Да пожалуйста, — пробормотал он, но, кажется, она этого не услышала. Андерсон привел ее в соседнюю палату, которая как раз оказалась пуста.

— Прикрой дверь, — попросил он, когда они оказались внутри.

— Звучит многообещающе, — сказала он, повинувшись.

— Я поинтересовался у старых друзей из Альянса. Ни Кай Ленг, ни «Цербер» не объявлялись.

— Попрыгались как тараканы, когда свет зажегся, — отметила Кали. — Думаешь, они будут нас искать?

— Сомневаюсь. Им это не выгодно. Кроме того, мы слишком крутые. Тараканы любят темные углы.

— Что думаешь делать дальше? — спросила она.

— Через несколько часов я отбываю на Цитадель, — сказал он ей. — Я забираю с собой тело Грейсона.

— Хочешь все-таки убедить Совет в существовании Жнецов?

— А ты как думаешь?

— Сомневаюсь, — сказала она. — Может быть то, чем он был, основывалось на технологиях Жнецов, но там везде следы «Цербера». И мы никогда не узнаем, кто или что контролировало его. Так что, скорее всего, они во всем обвинят Призрака.

— Может быть, Совет и не послушает меня. Но мне есть, к кому обратиться — как внутри, так и за пределами Альянса. Мы не можем больше закрывать на все это глаза.

— Ты просишь моего разрешения на то, чтобы изучать его, — мягко произнесла она, осознав, чего он от нее хочет. — Вы хотите продолжать эксперименты с его телом. Разобрать его по кусочкам и выяснить все, что можно, о технологиях Жнецов.

— Это будет не то же самое, что делал с ним «Цербер». Я не одобряю их методов, но в одном они правы: Жнецы здесь. И мы должны найти способ противостоять им. Я обещаю тебе, что мы проявим уважение к его телу, — заверил он ее, — но есть кое-какие вещи, которые нам нужно узнать.

— Я понимаю, — все также мягко произнесла она.

— Но есть еще кое-что. Я хочу, чтобы ты отправилась со мной. Ты — самый выдающийся ученый Альянса. Если мы хотим понять, что происходит, без тебя не обойтись.

Он помолчал и продолжил:

— Ты нужна мне.

— Ты просишь меня уйти из проекта «Восхождение»?

— Я знаю, что ты любишь этих детей, и что ты здесь незаменима. Но сейчас нет ничего важнее этого.

Она замолчала, обдумывая его слова, и кивнула:

— Это то, чего бы хотел Грейсон.

— Это должно быть и тем, чего хочешь ты! — настаивал Андерсон. — Не делай этого только из чувства вины.

— Это не чувство вины. Я говорила с ними через Грейсона. Я имею в виду — со Жнецами. Они говорили о цикле, о том, что наше уничтожение неизбежно. Я не собираюсь оставаться в стороне и позволить этому случиться.

— Я рад, — сказал он, взяв ее за запястья и привлекая к себе. — Мне не хотелось бы снова тебя потерять.

Он взял ее лицо в ладони, склонился к ней и поцеловал ее в губы.

— Хорошо, что Ник тебя не видит, — мягко рассмеялась Кали. — Он бы размазал тебя об каждую стенку на этой станции.

Эпилог

Призрак сидел в своем кресле, глядя через иллюминатор на сверкающую голубую звезду, на орбиту которой переместилась его станция. Он любил антураж, а звезда была

прекрасным фоном для того звонка, который он ожидал.

Он попивал виски из бокала и время от времени медленно, со вкусом затягивался сигаретой. Он размышлял обо всем, что рассказал ему Кай Ленг и о том, какие это будет иметь последствия, как для человечества, так и для «Цербера».

Он достаточно знал об адмирале Дэвиде Андерсоне чтобы понять, что тот не останется в стороне. Наконец-то кто еще помимо «Цербера» начнет шевелиться по поводу Жнецов. Но это не означало, что Призрак выйдет из игры, напротив.

На сегодняшний день сотрудничество с Андерсоном представлялось маловероятным, хотя полностью сбрасывать эту идею со счетов Призрак не собирался. Но прежде всего ему нужно было продолжать работать, в то же время возрождая свою изрядно разрушенную империю.

И эта работа включала в себя решение вопросов с Арией Т'Лоак. Сейчас он не мог позволить себе воевать с ней, а у нее оставалось кое-что из того, что было нужно ему.

Только он успел докурить сигарету и взяться за следующую, как услышал мягкий сигнал входящего сообщения. Он развернул кресло так, чтобы видеть голографический дисплей.

— Принять вызов, — сказал он.

В центре комнаты материализовалось мерцающее трехмерное изображение Королевы Пиратов Омеги. Она в одиночестве сидела в той самой комнате, откуда вызывала его для их прошлого разговора.

— Мне не очень нравится, как «Цербер» ведет дела, — объявила она, опуская формальности и сразу переходя к сути. — Вы не предупредили меня о том, во что превратился Грейсон.

— Это не было бы проблемой, если бы вы не попытались взять его живым, — парировал Призрак. — Вы нарушили наш договор.

— Я слышала, что у «Цербера» последнее время были неприятности, — Ария сменила тему, совершенно явно пытаясь задеть Призрака за живое.

— Слухи о нашем крахе сильно преувеличены, — заверил он ее, перефразируя своего любимого литературного героя.

— Из-за вас я потеряла много людей, — отрезала Ария. — Такого я не забываю.

— Ни одному из нас сейчас не нужна война, — напомнил Призрак. — Я думал, что вы достаточно умны, чтобы понимать это.

— И за этим вы мне позвонили? Чтобы заключить перемирие?

— У меня есть деловое предложение.

Она рассмеялась.

— Почему вы думаете, что после всего, что случилось, я соглашусь?

— Потому что это не будет стоить вам ровным счетом ничего. Никакого риска. Одна выгода. Это предложение, мимо которого вы не сможете пройти.

— Я слушаю.

— Мне нужны файлы с той станции, где вы напали на турианцев.

— Это ведь изначально была ваша лаборатория, не так ли? Вы использовали меня, чтобы отомстить им.

— Я думаю, что мы использовали друг друга. Так что с файлами?

— А почему вы думаете, что я отдам вам их? Может быть, они мне пригодятся.

— Вы можете сохранить оригиналы. Просто пришлите мне копии.

— Эти эксперименты, они правда были тем, что я думаю? — спросила она.

— Я не знаю, что вы думаете, — уклончиво ответил Призрак.

— Каково ваше предложение?

— Пришлите мне файлы, и я заплачу вам три миллиона. Один сейчас, два по получении файлов.

— Три миллиона и я смогу оставить оригиналы у себя?

— Мне просто нужны данные, — заверил он ее. — Но если вы попытаетесь что-то

утаить, я узнаю. Если хотите, чтобы я вам заплатил, пришлите мне все.

— Вы и правда в это верите, — задумчиво проронила Ария. — Жнецы. Уничтожение галактики. Вы не считаете что это бред сумасшедшего.

— Скажем так, я не хочу рисковать, если это окажется правдой.

— Я пришлю вам файлы, — согласилась Ария. — Они будут у вас завтра.

— Сегодня я перечислю аванс на ваш счет. Номер не изменился?

— Тот же самый, — она кокетливо улыбнулась ему. — В отличие от вас, мне наплевать, если о моих планах становится известно.

Ария отключилась, прежде чем он смог ответить. Призрак не сдержался и рассмеялся тому, как важно было для нее эффектно закончить разговор.

Он развернул свое кресло обратно к иллюминатору и достал сигарету. Он выкурил ее до половины, когда вошла помощница и, наполнив его бокал, незаметно удалилась.

Он снова прихлебывал виски и курил, переводя взгляд со сверкающей голубой звезды на черноту космоса за ней. В его голове снова и снова крутилась одна и та же мысль.

Жнецы где-то там. И они уже близко.